

ISSN 2307-2598

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

Сборник статей

Выпуск 8

Часть I

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43
С 693

Рецензент:

кафедра эмпирической социологии и конфликтологии
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии *О. Н. Колесникова*;
профессор, заведующий кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

Техническая поддержка: К. И. Коваль

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** [Текст] : сборник статей. — Вып. 8 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. — Ч. 1. — 194 с.

ISSN 2307–2598

В сборник включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам. Сборник посвящен 25-летию факультета социологии Алтайского государственного университета.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43

ISSN 2307-2598

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Введение	8
<i>Коростелева О. Т.</i> Социология и социальная антропология: междисциплинарный диалог о соотношении натуралистической и гуманитарной методологии	10
<i>Сытых О. Л.</i> О некоторых методологических проблемах современной науки	18
<i>Воронина С. А.</i> Некоторые особенности подачи информации в транзитивном обществе	23
<i>Голенко Я. Ю.</i> Пространственно-временная организация социальной реальности в условиях информационного общества: социально-философский анализ	30
<i>Попов Е. А.</i> Социальная безопасность в фокусе современных социологических исследований	34
<i>Семилет Т. А.</i> Воспламенение квазипроблемных зон как маскировка социальных проблем общества	37
<i>Синцова Л. К.</i> «Мобильная» повседневность современности: опыт осмысления	41
<i>Афанасьева Т. А.</i> Роль правозащитных организаций в деле охраны социальных прав человека	45
<i>Быковская Б. В.</i> Социально-правовые проблемы сохранения этнической идентичности российских немцев (на примере Немецкого национального района Алтайского края)	48
<i>Нагайцев В. В.</i> «Конфликтоаллергены» современного русского общества	51
<i>Великжанина К. А.</i> Основные направления интеграции социальной политики в сферу социогуманитарных наук	58
<i>Воробьева А. А.</i> Деятельность негосударственных некоммерческих организаций по реализации положений нового законодательства (на примере Алтайского края)	62
<i>Дирин Д. А., Голядкина Е. И.</i> Роль туризма в трансформации социально-экономического пространства Республики Алтай	64

<i>Домашев А. Н.</i> Теоретический аспект понимания патриотизма как основы общественного сознания.....	68
<i>Игнатова Ю. А.</i> К вопросу об интерпретации категорий социальной стратификации в социологии	72
<i>Калитаева А. Ю., Мариничев И. В.</i> Проблемы регулирования конфликтов современной России	75
<i>Климук Я. А.</i> Нагнетание социальной напряжённости в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. (на примере «классовой борьбы» в алтайской деревне)	78
<i>Лазарева М. С.</i> Демографический портрет многодетности в регионах России.....	82
<i>Мелёхин В. А., Кротов А. В.</i> Социология витализма в квалиметрической характеристике качества физкультурно-спортивной жизни	86
<i>Мироненко А. А.</i> Экологическая культура населения городского округа Тольятти	92
<i>Переладова А. А.</i> Социокультурные аспекты правовой социализации молодежи	94
<i>Карамышев Н. П.</i> Социально-правовые проблемы кооперации сельского малого бизнеса	97
<i>Попова Е. В.</i> Духовная безопасность: подходы к трактовке понятия	101
<i>Пустовалова Е. В.</i> Коммуникативная культура разрешения конфликта	103
<i>Старосвет Е. А.</i> Развитие института социально ответственных работодателей в регионе (на примере Алтайского края).....	106
<i>Филиппова Е. В.</i> Влияние социально-экономических факторов на ценности труда	110
<i>Червякова К. С.</i> Социокультурный смысл опасности и безопасности.....	113
<i>Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К., Сарыглар С. А.</i> Этнокультурная идентичность населения Алтайского края.....	117
<i>Шилина А. Д.</i> Понятие муниципальной культуры.....	121
<i>Шиндяйкина Е. А.</i> Роль органов власти в сохранении культуры региона	124

<i>Панова Ю. А., Токмин А. И.</i> Меценатство как общественно-культурное явление России конца XIX — начала XX в.	128
<i>Сарыглар С. А., Семьянов С. А.</i> Эволюция понятия «семейные ценности» в современном социологическом знании.....	131
<i>Логина Н. С., Пономаренко О. П.</i> Влияние культурной политики на развитие и функционирование современного российского общества	134

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

<i>Замятина О. Н.</i> Теоретические подходы к понятию «качество образования»	140
<i>Воронина С. А.</i> Образовательное пространство транзитивного общества	144
<i>Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Максимов М. Б.</i> Ассоциация азиатских университетов как площадка для расширения академической мобильности в пространстве стран-участниц ШОС.....	148
<i>Калгашкина Ж. И.</i> Особенности конфликтов в современных педагогических коллективах (на примере Алтайского края)	152
<i>Абашина А. Д.</i> Тенденции развития права на образование в контексте международных норм	156
<i>Михайлец Д. И.</i> Организация добровольческой деятельности как фактор формирования толерантности школьников	159
<i>Борщ А. А.</i> Физическая культура как элемент воспитательно-образовательной социализации курсантов внутренних войск МВД России	161
<i>Омельченко Д. А., Дергунова И. В.</i> Проблемы и перспективы развития молодежных обменов между странами ШОС (по материалам социологических исследований в Алтайском крае).....	165
<i>Дергунова И. В.</i> Академическая мобильность студентов как форма осуществления международных молодежных обменов.....	169
<i>Котова Л. В.</i> Особенности правовой культуры руководителей системы общего образования.....	171

<i>Полежайкина Е. В.</i> Трансформация морально-нравственных установок курсантов вуза Министерства внутренних дел	175
<i>Чудова С. Г.</i> Профессиональные и образовательные стандарты в области социальной работы: согласованность квалификационных требований	179
<i>Замятина О. Н.</i> Факторы социального неравенства в сфере образования	182
<i>Молоткова Е. А.</i> Творческая деятельность в системе воспитательной работы средней общеобразовательной школы	186
Сведения об авторах	190

Раздел I

**ИНТЕГРАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
И ЗНАНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональное сообщество России ежегодно отмечает 14 ноября профессиональный праздник — День социолога. Судьба социологии в России тесно связана с её историей: как наука и профессия социология возникла в конце XIX — начале XX в., однако после 1917 г. оказалась не востребована в нашей стране. Возрождение социологии произошло только в начале 90-х гг. XX в., когда стали создавать кафедры, факультеты по подготовке специалистов-социологов.

Алтайский государственный университет — единственный в Алтайском крае вуз, где ведется подготовка социологов. В 2015 г. факультету социологии исполнилось 25 лет. Мы гордимся тем, что были одним из первых вузов в России, где был создан социологический факультет! Важно то, что все эти годы факультет стабильно развивается, сохраняя своё единство. «Лицо факультета» — это его преподаватели, студенты и выпускники. Сегодня на факультете ведется подготовка таких специалистов, как социологи, социальные работники, конфликтологи, информатики-аналитики социальной сферы, организаторы работы с молодежью. На факультете обучаются бакалавры, магистранты, аспиранты, докторанты. Здесь создана атмосфера сотрудничества преподавателей со студентами, творчества, способствующая дальнейшему благоприятному развитию. Мы видим свою задачу в подготовке студентов к успешной профессиональной жизни. Наши выпускники успешно обеспечивают качество и эффективность работы социальной сферы Алтайского края. Они трудятся в органах государственной власти и управления, политических партиях, системе социальной защиты, образования, предприятиях, банках, торговых фирмах др. Занимаются диагностической, аналитической, экспертной деятельностью.

Сегодня социологи многое делают для создания объективной картины развития региона. Мы проводим мониторинги и прикладные исследования в самых разных сферах индивидуальной и общественной жизни человека, изучаем проблемы социального благополучия, безопасности, самочувствия населения, его социокультурного развития, выявляем основные тенденции изменения во всех сферах жизни населения региона. В свой профессиональный праздник и юбилей мы провели научно-практическую конференцию «Социология в современном мире: наука, образование, творчество», где обсудили на-

сущные проблемы развития социологии. Эти материалы опубликованы в восьмом выпуске сборника научных статей.

Я искренне люблю наш факультет: его преподавателей и студентов, бесконечную круговерть событий, интересных дел и важных проблем. Я радуюсь его успехам, огорчаюсь при неудачах, уверена в его прекрасном будущем! Поздравляю своих коллег преподавателей, студентов, выпускников с профессиональным праздником — Днем социолога и 25-летием социологического образования на Алтае. Желаю творческих успехов на ниве социологического образования и социологической науки.

Декан факультета социологии

О. Н. Колесникова

О. Т. Коростелева (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИАЛОГ О СООТНОШЕНИИ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Проблема соотношения натуралистической и гуманитарной методологии является одной из центральных в развитии социологической науки. Дело в том, что с точки зрения предметной определенности (при любой из известных сегодня трактовок ее предмета) социология, безусловно, имеет социогуманитарный статус, однако ее методологическое развитие всегда находилось и сейчас находится под мощным влиянием идеалов и норм классического естествознания. В этой связи адекватное методологическое самоопределение социологии предполагает процесс взаимодействия, борьбы и взаимных переходов противоположных тенденций натурализации и гуманитаризации знания.

Имея общенаучный (и даже общегносеологический) статус, эти тенденции проявляются и специфически соотносятся в различных отраслях современной науки. Так, например, гуманитаризацию наук о человеке и обществе можно рассматривать как становление научной гуманитарной методологии на ее собственном, дисциплинарно оформленном предметном основании, осуществляющемся на основе преодоления тех или иных видов натуралистической редукции. Значительная роль в формировании и реализации натуралистических и гуманитарных установок любой (в том числе социологической) науки принадлежит междисциплинарному взаимодействию — своеобразному методологическому диалогу и «обмену опытом» между достаточно близкими в предметном отношении научными дисциплинами. Ведь именно междисциплинарный уровень познания, по словам Е. А. Попова, «быстро вывел из состояния методологической растерянности научные отрасли, которые некогда были самодостаточными и никак не реагировали на всплеск модного увлечения межнаучностью» [1, с. 24].

Анализ путей и механизмов становления гуманитарной методологии на междисциплинарном уровне целесообразно провести на примере взаимодействия социологической науки с социальной антропологией. Такой выбор продиктован тем обстоятельством, что эти очень близкие другу к другу науки активно взаимодействовали на всех эта-

пах своего исторического развития и продолжают взаимодействовать именно по поводу теоретико-методологического самоопределения. При этом их «обмен» методологическими установками носит в полном смысле этого слова взаимный, двусторонний характер и приводит, в конечном счете, к формированию и постепенному оттачиванию научных принципов и моделей социогуманитарного знания в целом.

Особый исследовательский интерес вызывает тот факт, что «методологический диалог» названных дисциплин их крупнейшими представителями, такими как Э. Дюркгейм, А. Р. Рэдклифф-Браун, К. Леви-Строс, трактовался зачастую в контексте не гуманитаризации, а, напротив, «натурализации» наук о человеке и обществе, как взаимная помощь в процессе приобщения к образцам естественно-научной методологии. Тем важнее обратить пристальное внимание на «вторую сторону медали» и выделить основные пути взаимодействия социальной и социальной антропологии на собственно гуманитарной теоретико-методологической платформе.

Во-первых, это предметное в своей основе взаимодействие, направленное на учет человеческого компонента и содержания в жизни общества, с одной стороны, и социального измерения в жизни человека — с другой. Такое взаимодействие реализуется на уровне как «внешних» междисциплинарных связей (по принципу взаимной дополнительности наук о человеке и обществе), так и предметно-методологической «перестройки» отдельных дисциплин. Последняя проявляется в социологии XX–XXI вв. в бурном развитии микросоциологических исследований и в формировании целого ряда новых, «антропологически ориентированных» направлений (этнометодология, феноменологическая социология, символический интеракционизм и др.).

Что же касается социальной антропологии, то весь процесс ее становления и развития пронизан идеей фундаментальной зависимости индивидуального (в том числе физического) бытия человека от его включенности в систему социальных связей и отношений, от выполнения социальных функций, от факторов групповой солидарности и поддержки (см., напр.: [2, с. 105–170; 3]).

Во-вторых, мы видим взаимное влияние самых общих методологических принципов, идеалов и норм научного исследования, разработанных и применяемых традиционно в рамках той или иной сферы знания. В этом плане обращает на себя внимание мощное воздействие на теоретико-методологический аппарат социологии, на стиль научных социологических разработок со стороны традиций герменевтико-интерпретативного анализа, широко распространенных в антропологической науке. Органичное включение в категориальный

аппарат современной социологии понятий жизненного пространства, герменевтического круга, смыслотворчества, смысложизненных ориентаций и иных позволяет говорить о том, что установка на *понимание* человеческих значений и смыслов становится сегодня достоянием не только веберовской традиции и идущих за нею парадигм, но и социологической науки в целом. Так, среди сложившихся сегодня в социологии явлений «микропорядка» Н. В. Романовский отмечает «акценты на повседневности (поднимая ее до уровня теории...), на обычные, рутинные повседневные практики..., «deskriptivное обыденное научное знание»..., „folkscience“ и др.» [4, с. 6–7].

Подчеркивая стремление человека как родового существа к гармонизации своего бытия в мире, социальная антропология рассматривает диалоговые формы освоения различных «миров» смыслового пространства культуры («мира природы», «мира мертвых», «мира других людей») в качестве фундаментальных, определяющих механизмов достижения такой гармонии. И в широком приобщении современной социологии к гносеолого-методологическому принципу диалогизма антропологическому влиянию принадлежит далеко не последняя роль.

Уже на основании рассмотренных выше моментов напрашивается вывод о том, что предметно-методологическое взаимодействие с антропологией является одним из действенных механизмов гуманитаризации социологической науки. Однако этот вывод следует считать преждевременным и недостаточно обоснованным, пока не рассмотрены более глубокие и тонкие связи самой социальной антропологии с методологическими установками натуралистического и гуманитарного типа. Ведь наряду с очевидным и мощным гуманитарным потенциалом данной науки в истории ее развития отчетливо представлены и натуралистические тенденции. Это и неизбежное влияние физических и биологических аспектов антропологии как комплексного учения о человеке; и неизбывное стремление постичь подлинную «природу человека» как родового существа в ее инвариантных, архетипических проявлениях, и столь характерные для социальных антропологов XX в. эмпирические и рационально-структуралистские ориентации, нацеленные фактически на соответствие идеалам и нормам классического естествознания.

«Если дать возможность структурному анализу проявиться достаточно полно, — вдохновенно пишет по этому поводу один из лидеров структурализма К. Леви-Строс, — гуманитарные науки, как и естественные, могут надеяться достичь такого уровня, при котором в различных регионах и в различные эпохи одинаковые эксперименты бу-

дут протекать по одинаковому сценарию. Таким образом мы сможем контролировать наши теоретические гипотезы» [4, с. 38].

Как свидетельствует история науки, для социологии и социальной антропологии характерны свои (отчасти совпадающие) предпосылки и механизмы натуралистической редукции, а также возможности ее преодоления. Поэтому особенно важно, на наш взгляд, указать еще на один аспект методологического взаимодействия этих дисциплин, предполагающий объединение их усилий по становлению и развитию системы подлинно гуманитарного знания. Речь идет о вкладе социологии и социальной антропологии в формирование оптимальной модели теоретического гуманитарного знания — знания конкретно-всеобщего, противостоящего всем формам обезличивающих абстракций во взглядах на человека и человеческое общество.

Теоретико-методологическая модель научного закона в гуманитарном знании формируется сегодня во многом на основе преодоления классической модели естественно-научного закона как абстрактно-всеобщей, существенной, устойчивой, необходимой и повторяющейся связи явлений. Подлинно гуманитарный закон должен не только *объяснять* объект, указывая на то общее, существенное и необходимое, в приобщении к которому он приобретает собственную устойчивую определенность, но и создавать предпосылки для *понимания* его *смысла*, охватывая своим содержанием сферу и способы репрезентации общего — в индивидуальном, сущности — в явлениях, необходимости — в осуществленной свободе.

Какой же вклад могут вносить и вносят в реализацию данной методологической программы социальная антропология и социологическая наука?

Говоря о структуралистском направлении в антропологии, следует подчеркнуть, что его гуманитарный теоретико-методологический потенциал связан прежде всего с ориентацией на выделение архетипических бинарных оппозиций бытия человека в мире, позволяющих высветить некий *смысловой универсум* мира человеческой культуры. Подробно занимаясь изучением структуры мифа, К. Леви-Строс считал, что эта структура и сам смысл мифа могут быть поняты лишь на основе анализа его различных (в том числе полярно противоположных) вариантов: «Представляется, что миф рассматривает два крайних решения одной и той же проблемы, между которыми располагаются несколько промежуточных вариантов, образующих как друг с другом, так и с крайними решениями, многочисленными отношениями корреляции и оппозиции» [3, с. 22]. Здесь мы видим такое общее, которое обнаруживает и реализует себя лишь во всем

богатстве и многообразии особенного и отдельного; инвариант, который в принципе не существует и не может быть понят без учета всего смыслового поля его вариантности. Данный мотив (единства смыслового многообразия и многообразия, таящегося в смысловом единстве) развивается классиками антропологии не только в теоретико-рефлексивных, методологических трудах, но и в специальных, по сути дела, этнографических работах. Так, анализируя обряды инициации и посвящения в архаичных культурах, М. Элиаде обращает особое внимание на смысловую амбивалентность и даже поливалентность ритуальной символики, в частности, останавливается на доказательствах «многовалентности символики возвращения в чрево, многовалентности, которая позволяет пересматривать и трактовать ее бесконечно в различных духовных и культурных контекстах» [5, с. 144] (см. также: [6]). Интересно и показательно при этом, что сами структуралисты отнюдь не оценивают данную методологическую установку как сугубо и специфически гуманитарную, а напротив, рассматривают ее в контексте приближения к традициям естественных наук, которые «имеют привилегию проводить свои эксперименты в различных местах и в разные моменты времени» [3, с. 13]. На наш взгляд, такая ситуация наглядно демонстрирует теснейшую связь и взаимные переходы тенденций натурализации и гуманитаризации знания.

Что же касается постструктуралистов, то их «благородное негодование» и революционный пафос направлены против любых теоретических конструкций, неизбежно огрубляющих и обедняющих в своем «прокрустовом ложе» полноту, смысловую безграничность и «неопределенность» бытия (Ж. Деррида); против «террора» информационных технологий, приводящих к сужению «поля языковых игр» (Ж. Лиотар).

Один из идейных предшественников постструктурализма французский философ и моралист Э. Левинас обращает пристальное внимание на диалектику «тождественного» и «иного», общего и особенного. Органично соединяя проблемы онтологии, гносеологии и этики, он «видит корни насилия... в господстве безличного обобщения над сущим — личным, частным, конкретным и беззащитным» [7, с. 406]. «Любое обобщение, любая нейтральность, безличность» рассматриваются как насилие, «и далеко не последним в этом ряду является насилие теории» [7, с. 406]. Э. Левинас настаивает на принципиальной разнице между пониманием мира как тотальности, где «многообразное унифицируется под широкообразным взглядом», которого требует холодное сияние истины, и особенно важным применительно к социальной сфере признанием множественности бытия,

предполагающей «невозможность тотальной рефлексии», невозможность «слить в единое целое» «я» и «не-я» [8, с. 222–223].

По утверждению Ж. Делеза, «существуют два разных способа прочтения мира. Одно призывает нас мыслить с точки зрения предварительного сходства или идентичности, в то время как другое призывает мыслить подобие или даже идентичность как продукт глубокой несоизмеримости и несоответствия» [9, с. 234]. Целиком и полностью отдавая предпочтение второму из указанных способов, постструктурализм в антропологии фактически тоже работает «на уровне» построения конкретно-всеобщего знания, но акцентируя момент открытости, принципиальной несводимости форм индивидуального смыслотворчества ни к одной из общих теоретических схем.

Вообще социальной антропологии на теоретическом уровне очень трудно избежать релятивизации и расставить *объективно детерминированные* ценностные и смысловые акценты. Когда же все в принципе связано со всем, но не привязано ни к чему *неразрывно*; когда теоретик достаточно произвольно комбинирует элементы и варианты мифа, подчиняясь лишь собственной логике и интуиции; когда ничто не мешает ему при построении концепции перемещаться в социально-историческом пространстве — времени, «прыгая» через десятки тысяч лет и столько же километров, возникает абстракция глобального (так сказать, общечеловеческого) отождествления, характерная именно для этой науки. Теоретическая антропология предлагает нам обобщенный (а точнее, комбинированный) портрет человека на фоне культурного универсума. Образ на таком «портрете» — живой и многомерный, вбирающий вариативное богатство человеческого бытия, но весьма «нечеткий», расплывчатый, как на фотографии без должной фокусировки, где рассмотреть конкретные детали и узнать, кто именно изображен, практически невозможно. Зато эту «фокусировку» по пространственно-временным, национально-государственным, статусно-ролевым и многим другим параметрам жизни человека в обществе всегда стремится обеспечить социологическое исследование.

В истории развития социологической науки также достаточно ярко представлена ориентация на получение конкретного теоретического знания, однако достижение этой цели традиционно связывается с иными предпосылками и исследовательскими приемами. Как известно, еще Г. Спенсер относил социологию к разряду конкретных наук (изучающих сами явления в их целостности). «В этих конкретных науках, — писал он, — цель противоположна той, какой задаются науки абстрактно-конкретные. В одном случае мы имеем

аналитическое объяснение, в другом случае мы имеем объяснение синтетическое. Вместо того чтобы употреблять синтез лишь для проверки анализа, здесь употребляется анализ лишь в помощь синтезу» [10, с. 565]. Социология давно и успешно продемонстрировала свои возможности в плане преодоления двух основных видов научных абстракций: изолирующей абстракции и абстракции отождествления. Их преодоление органично связано с реализацией методологической установки на рассмотрение любого явления в жизни общества с точки зрения его включенности в целостный социальный, исторически определенный (и неповторимый в этой определенности) контекст.

Кроме того, именно социология подвергает сегодня наиболее глубокому и пристальному анализу проблему универсалий, переводя ее из философско-схоластической плоскости в собственно научный, теоретико-методологический план. Говоря о сущности спора социологического реализма и номинализма, отметим, что представители данных направлений пытаются решить вопрос о соотношении не только общего, особенного и единичного в жизни человеческого общества, но также социально-целостного и индивидуально-личностного бытия. Так, «для сторонников социологического реализма истинными носителями социальной реальности являются над- или сверхиндивидуальные целостности — человечество («человеческий род»), общество, государство, народ, семья, а не конкретные («эмпирические») индивиды» [11, с. 117]. Однако более или менее последовательно придерживаться этой (явно преобладавшей в классической социологии) теоретико-методологической ориентации реализма мало кому удавалось [11, с. 118]. «Подобно социологическому номинализму, который неизбежно должен был в ряде существенно важных случаев пользоваться допущениями, законными лишь в рамках социологического реализма, сторонники этого последнего то и дело оказывались перед необходимостью использовать аргументы номиналистического характера» [11, с. 118].

Ш.-А. Кюэн приводит по этому поводу красноречивое признание Э. Дюркгейма: «Вообще мы полагаем, что социолог не справился целиком со своей задачей до тех пор, пока не проник в глубину души индивидов, чтобы связать институты, которые он объясняет, с психологическими условиями их существования» [12, с. 3].

Однако подобное распределение «теоретико-методологических гуманитарных функций» между весьма родственными научными дисциплинами не может и не должно считаться абсолютным. Напротив, следует подчеркнуть принципиальную возможность и актуальную значимость их взаимопроникновения и взаимообогащения. Так,

гуманитарный потенциал современной теоретической социологии способен значительно углубиться и расшириться за счет приобщения к традиционно-антропологическому приему выделения границ смыслового универсума, характеризующего вариативность бытия тех или иных сторон социальной реальности. В качестве примера можно привести анализ любого социального элемента или института, основанный на выявлении ряда бинарных оппозиций между структурно-функциональными, субъектными и другими «полюсами» его деятельности. При этом особая важность и универсальная значимость принадлежит, на наш взгляд, оппозициям индивидуальной и коллективной субъектности, социального конфликта и гармонии, социальной интеграции и дезинтеграции, социальной нормы и аномии. В содержательной «развертке» между этими полюсами высвечивается все поле социальных феноменов, возникающих при их взаимодействии и различном соотношении.

Представляется, что такая постановка вопроса не уводит социологию от решения ее традиционной задачи изучения общества «здесь и теперь», но позволяет, вычерчивая «профиль» социальной реальности, увидеть его живым, динамичным и многомерным; позволяет убедиться в том, что за каждой актуализированной «маской» социума скрывается богатство и многоликое разнообразие «социальных улыбок и гримас».

Чем более полно будет учтена вариативность социального бытия (в каждом из его элементов и измерений), тем более конкретным, лишенным односторонности станет социологическое знание. Приобщение же к принципам и приемам теоретической антропологии позволит эффективно двигаться по пути его конкретизации не только на этапе проведения эмпирических исследований, но и на этапах их подготовки и осмысления полученных результатов.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Современная социология в перекрестке междисциплинарности // Социологические исследования. 2013. № 8.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001.
3. Леви-Строс К. Мифологии. Т. 3: Происхождение застольных обычаев. М. ; СПб., 2000.
4. Романовский Н. В. Эволюция теоретической мысли в социологии. Комментарий к проблеме // Социологические исследования. 2013. № 8.
5. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М., 2002. 352 с.

6. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
7. Ямпольская А. В. Безмерность в мире мер // Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб., 2000.
8. Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб., 2000.
9. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998.
10. Спенсер Г. Классификация наук // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999.
11. История теоретической социологии. Социология XIX века / под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1998.
12. Кюэн Ш.-А. Социологи и одержимость пониманием. Неопозитивистское прочтение Макса Вебера // Социологические исследования. 2001. № 12.

О. Л. Сытых (Барнаул)

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Среди многообразия различных видов познания (художественного, обыденного, мифологического и др.) наука обладает особым статусом, проявляющимся в наибольшем доверии подавляющего большинства людей к её результатам. При этом следует подчеркнуть, что наука сегодня стала иной, чем она была несколько десятилетий назад, она приобрела некоторые новые черты, сближающие её с различными ненаучными способами познания, делающими актуальными постановку методологических проблем. Итак, каковы эти новые черты науки? Отметим лишь некоторые, на наш взгляд, чрезвычайно значимые для изменения её облика моменты:

- переход от исследования процессов и объектов макромира (от размера молекулы до размера Галактики) к изучению мегамира и микромира;
- в самом макромире заметно движение в направлении от исследования предметов и процессов к исследованию многообразных отношений между предметами;
- включение в познавательную сферу всё большего числа чело-векоразмерных объектов;
- выдвигание на первый план «комплексных проблем», требующих для своего разрешения усилий представителей как раз-

личных наук, так и общественности из разнообразных сфер деятельности;

- появление тенденции при исследовании человека рассматривать его не как случайную частицу мироздания, а как важное звено эволюции Вселенной, задающее само изучение (а иногда и развитие) мира. При этом человек уже рассматривается не только как природное физическое существо (по образному выражению М. Фуко «вещь в мире вещей»), а как существо духовное, обладающее сознанием.

Эти изменения можно назвать изменениями в предметной области науки. Но они повлекли за собой изменение в методах исследования и в подходах. А взятые вместе, эти перемены породили много актуальных научных проблем методологического характера. Останемся на них подробнее.

Так, исследование микро- и мегамира привело ученых к необходимости учитывать не только в процессе познания, но и в его результатах субъективность. Здесь можно услышать закономерное возражение, что уже в неклассический период науки, с которого собственно и начинается исследование микромира, учёт средств и методов познания становится значимым при описании результатов познавательной деятельности. Однако это в неклассической науке, а в настоящее время речь идёт уже о субъекте как представителе конкретной социокультурной эпохи, овладевшем соответствующими методами, усвоившем опыт поколений, применяющем соответствующие критерии точности и т. д. Сегодня стоит вопрос о том, как это всё должно фиксироваться и отражаться в результатах познавательной деятельности при нашем вечном стремлении к объективности. Можно ли говорить об истине, говоря о субъективном содержании знания?

Обратимся ко второй особенности современной науки: «в самом макром мире заметно движение в направлении от исследования предметов и процессов к исследованию многообразных отношений между предметами». Здесь можно отметить, что с середины XIX в., когда начинается переход от господства метафизического метода к широкому внедрению диалектического метода, учёные неоднократно акцентировали внимание на необходимости учёта связей между предметами, но продолжали изучать предметы «в чистом виде». Современное обращение к исследованию отношений между предметами породило представление о ряде «возможных», вероятных ситуаций, каждая из которых дополняет предыдущую, создавая общее представление об отдельных фрагментах реальности, с включением предме-

тов и отношений между ними, отношений, часто задаются деятельностью человека.

Таким образом, при изучении объектов макромира введение человека как представителя конкретной эпохи становится настоящей научной потребностью. Отсюда понятна важность и необходимость антропного принципа в методологии науки. Но как можно исследовать отдельные фрагменты действительности, содержание и структура которых задаются человеком, исследовать грамотно, приближаясь, а не удаляясь от реальности? Это ещё одна важная методологическая проблема. Решение её некоторые учёные видят в широком использовании метода компьютерного моделирования и математической гипотезы (последняя зарекомендовала себя при исследовании микро- и мегамира). Но думается, речь здесь идёт именно о методах, а нас интересует вопрос о результатах познания. Говоря о последнем, мы непременно выйдем на интерпретацию и понимание, на гибкое сочетание дополняющих друг друга картин.

Исследуя отношения между предметами, следует, конечно же, помнить и о том, что эти отношения изменчивы сами по себе и, как мы уже отметили, часто задаются человеком. Стремясь лучше познать мир, человек рисует ряд картин мира в соответствии с различными отношениями. Закономерен вопрос: должен ли он остановиться на существующих отношениях при исследовании или прогнозировать их развитие? А можно ли их прогнозировать в принципе? Моделировать, не зная сущности данных отношений, изменений отношений, другие отношения (например, между водоёмом и ландшафтом)? И как их исследовать?

Изучение человекообразных объектов, которыми особенно активно занимаются учёные в конце XX — начале XXI в., безусловно, составляет важную особенность современной науки, и это явление также меняет образ самой науки, определяя ряд её важных проблем. Это исследование можно представить схемой «предмет — человек», где предмет (объект) и человек (субъект) не противопоставляются (в этой связке), а слиты. Само исследование, его результат зависят от отношения общества к объекту изучения, к исследуемой проблеме.

Например, клонирование. Отметим, что в данном конкретном случае, как уже не раз случалось в науке, «дерзание» человеческого духа значительно опережает нравственный рост человечества, и большинство учёных хорошо осознают этот факт. В само понимание клонирования включается сегодня не только знание биогенетических аспектов этого явления, но и социальная составляющая, выраженная прежде всего в оценке последствий возможного клонирования челове-

ка. Динамика подобного знания, которое выступает как вероятное, связана как с эмпирической и теоретической подтверждаемостью разрабатываемой гипотезы, так и с изменением мировоззренческой составляющей, входящей в содержание знания. Субъективные установки, присутствующие в объекте познания, представляют собой характеристики системы коллективной межсубъектной деятельности. В деятельности отдельного человека реализуются личностные смыслы, в которые явно или неявно входят социокультурные ценности. Именно развитие человекоразмерных систем тесно связано с соотношением социальной и индивидуальной субъективности. В современной науке субъективность всё реже рассматривается исследователями как нечто негативное, исключающее истинность. «Сегодня появляется всё больше исследователей, изначально ориентированных на осмысление знания как явления субъективного, отходящих от негативного смысла понятия «субъективность» и утверждающего позитивный характер субъективности как творческого человеческого начала» [1, с. 19–20].

Изучение комплексных проблем, или точнее, проблем, требующих комплексного изучения — ещё одна важная примета современной науки. Например, проблем энергетики, экологии и т. п. Здесь важны усилия многих наук. Как их лучше всего координировать, если само сущностное определение предмета у представителей разных наук бывает чрезвычайно различным? Здесь большой плюс, что проблема рассматривается с разных сторон, но порой упускается единство в понимании и определении самого предмета исследования.

Очень важной проблемой сегодня является поиск методологии, адекватной современному уровню научных исследований. Некоторым итогом этих поисков можно рассматривать обращение учёных к синергетике, которую сегодня нередко стали рассматривать как единую. всеобщую методологию. Представляется, синергетику нередко начинают применять за границами её возможностей, потому что, будучи наукой о сложных самоорганизующихся системах, она иногда используется при исследовании любых предметов, которые не являются сложными самоорганизующимися системами. Для них вполне пригодны, а главное — более результативны старые методы.

В этом же ключе важным считается вопрос о заимствовании методов наук. Сегодня Российская академия наук через систему грантов стимулирует исследования, направленные на широкое использование новых методов (за пределами конкретных предметных областей, где они уже получили апробацию). Но возникают новые вопро-

сы: Каковы границы и условия переноса методов одних наук в другие? Не мешает ли такой перенос достижению истины, не искажает ли он полученные результаты?

И, наконец, остановимся ещё на одной выделенной нами особенности современной науки, в частности, на том, что сегодня человека часто рассматривают как важное закономерное звено эволюции Вселенной, задающее изучение (а иногда и развитие) мира. Начало такому рассмотрению было положено при исследовании социума и человека. В частности, учёные обратили внимание на тот факт, что будущее общества нередко определяется нашими прогнозами и верой в их осуществление. Это явление, называемое эффектом Эдипа, уже напрямую выводит нас на определённую заданность развития социума «общественными представлениями и видением» будущего развития (см. об этом: [2]). По отношению к исследованию человека это сегодня приобрело отражение в различных психологических практиках, суть которых выражается в известной формуле: «Каким ты себя видишь в будущем, таким ты и станешь». Из социологии, психологии и ряда других социогуманитарных дисциплин эта идея сегодня пришла в естествознание. Она начала использоваться при создании современной картины мира. Развёртывание этой идеи при формировании картины мира можно представить следующим образом:

- 1) человек и социум проектируют своё будущее, которое в значительной степени (под влиянием этого видения) сбывается;
- 2) существование и развитие социума тесно связано с природой, её освоением и использованием;
- 3) проектируя своё будущее, человек в определённой степени проектирует и будущее природы, а через неё и космоса;
- 4) космос и мир, таким образом, оказываются антропоориентированными, а образ мира в значительной степени зависит от желаний и устремлений человека, от его сознания и духовности.

Отметим, что приведённая логика суждений фиксируется нами как существующая, но не истинная. Её истинность весьма проблематична, прежде всего в аспекте соотношения антропоориентированной картины мира и относительно объективного отражения отдельных фрагментов реальности, её предметов и процессов (хотя, как мы отметили, изучение предметов не является ведущей тенденцией сегодня, но, тем не менее, оно имеет место и в современной науке).

Итак, развитие современной науки поставило ряд актуальных методологических проблем, не имеющих сегодня однозначного решения.

Библиографический список

1. Сытых О. Л. Размышление о генезисе человеческого познания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
2. Бестужев-Лада И. В. Будущее предвидимо, но не предсказуемо: эффект Эдипа в социальном прогнозировании // Пределы предсказуемости. М., 1997.

С. А. Воронина (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Бурное развитие в современном мире коммуникативных технологий в единстве с глобальными культурными процессами способствует созданию предпосылок для реального формирования такого ценностного пространства, которое позволяет объединить разные культуры, мировоззрения и ценностные составляющие. Современные коммуникативные технологии способствуют сближению ранее закрытых друг для друга культурных миров, но в то же время развитие коммуникативных технологий создает невиданные возможности для манипулирования.

Следовательно, коммуникация есть не только общественное благо, но и деструктивное и даже негативное явление. Двойственность этого феномена, мера его воздействия на личность и общество требуют тщательного исследования всех его проявлений, особенно уровня воздействия средств массовой коммуникации на культурные процессы и формирования ценностных установок.

Русские философы-евразийцы В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Л. П. Карсавин, В. С. Соловьев, Н. С. Трубецкой, В. Н. Флоровский и другие в своё время высказали идею о том, что практически все страны, населенные по преимуществу славянскими народами, могут быть отнесены к одному социокультурному типу, отличающемуся заметным своеобразием. Мыслитель Н. Я. Данилевский выдвинул предположение о том, что исторические изменения аналогичны «естественной истории», а «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений)

могут подразделяться» [1]. Для стран этого социокультурного типа, в том числе и для России, характерен транзитивный тип общества, т. е. состояние постоянного перехода, вызванного природными особенностями, социокультурными обстоятельствами, спецификой исторической судьбы. В России наблюдается (на протяжении уже второго столетия) состояние неравномерности, неустойчивости социальных процессов (от революции 1917 г. до перестройки 1985 г.), каждый раз необратимых по своему характеру, способствующих развитию новых временных, социальных и культурных связей. Данные процессы являются следствием повышенной чувствительности российского менталитета и желания «все изменить», но иметь возможность вернуться в прошлое.

Но поскольку принципиальный поворот назад невозможен, возникает ценностный коллапс, человек постоянно должен определять новую систему ценностей, часто противоречащих друг другу, что приводит к личностному, общественному отчуждению. «Антиномичность» разума способствует формированию нового типа личности, для которой характерны минимизация ценностной регуляции поведения и оценка себя с точки зрения спроса. Отсюда осознание того, что большинство социальных ценностей, при помощи которых человек определял свое место в недавнем прошлом, уже утратило свою актуальность и ценность в сегодняшнем социуме, а это приводит к отказу механизма морально-нравственной регуляции поведения. В транзитивном обществе постоянно сосуществуют (по Д. Леонтьеву) два противоположных типа мировоззрений: «старое мышление» — мировоззрение как миф, которое владеет человеком; «новое мышление» — мировоззрение как деятельность, которым владеет человек.

Характер транзитивного общества во многом определяется географическими условиями, а также состоянием материального производства, социально-политическим устройством, обычаями и верованиями. Транзитивное общество обнаруживает определенную степень развития культуры.

В целом понятие «транзитивное общество» достаточно широкое, вместе с тем оно характеризует качественную специфику современного российского общества, следующего своим законам развития. Говоря о современном российском обществе как о транзитивном, в первую очередь мы имеем в виду не только уровень развития производительных сил и экономического базиса — этот вопрос можно оставить теоретикам постиндустриализма и информационного общества — здесь нет противоречия с положениями данных концепций. Транзитивное общество — это общество, напрямую зависящее

от господствующей системы ценностей в определенный период жизни общества. В транзитивном обществе отсутствует абсолютизация социально-экономических законов, господствующих над людьми, но принимается во внимание сложное переплетение технического, экономического, политического, религиозного и других социокультурных факторов в реальной деятельности людей, провозглашается право каждого народа, каждой социальной группы на собственный социально-исторический эксперимент, на реализацию своей культурной программы.

Определяющим базисным механизмом транзитивного общества являются информационно-коммуникативные технологии, на основе которых «транзитом» передаются идеи, ценности из различных эпох, определяющие общественные усилия в преобразовании человека. «Мы начали переживать кризис культуры, не изведав до конца самой культуры... Варварская стихия всегда была слишком сильна... Но в душе русского народа, быть может, сохранилась большая способность обнаруживать волю к чуду религиозного преображения жизни», — писал в начале XX в. Н. А. Бердяев [2].

Транзитивное общество нельзя понимать как упорядоченную смену исторических эпох. Идея смены формаций, волн, заложенная в теориях постиндустриализма, информационного общества, слишком, на наш взгляд, схематична, так как человек информационного общества стремится не к преемственности культурных ценностей, а к абсолютно новым, по большей части бытовым ценностям и благоустройству жизни. Этот человек есть безликая масса, которая не способна рождать великие идеи, в связи с чем теряется целый пласт жизненных содержаний. И постиндустриальное, и информационное общество — это общество, в котором доминирует грубый практицизм и бездушный разум. Именно бездуховность как основание современного западного общества представляет собой опасность разложения. В принципе, нет ничего плохого в благоустройстве жизни, но когда оно поглощает человека целиком, то на культуру уже не остаётся душевных сил.

История — нелинейный процесс. Транзитивное общество — это не ограниченная во времени и пространстве культурно-историческая система, характеризующаяся единством хозяйственной, общественно-политической и духовной жизни, это уникальный социальный феномен с преемственной связью с прошлым. В основе развития транзитивного общества, уточним ещё раз, лежит творчество, и отрицающее все и вся, и опирающееся на накопленный историей опыт, духовные ценности и идеалы. Поэтому человек транзитивно-

го общества — это человек ищущий, мятущийся, ему всегда не хватает четкости ориентиров, ему не хочется отказываться от прошлого, но поскольку ситуация заставляет, то приходится творить новые формы жизни и деятельности.

Существенными признаками транзитивного общества являются следующие: уникальность организации социальной системы и сложность духовной организации, в которой сталкиваются, параллельно сосуществуют, взаимодействуют как установки прошлого, так и культурные доминанты настоящего.

Таким образом, транзитивное общество — это новый тип социально-экономических, культурных, ценностных отношений. Здесь нет и никогда не будет стабильности, изменчивость — вот главный признак транзитивного общества. Следующий признак — это динамичность. В транзитивном обществе резко возрастает скорость социальных, культурных трансформаций, смена стабильности происходит все чаще. И главный признак — это множественность вариантов информационной структуры и, соответственно, систем ценностей. То, что коммуникация начинает играть одну из главных ролей, можно связать не только с тем, что человечество в транзитивном обществе в первую очередь обращается к Личности, но также и с тем, что при утрате ценностного стержня личность обращается к самым доступным источникам — коммуникативным, отыскивая именно в них ответы на интересующие её вопросы.

Одной из особенностей транзитивности становится разрушение строгих иерархических законов организации мира, установленных в традиционном обществе. Как пишет немецкий философ и теолог Р. Гвардини, «в этом необозримом море событий, в бесконечной длительности времен отдельное событие теряет свое значение. Среди бесконечного множества происшествий ни одно не может быть важнее другого: ведь ни одно не имеет безусловной важности. Когда действительность переходит всякую меру, исчезают моменты, на которых покоилось средневековое представление о порядке: начало и конец, граница и середина. Одновременно исчезают и разветвляющиеся между ними иерархические членения и соответствия, а за ними и символические акценты» [3, с. 137].

Массовая коммуникация представляет для нас особый интерес, так как отражает и во многом реализует ценностные установки общества, что в период «транзита» является основой успешного перехода. В транзитивном обществе коммуникация выступает в качестве средства актуализации «органически целого мира человеческой мысли» [4, с. 149], приобщая индивидов к «большому сознанию» как в сово-

купности накопленных социально значимых «состояний чувствования», так и рождения новых смыслов. Тождество образующихся в сознании индивидов значений позволяет каждому из них принимать на себя роль «другого», в том числе и «обобщенного другого», когда накопленный ими опыт предстает редуцированным таким образом, что выступает по отношению к ним в качестве общезначимого и общедоступного [5, с. 113]. Отсюда уже как бы само собой напрашивается представление о роли коммуникации в транзитивном обществе как о механизме, формирующем отношения «социальных актеров», которых объединяет одинаковый смысл, вкладываемый ими в распространяемые при этом сообщения.

По определению И. А. Федякина, «массовая коммуникация — целостное явление, представляющее часть человеческих взаимоотношений в современном мире... Массовая коммуникация связана с общественным бытием и общественным сознанием. Она пронизывает такие сферы общественного сознания, как идеология, общественная психология и наука, и во многом определяет его формы — политические, правовые, этические, эстетические, религиозные и прочие» [6, с. 4].

Будучи общечеловеческим феноменом, коммуникация существовала (в том или ином виде) всегда, но в каждой эпохе имела как свои, особенные формы проявления [7, с. 134], так и общие, независимые от времени и социального мироустройства черты.

Необходимо отметить, что для транзитивного общества, характеризующегося высокой степенью технологизации, межпоколенческим отчуждением, возникновением новых культурных форм, разобщенностью культурных взаимосвязей, эта проблема является первостепенной, так как именно в недрах коммуникативных процессов происходит формирование ценностных установок общества.

В любом обществе имеются некие правила подачи информации, которые, несмотря на безличность и анонимность, «организуют говорящего», сталкивающегося с дискурсом внешней для него фактичностью, оказывающей на его деятельность принудительное влияние. Схема процедуры информационного обмена в транзитивном обществе такова: «говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, не всякому можно говорить о чем угодно» — так называемая процедура исключения. Вторая разновидность процедуры исключения представляет собой разделение в информации разума и безумия. Третья совокупность процедур связана с оппозицией истинного и ложного в дискурсе [8]. Таким образом, дискурсные установки средств массовой коммуника-

ции (СМК) транзитивного общества определены. Рассмотрим, как это происходит на практике.

Мотив «конструирование звезды». Во многом СМК делают истории сами. Откровенно «рукотворные» информационные поводы подаются журналистами как значимые, даже если они не имеют для этого под собой ни малейшего основания. Успешная повторяемость персонажей усиливает мифологичность сферы масс-медиа: есть идол, есть внимание, нацеленное на него, его причуды, его специфичность, отдельность и кастовость.

Амбивалентный мотив «деконструкции», когда идолы предстают в отрицательном свете, при этом язык СМК нарочито площадной, агрессивный. Здесь доминируют скотологические мотивы, телесного низа, как когда-то в народной культуре Средних веков (кого-то обокрали; кто-то много пил, но все равно стал успешным и др.). Преодоление барьеров обычной жизни, обусловленных имущественными, образовательными, социальными рамками, достигается за счет фамильярного контакта, подглядывания, зачастую за счет сниженной лексики, и составляет очень большой объем информации многих СМК. Совокупный эффект не всегда оказывается полезным, он не снимает социального напряжения, зачастую выбор становится выбором меньшего из двух зол.

Мотив «разговора по душам» (внутреннее обнажение). *Он признался, она поделилась, не смог больше скрывать...* При этом незнакомые, чужие и крайне социально и географически далекие люди предстают близкими и непритязательными. Причем композиция информации строится на уменьшении социальной дистанции, а также за счет повышения градуса достоверности, благодаря наглядности, способствующей атмосфере доверия между СМК и информантом, составляет существенную ценностную мину, закладываемую в сознание реципиента.

Конечно, демонстрация доброй воли к общению с публикой предполагает доверие, но данное доверие основывается на определенных ценностных установках, которые старается внедрить в сознание автор.

Мотив сексуальности (внутреннее обнажение) призван передать социальную близость, дополняется стремлением увеличивать телесную близость между СМК и потребителями информации. Достигается это за счет санкционированного или несанкционированного приобщения к личной жизни, частный интерес выдается за культурную норму, обусловленную биологическими основами существования. Начинает казаться, что предъявление обнаженного тела — это

абсолютно социально приемлемая обыденность, однако это порождает тревоги и психологические расстройства.

Мотив балагана. И те, и другие знают, что все истории — выдумки. Но в данном случае степень достоверности и не важна, важна степень сенсационности, способствующей формированию определенного типа личности — неразмышляющего человека.

Таким образом, коммуникация, как и всякая специализированная духовная деятельность, в транзитивном обществе, имея на вооружении различные способы трансляции и создания информации, выполняет и решает практические актуальные задачи, ее базовые концептуальные схемы образуются путем обобщения и систематизации содержания сознания субъекта массовой коммуникации.

Интеграция и расширение культурного опыта социального субъекта реализуются в СМК, которые предоставляют информацию, необходимую как для нормализации социальной и культурной практики в соответствии с потребностями общества, так и указывают направления дальнейшего культурного и ценностного развития. С позиций ценностного подхода роль СМК заключается в формировании новых культурных направлений, которые не только конституируют новые культурные субъекты, но и иницируют соответствующие ценностно-духовные трансформации.

Библиографический список

1. Федотова М. Г. К вопросу о методологии исследования транзитивного общества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.
4. Кули Ч. Общественная организация // Тексты по истории социологии 19–20 вв. : хрестоматия. М., 1994.
5. Мид Дж. Г. Аз и Я // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994.
6. Федякин И. А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе. М., 1988.
7. Воронина С. А. Теоретические перспективы транзитивного подхода к анализу ценностной трансформации российского общества // В мире научных открытий. Красноярск, 2015.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти, сексуальности. М., 1996.

Я. Ю. Голенко (Барнаул)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Развитие информационных технологий, появление «виртуального пространства», электронной коммуникации, ускорение информационных потоков оказало большое влияние на современное общество последних нескольких десятилетий. Неотъемлемыми качествами информационного сообщества стали технологичность, глобальность, доступность, виртуальность, образность, оперативность. Большие перемены произошли и в повседневной жизни многих людей: информационное виртуальное пространство стало важной составной частью профессиональной и частной жизни.

Когда мы говорим об информационном сообществе, необходимо учитывать, с одной стороны, информационное поле, создаваемое средствами массовой информации, а с другой — более широкую информационно-коммуникационную среду виртуального пространства, в которой находит место и информационное поле СМИ, и деятельность других социальных институтов, и активность каждого отдельно индивида, пользующегося достижениями современной техники, который теперь может создавать свое собственное как информативное, так и информационное поле. Вся эта деятельность отдельных субъектов и социальных институтов в сумме создает некое новое социально-культурное пространство, которое не соотносится более с такими важнейшими пространственными характеристиками, как протяженность, плотность, наличность, реальность, интересубъективность и др. Само понятие «пространство» как форма существования объективной реальности претерпело изменения, произошло расширение пространственной структуры общества.

Представляется, что рассмотрение информационного сообщества в рамках философского подхода должно строиться на феноменологическом понимании бытия, так как в данном случае мы имеем дело не с реальными экзистенциями, а с сущностью, «эссенцией», с реальностью, которая, потеряв привычные характеристики, становится симулякром.

Повседневность человека в качестве «интерсубъективной реальности, значимая для людей своим качеством цельного мира и субъек-

ективно интерпретируемого ими» [1, с. 832] приобретает в данных условиях новое измерение. Так, состояние человека, погруженного в информационное сообщество, можно описать как экзистенциальное нахождение на грани двух миров: телесно человек находится в реальном мире как *res cogitans* среди других вещей, в то время как сознание человека пребывает в мире другого рода. Выход за пределы интерсубъективного мира приводит человека в «конечные смысловые сферы», которые в феноменологической традиции названы «жизненными мирами».

Когда У. Джеймс, Э. Гуссерль и А. Шюц разрабатывали концепции относительно различных «жизненных миров» человека, понятия «информационное интернет-пространство» не существовало, теория соотносилась с известными, наличными мирами — миром науки, искусства, религии, игры, сновидений и др. С развитием новых информационных технологий мы вправе говорить о появлении нового «жизненного мира» — виртуального социального информационного пространства. Здесь высвечивается одна особенность: в последнем «жизненном мире» теперь могут быть представлены и известные «миры опыта». Таким образом, мы можем говорить о виртуализации «жизненных миров», и если не об удвоении их числа, то, во всяком случае, о количественном увеличении.

Можем ли мы называть виртуальное пространство социально-культурной реальностью? Судя по всему, да. Виртуальный мир создается людьми, наполняется человеческими смыслами, представлениями; информация соотносится с нормами, ценностями конкретных культурных общностей.

Согласно феноменологической социологии, социальная реальность конструируется субъектом на основе смыслов и значений, заданных обществом или средой, в которой формируется сознание субъекта. У А. Шюца социальная реальность неразрывно связана с понятием повседневного мира и определяется как «совокупность всех объектов и явлений социокультурного мира, каким он представляется обыкновенному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия» [1, с. 403].

Отметим, что в информационном пространстве особым образом выражается интенциональная сущность сознания человека. Эйдосы (греч. *образ, понятие, идея*) воплощаются в информационном пространстве в виде символов, знаков, цифры. Телесность как выражение интерсубъективности мира в этой реальности заменяется образом, знаком, символом (фотографией, видео и др.). В виртуальном мире можно наблюдать сознательный процесс стирания идентично-

сти индивида, когда позволительна анонимность, а зачастую и сам образ, создаваемый в этой реальности, не соответствует действительному, реальному.

Социальная стратификация, хотя и не всегда, находит своё выражение в интернет-пространстве. Социальные роли переносятся неосознанно с известных нам людей на их виртуальные образы, люди переносят свои знания о социальном положении себя и коммуникантов из реального в виртуальное пространство.

Представляется, что некоторые законы развития, конструирования социальной реальности также могут быть перенесены в виртуальный мир.

П. Бергер и Т. Лукман, развивая теорию взаимосвязи индивида и общества, где общество понималось как процесс непрерывного конструирования значений и символов, лежащих в основе человеческой деятельности, обыденного и научного знания, определили некоторые процессы конструирования реальности — типизацию, хабиутализацию (опривычивание), объективацию, историзм и некоторые другие [2, с. 89–95]. «Предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабиутализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Другими словами, задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации» [2, с. 91]. Этот и другие принципы частично или полностью соблюдаются в виртуальном пространстве — будь то создание новых сайтов, ведение интернет-дневника, поиск определенной информации, общение в социальных сетях или др.

Дж. Сёрл, развивая теорию конструирования социальной реальности, утверждал, что такое конструирование строится на воспроизведении свойств социальной реальности, среди которых он выделил: самореферентность социальных понятий, использование перформативных высказываний в создании институциональных фактов, логический приоритет грубых фактов над институциональными фактами, систематические отношения между институциональными фактами, первичность социальных действий над социальными объектами, процесса над продуктом, лингвистический компонент институциональных фактов, при этом каждый из принципов находит свое отображение и в создании виртуального информационного мира [3, с. 151].

Кроме того, виртуальное пространство стало средством построения и поддержания социальных связей. Впечатления, переживания,

сознательные акты из мира виртуального дополняют реальную объектно-субъектную повседневную жизнь человека.

Формой упорядоченности действительности в информационном пространстве становится Сеть, которая позволяет свободно формировать различные объединения людей, «способна образовывать самые многообразные коммуникативные пространственно-временные конфигурации, (...) представляя собой конгломераты коммуникации, которые могут связывать любую точку коммуникативного пространства с другой» [4, с. 101]. Сеть в информационном виртуальном пространстве порой приобретает децентрализованные формы, воплощая горизонтальную модель общества.

Как и в повседневной жизни, в привычной социальной реальности человека важным конструктором социальной реальности виртуального пространства является язык (Дж. Серл, П. Бергер, Т. Лукман, А. А. Багаутдинов и др.). Язык выступает в информационном пространстве не только как система знаков, которая служит выстраиванию человеческого общения, но и является средством хранения, воспроизведения, передачи социальной информации, знаком «узнавания», выполняет функцию кодировки повседневности и вербализирует её смысловое поле.

Таким образом, с позиции социально-философского анализа мы можем говорить о расширении зоны повседневного существования человека, виртуализации и увеличении числа «жизненных миров», изменении привычных пространственных характеристик социальной реальности, при сохранении некоторых законов её конституирования в информационном виртуальном мире.

Несомненно, рассмотрение повседневности в качестве социально-культурной реальности существования человека в условиях современных информационных технологий и виртуального пространства требует своего дальнейшего осмысления.

Библиографический список

1. Шюц А. Мир, светящийся смыслом // Избранное : пер. с нем. и англ. М., 2004.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Серл Дж. Конструирование социальной реальности. М., 1999.
4. Назарчук А. В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // Философия и будущее цивилизации : материалы IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.) : в 5 т. М., 2005. Т. 3.

5. Багаутдинов А. А. Язык как метатеоретический концепт и конструктор социокультурной реальности : дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2006.

Е. А. Попов (Барнаул)

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

О социальной безопасности принято говорить и писать в рамках различных социально-гуманитарных дисциплин. Однако постановка вопроса о социальной безопасности как объекте социологической науки вызвана, в частности, тем обстоятельством, что социологи, к примеру, практически не используют данную категорию в предметном анализе. В последнее время, тем не менее, определенные подвижки в этом направлении все же предпринимаются, например, в Алтайском государственном университете научным коллективом под руководством профессора С. Г. Максимовой выполняется большой грант на тему «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Разумеется, «отголоски» социальной безопасности встречаются довольно часто в исследованиях, касающихся проблем демографии, миграции населения, жизни государства, жизнедеятельности человека и др. Имеется, конечно, ряд работ, касающихся проблем изучения социальной безопасности в социологическом ключе [1–3], однако в них так или иначе существенной оказывается привязка к центральной категории — национальной безопасности. Как нам кажется, для социологов путь обобщения сложных вопросов общественного развития в таком смысловом пространстве, как социальная безопасность, с одной стороны, уводит их в «онтологизацию», следовательно, заставляет по сути размышлять о судьбах мира, что в общем-то не совсем относится к проблемам социологии.

С другой же стороны, социологи должны быть точны в выборе адекватной методологии и методов для исследования социальной безопасности, а если взглянуть на социальную безопасность «с высоты»

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 28.1475.2014/К Минобрнауки России «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

методического обеспечения, то легко растеряться прежде всего перед масштабом явления. Действительно, нужно будет в любом случае начинать с решения вопроса о понимании социальной безопасности не только в отвлеченной, но и в определенной «социальной», а вернее, социологической трактовке.

С учетом того, что социальная безопасность как категория, как ценность, инструмент защиты от угроз или как объект государственной политики не получила широкого распространения в научном дискурсе, для исследователей открываются дополнительные возможности по изучению данного явления. Но, как нам кажется, проведение любых аналогий социальной безопасности с любым иным видом «безопасностей» не может быть продуктивным, если иметь в виду многозначность *социального*. С одной стороны, «подведение» социальной безопасности под духовную, религиозную, экологическую и иную не может дать ответа на вопрос о сущности этого явления, с другой стороны, всегда присутствует соблазн представить социальную безопасность и как часть национальной, и как совокупность других видов «безопасностей».

В результате работы по гранту «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации» были получены следующие основные выводы.

1. При рассмотрении социальной безопасности в аспекте междисциплинарного взаимодействия наук основной упор делается на изучение возможных угроз, перед которыми оказывается общество и мир, и способов их преодоления; такой традиционный подход в полной мере не может раскрыть всех онтологических «моментов» появления опасности, возникновения защитных мер и результатов противодействия угрозам. Поэтому в исследовании социальной безопасности необходимо обращать серьезное внимание именно на «онтологизацию» всех латентных и открытых процессов, приводящих к угрозам для общества и мира и вызывающих ответные действия со стороны общества и мира.

2. При рассмотрении феномена социальной безопасности в аспекте комплексного анализа имеет смысл создать концепцию социальной безопасности с привлечением данных различных социогуманитарных дисциплин, при этом нужно иметь в виду, что для обоснованной концептуализации социальной безопасности необходимы не только теоретические обобщения по указанной проблематике, но и данные прикладных исследований. В русле социологического знания, таким образом, появляется заметно больше возможностей

для формирования и развития концепции социальной безопасности, так как социология обладает значительным потенциалом теоретического и эмпирического уровней для концептуализации социальной безопасности, однако эвристичность данной концепции также повышается за счет привлечения результатов исследований в области других научных сфер и областей. Кроме того, концепция социальной безопасности — это своего рода отголосок национальной идеи, она должна включать в себя следующие «разделы»: 1) актуальные проблемы общественного развития и общественных отношений (в этом разделе особо следует подчеркнуть, что речь идет не об угрозах обществу или государству как таковых, а именно о насущных проблемах, которые не совпадают с понятием «угроза», но также требуют к себе повышенного внимания); 2) антропосоциетальный базис развития общества (включает самый широкий набор показателей «плохого» и «хорошего» бытования человека в социуме — состояние здоровья, возраст, место жительства, семейное положение и иное, а кроме того, социальное самочувствие, социальное благополучие и др.); 3) социокультурная ситуация (учитывающая отклонения национальной культуры в сторону европеизации, глобализации или способствующая сохранению традиционных ценностей и норм).

3. При адекватном изучении феномена социальной безопасности со ссылкой на «онтологизацию» особую важность приобретает ценностно-нормативный подход; его ключевые позиции сводятся к тому, что социальная безопасность — это не только феномен исключительно социального (общественного) характера, но и социокультурного плана, поскольку в центре развития человека и мира всегда остается культура, формирующая определенные ценности и нормы. Следовательно, в изучении социальной безопасности нужно также обращать внимание не только на «реакцию» общества и государства, ответственных за обеспечение социальной безопасности, но и на «согласованность» этих мер с традиционными и инновационными ценностями и нормами. Это существенно повысит уровень теоретико-методологического «ресурса» в осмыслении феномена социальной безопасности. Таким образом, для более эффективного и действенного исследования социальной безопасности явно необходимо «переключение» теоретико-методологической базы с институционального подхода на ценностно-нормативный.

Библиографический список

1. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России / под общ. ред. В. Н. Иванова, Р. Г. Яновского. М., 1996.

2. Яновский Р. Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов. М., 2001.

3. Силласте Г. Г. Новая наркоситуация в России: угроза безопасности общества и личности. М., 2003.

Т. А. Семилет (Барнаул)

ВОСПЛАМЕНЕНИЕ КВАЗИПРОБЛЕМНЫХ ЗОН КАК МАСКИРОВКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

Известно, что важной стороной социальной сущности средств массовой информации является то, что они, во-первых, выполняют функцию зеркала (У. Липпман), в котором общество видит себя более-менее целостно и на этом основании идентифицирует степень собственного здоровья или неблагополучия, а также, во-вторых, служат публичной ареной (концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска) для обсуждения наиболее животрепещущих, важных и судьбоносных для общества вопросов и проблем.

В современном информационном, массово-коммуникационном обществе СМИ приобретают функцию демиурга и конструктора общества, ибо медийная картина мира социальной реальности не только отражает состояние социокультурного бытия, но и напрямую воздействует на него через общественное и индивидуальные сознания, определяя оценки происходящему и побуждая к тем или иным действиям [1].

Можно констатировать даже определенную степень массово-информационного солипсизма: если событие не попало в сферу внимания СМИ, то его и не существует как факта для широкой общественности, оно не присутствует в общественной когнитосфере: о нем не думают, его не обсуждают, не анализируют и не оценивают. А уж если СМИ обращаются к тем или иным фактам, событиям, проблемам, то в сознании членов аудитории они сразу приобретают статус важных, заслуживающих внимания, требующих каких-то решений и действий.

Согласно теории М. Маккобса и Д. Шоу [2], главное воздействие СМИ на аудиторию состоит в «установлении повестки дня» как особой программы мыслительной деятельности аудитории. СМИ проводят селекцию новостей, их ранжирование, определяют статус Боль-

шой, или Главной новости. Этот факт предоставляет огромные возможности средствам массовой информации манипулировать сознанием публики, влиять на общественную когнитивную сферу. СМИ могут реструктурировать повестку дня путем привлечения внимания к одним проблемам и отвлечения его от других.

Хорошо известна манипулятивная технология «умолчание» или «замалчивание» [3]. Исходя из ситуации массово-информационного солипсизма важные, но неудобные для агентов влияния проблемы просто исключаются из общественного дискурса, превращаются в проблемы-невидимки. Но очевидно, что складываются и такие ситуации, когда замалчивание просто невозможно в силу массовости публики, которую затрагивает проблема, и в силу наличия агентов влияния, заинтересованных в постановке и обнародовании проблемы или события, и в силу «утечек» в Интернете и ряда других обстоятельств. Тогда применяется такая технология как отвлечение внимания путем воспламенения квазипроблемных зон.

В случае, когда в качестве наиболее актуальной выдвигается квазипроблема, ее цель очевидна — отвлечение внимания от острых социальных ситуаций, общественного неблагополучия, негативных или нежелательных для конкретных групп влияния событий. Если продолжить аналогию СМИ с зеркалом, то воспламенение квазипроблемных зон — это блики, слепящие глаза, которые застыт всю картину.

В российских СМИ последнее время эта технология стала применяться недопустимо часто. Складывается ситуация, о которой Н. Постман писал: «В данном случае происходит то, что телевидение трансформирует само понятие «быть информированным», создавая особый вид информации, которая определено может быть назван «дезинформацией». Данный термин используется здесь в своем изначальном смысле, так как это делается в ЦРУ или КГБ» [4].

Тот факт, что в современном российском социуме существует масса серьезных, масштабных проблем, могущих претендовать на статус широкого и первостепенного обсуждения в СМИ, очевиден и каждому из работников СМИ, и публике. Назовем лишь некоторые из них:

- 1) депривация большей части населения страны;
- 2) массовое закрытие предприятий;
- 3) свертывание и остановка производственных мощностей;
- 4) тотальный упадок сельского хозяйства;
- 5) рост безработицы;
- 6) непомерные тарифы ЖКХ и беспредел управляющих компаний;
- 7) введение новых налогов;

- 8) сокращение больниц и поликлиник;
- 9) ликвидация малокомплектных школ и по существу платное обучение в школе;
- 10) обманутые дольщики;
- 11) введение платы за проезд по федеральным трассам и за парковку в городе и многое-многое другое важное, актуальное, животрепещущее и касающееся подавляющего большинства населения.

Пул болезненных и нерешаемых проблем обширен и многогранен. Однако на фоне реальных проблем средствами массовой информации воспаляются **квазипроблемные зоны**. Яркий пример этого — перманентно всплывающий предмет для дискуссий, выносить ли Ленина из мавзолея или оставить его на месте.

Серийный блик социального зеркала или многосерийная квазипроблема — поиск того, что же все-таки воздвигнуть на Лубянской площади: вернуть ли памятник Дзержинскому, разбить ли клумбу, устроить ли фонтан, поставить памятник жертвам репрессий или еще что-то — все страстно и всерьез обсуждается публично, дискутируется, СМИ приводят мнения экспертов, политиков, опрашиваются прохожие на улицах, запускается голосование на сайте и проч. К блику прибавляется мощный информационный шум, заглушающий звучание реальных проблем социума.

Очевидная квазипроблемная зона, воспламеняемая СМИ, — поиск места для памятника князю Владимиру. Все с энтузиазмом бросились не только обсуждать эту «социальную проблему», но и организовывать митинги, писать декларации, предлагать свои варианты по подбору площадки для установки памятника. А проблемы-то нет даже и в том, будет или не будет он установлен, не говоря уже о месте его нахождения.

Еще одна «важная проблема», напрягающая общественную когнитивную сферу, — переименование станции метро «Войковская». Оскорбляет или не оскорбляет это название граждан РФ? Войков — герой своего времени или преступник на все времена, главный или неглавный он в процедуре расстрела царской семьи в Ипатьевском доме? Стоит ли заморачиваться с переименованием или царубийственный смысл уже выветрился из этого названия станции и проч.?

Такая же квазипроблема, введенная в повестку дня средствами массовой информации: а не передать ли Ливадийский дворец в Крыму наследникам семьи Романовых? Публика анализирует ситуацию, взвешивает «за» и «против», приводит нравственные, юридические, политические доводы. Разум кипит. А проблемы нет, есть лишь ма-

невр, отвлекающий внимание от негативных социальных процессов и событий в обществе.

Легко и ярко воспламенилась проблемная зона постановки оперы «Тангейзер» в сибирском городе, в провинциальном театре малоизвестным режиссером.

Также СМИ буквально принуждали российскую публику думать и говорить про скандал вокруг УЕФА: брали или не брали деньги, эти деньги — взятка или допустимая помощь организации, хорошие или плохие Мишель Платини и Петер Блаттер, кто из них лучше. Эта квазипроблема подобна детской погрешке, отвлекающей младенца от его реальных проблем, о которых он извещал плачем, а под воздействием тарактения на время позабыл о них.

Воспламенение квазипроблемных зон и введение квазипроблем в повестку дня в статусе «большой новости» — не только отвлекает от реальных социальных проблем, маскирует их, но и «вывихивает мозги» читателям, слушателям и зрителям. Доказательство этому — эксперимент, который провели Ш. Ийенгар и Д. Киндер, когда они показывали подопытной группе добровольцев квазиновости наряду с реальными, релевантными, социально значимыми новостями. Значение квазипроблем, которые подбрасывали участникам в ходе эксперимента, в их сознании резко возрастало. «Они считали их очень важными для страны, были озабочены ими гораздо больше и полагали, что правительству следует принять особые меры для их решения гораздо чаще, чем члены контрольной группы, причем этот эффект сохранялся и через неделю после окончания эксперимента» [5].

Социокультурные последствия воспламенения квазипроблемных зон посредством новостей заключаются в конечном итоге в том, что они, маскируя реальные социальные проблемы, вытесняя их из когнитосферы общественного сознания, блокируют поиск их решений.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoe-konstruirovanie-realnosti>
2. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. URL: http://socioline.ru/files/5/50/yasaveev_i_g_konstruirovanie_socialnyh_problem_sredstvami_massovoy_kommunikacii_-_2004.pdf
3. Капа-Мурза С. Манипуляция сознанием. URL: <http://zavantag.com/docs/417/index-1167042-32.html?page=36>

4. Постман Н. А теперь о другом... URL: <http://culturca.narod.ru/Postman1.htm>

5. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. URL: <http://exam-ans.ru/informatika/24704/index.html?page=5>

Л. К. Синцова (Барнаул)

«МОБИЛЬНАЯ» ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Повседневность становится самостоятельным предметом научных исследований в XX в. Решающим фактором, который повлиял на актуализацию интереса к данной проблеме, были социально-исторические преобразования, которые потрясли мир (мировые войны, революции, становление постиндустриального общества и др.). Эти глобальные преобразования повлекли за собой преобразования не только мира глобального, но и мира малого, повседневного.

Повседневность в русском языке означает обыденность, будничность, каждодневность, обычность и определяется как целостный социокультурный мир, представляющий как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. В недалеком прошлом культура повседневности была неизменной на протяжении достаточно долгого исторического времени. Человек воспроизводил ее каноны на протяжении всей жизни и строго следовал им. Нормы и правила повседневной жизни, стереотипы поведения на протяжении веков отражались и закреплялись в пословицах и поговорках. С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» определяет пословицу как «краткое народное изречение с назидательным смыслом, народный афоризм» [1, с. 457].

В настоящее время пословицы и поговорки в обыденном сознании уверенно теснят слоганы. В переводе с английского слоган — это лозунг, призыв или девиз. Он вошел в нашу жизнь уже не только как элемент рекламы, но как руководство к действию: «Бери от жизни все», «Ты достоин лучшего», «Живи на яркой стороне». Но если Ш. Арора называет пословицы голосом древней культуры, вещающим абсолютную истину, а человека, произносящего пословицу, — всего лишь инструментом, с помощью которого пословица обращается к аудитории [2], то слоган является искусно разработанным продуктом реклам-

ной кампании для продвижения определенного товара. Если пословицы и поговорки отражают многовековой опыт прошлых поколений, то разработчики слоганов предоставляют бесконечные возможности своим потребителям для экспериментов.

В современном обществе нарастает динамичность культуры повседневности. Она становится сферой поиска индивидом новых социальных практик, появляется тенденция ее индивидуализации. З. Бауман отмечал, что «индивидуализация» состоит в преобразовании человеческой «идентичности» из «дано» в «найти» [3]. Тенденция индивидуализации повседневности выражается в преобразовании последней, выстраивании и конструировании своей собственной, отличной от других повседневной, обыденной жизни. Современное общество предоставляет человеку все большее число вариантов выбора, нарастает свобода экспериментирования. Появляются новые тенденции в конструировании реальности повседневной жизни.

Наиболее ярко данная тенденция просматривается в ломке традиционного гендерного порядка. По мнению И. С. Кона, в мире идет процесс ослабления традиционной гендерной поляризации, что затрагивает как нормативные представления и фактическое разделение социальных ролей и функций, так и связанные с ними индивидуальные психологические черты и способности. Это ставит мужчин и женщин перед новыми социальными реалиями, способствует их личностной индивидуализации [4, с. 25].

Многие исследователи отмечают нарастающую тенденцию феминизации общества. Если в традиционном обществе предназначение женщины сводилась только к прямым «природным» обязанностям по продолжению рода, воспитанию детей, поддержанию семейного очага, то в индустриальном женщина вынуждена была работать вне дома, но при этом домашний труд, забота о семье, детях были для нее главным приоритетом. Сегодня ситуация выглядит иначе. Современное общество высвобождает женщину от рутины повседневных забот. Как отмечают социологи, в последние годы проявляются признаки «ухода» женщин из сферы семейной бытовой деятельности. Современная женщина устремлена в политику, бизнес, экономику, науку. Она нацелена на получение образования и выстраивание карьеры. При этом женщины в своих устремлениях успешно конкурируют с мужчинами. Стремительно идет феминизация армии, полиции и других служб.

Современное общество предоставляет человеку самому выбирать не только свой социальный пол, но и биологический, свою половую принадлежность. Однако выбор ориентирован не на взаимоисключе-

чающие противоположности (мужское или женское). Варианты выбора разнообразны. Так, американским пользователям Facebook предлагалась возможность выбрать из списка в пятьдесят наименований то, что наиболее точно, по их мнению, отражает их собственную половую принадлежность: мужчина, женщина, бигендер, транссексуал, андрогин, оно, никакой, от мужчины к женщине, от женщины к мужчине, трансгендер и т. д. Выбор собственной половой принадлежности («сексуального освобождения») сопровождается выбором сексуального партнера для выстраивания брачно-семейных отношений. Гетеросексуальная семья на протяжении тысячелетий подерживалась множеством институций и принималась как данность, не подвергающаяся никакому сомнению. Однако в настоящее время во многих странах были узаконены однополые браки. Все современные мировые религии отрицательно относятся к вопросу однополых сожительств. Однако список стран, где легализованы нетрадиционные семьи на государственном и местном уровнях, продолжает множиться [5, с. 399].

Признание однополых браков вызвало широкий протест во многих европейских странах. Однако есть менее резонансные формы семейного жизнеустройства, появление которых значительно меняет нашу повседневность. Э. Кляйненберг отмечает, что впервые в истории значительное число жителей планеты самых разных возрастов и взглядов начали жить одиночками. Он называет подобное жизнеустройство «жизнь соло» [6]. В настоящее время получает развитие культура одиночек. Создается индустрия недвижимости для них. Возникают различные сервисные службы обслуживающие данную категорию людей. Формируется культура бездетности. Сегодня семья претерпевает значительные преобразования. Если А. Тоффлер в «Третьей волне» отмечал порядка восьмидесяти шести форм семейного устройства в постиндустриальном обществе, то за прошедшие десятилетия, думается, число их увеличилось. В обыденном сознании, таким образом, в силу нарастания эклектики форм семейного жизнеустройства, стирается представление о норме. «Нормальных семей не бывает» — так называется роман Д. Каупленда.

В общественном сознании меняется представление о норме. В России возникло явление, которое социологи назвали, мультиморальность, когда люди существуют в рамках своей моральной матрицы и дают добро так жить другим [7]. Каждый вправе определять для себя принципы и нормы морали, по которым он живет.

Фактором, который существенным образом повлиял на изменение контуров повседневной жизни, являются информационные тех-

нологии. Интернет сегодня в значительной степени определяет круг повседневного общения людей, формируя сетевые сообщества, блоги, форумы. Он расширяет границы коммуникативного пространства, позволяя человеку ощущать себя сопричастным мировому сообществу, управлять не только пространством, но и временем. Еще более значительное влияние на изменение культуры повседневности оказывает мобильная телефония. Она сегодня доступна даже тем, кто не имеет Интернета. Ее значение в организации повседневной жизни становится все более значимым. Мобильный телефон меняет привычный характер взаимодействия между людьми, предоставляя новые практики взаимодействия: голосовые сообщения, SMS-сообщение, MMS-сообщение и др. Б. С. Гладарев отмечает, что благодаря мобильной связи вырабатывается достаточно подвижный стиль коммуникативного взаимодействия, выражающейся в координации действий, готовности их изменения в любой момент, появляются новые правила социального взаимодействия [8], нарастает социальная «атомизация» пользователей мобильных телефонов. Мобильная телефония изменяет границы приватного и публичного пространства. Личное становится публичным, выносится на всеобщее обозрение и обсуждение.

Технологизация повседневной жизни становится реальностью. Появляются все новые и новые гаджеты. Простые привычные вещи, обладающие небольшим набором функций, уходят в прошлое, уступая место «умным» («умные часы», «умный автомобиль» и др.). Видимо, идея «умного дома», описанного Р. Брэдбери в знаменитом рассказе «Вельд», становится реальностью. Но концовка рассказа не столь оптимистична и радужна, как пытаются внушить нам разработчики данных технологий.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.
2. Брунова Е. Г. О новой жизни старых пословиц [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No9/text06.htm>
3. Бауман З. Текущая современность : пер. с англ. СПб., 2008.
4. Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5.
5. Синцова Л. К., Сытых О. Л. Проблемы социализации личности в контексте формирования новой социальности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 [41].
6. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность : пер. с англ. М., 2014.

7. Двадцать лет реформ глазами россиян (Опыт многолетних аналитических замеров): аналитический доклад [Электронный ресурс] URL: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhxvop.pdf.

8. Гладарев Б. С. Социальное измерение мобильной телефонии. [Электронный ресурс] URL: http://www.chsu.kubsu.ru/archiv/2007_3/2007-3_Gladarev.pdf.

Т. А. Афанасьева (Барнаул)

РОЛЬ ПРАВООЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Научный руководитель — Е. А. Попов

Конституция Российской Федерации гласит, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Одним из важнейших признаков такого государства является выраженное провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью. Правам и свободам человека и гражданина посвящена глава 2 Конституции Российской Федерации. Основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому человеку от рождения (часть 2 статьи 17 Конституции РФ) [1]. Направленность правового регулирования на защиту прав и интересов граждан, свободное и эффективное их осуществление является одним из основных условий становления России как страны с развитым гражданским обществом, а также как правового и социального государства.

В системе прав человека и гражданина социальные права занимают особое место. Наличие социальных прав у человека предполагает определённые возможности удовлетворения его жизненных потребностей, достойной жизни и свободного развития, гарантированных государством. Они касаются поддержания и нормативного закрепления социально-экономических условий жизни индивида, определяют положение человека в сфере занятости, труда и быта, социальной защищённости и благосостояния. Реализация социальных прав предполагает активную деятельность государства по обеспечению гражданам достойного уровня жизни и всестороннего духовного развития [2, с. 16–17].

Актуальность проблемы соблюдения государством социальных прав и ее интерес для исследователей обусловлен особым местом, которое отводится правам человека в правовой системе социального

государства. Создание системы защиты прав человека является одной из важнейших составляющих процесса становления и развития государства. Эффективной эта система может стать только при объединении усилий органов государственной власти, общественных объединений и активном участии самих граждан.

Реализация и защита провозглашённых Конституцией и законом прав и свобод — это не только основная цель и функция государства, но и жизненно необходимая задача самих граждан и их объединений. В осуществлении принадлежащих им прав и свобод они заинтересованы отнюдь не меньше, чем общество и государство.

Непосредственно само гражданское общество способно сформировать собственную систему охраны и защиты прав граждан. Главным элементом этой системы являются общественные правозащитные организации. Правозащитные организации как элемент механизма защиты социальных прав граждан представляют собой самостоятельные, самоуправляемые, разрешённые государством образования, объединяющие на добровольной некоммерческой основе совместные усилия ряда граждан, направленные на защиту своих прав и интересов [3, с. 140–144]. Эти организации возникают по инициативе общественности, а не государственной власти. В правозащитные организации люди обращаются в тех случаях, когда государственный правоохранительный механизм не оправдывает своего назначения. Главное направление деятельности правозащитных организаций — охрана основных прав граждан, их защита и восстановление в случае нарушения.

За последние несколько лет в России Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), а также Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был проведен ряд исследований по данной теме. Анализ результатов исследований, целью которых являлось выявление субъектов, по мнению населения, в наибольшей степени защищающих права человека в нашей стране, позволяет сделать следующие выводы. Наибольшей ценностью россияне наделяют право на бесплатную медицинскую помощь, труд, равенство перед законом. Эти же права чаще всего и нарушаются.

Правозащитные организации в современной России играют важную роль в защите социальных прав граждан. Более того, данные объединения занимают равное положение в защите прав человека в нашей стране наряду с такими авторитетными институтами как Президент РФ, Конституционный суд РФ и др.

Также проведенные исследования подтверждают, что жители нашего государства готовы объединить свои усилия в деле отстаива-

ния своих законных прав. В отношении к общественным организациям отмечается мнение, что данные объединения защищают права граждан и способствуют проявлению общественных инициатив, помогают в решении острых социальных проблем, а также осуществляют независимый контроль над деятельностью государственных органов [4].

В настоящее время, когда наша страна находится в процессе построения социального государства, реализация государством социальных прав человека в их полном объеме становится одной из основных проблем, от успешности решения которой зависит уровень жизни каждого гражданина. Решению этой проблемы способствует активная деятельность общественных правозащитных организаций по защите социальных прав граждан, всё более заметным становится их вклад в решение общегосударственных и региональных задач, связанных с социальной защитой населения. Деятельность таких организаций, как правило, направлена на защиту прав граждан, а также на повышение качества их жизни.

Место, отводимое правозащитным организациям в системе охраны и защиты прав человека, предполагает ведение диалога общественных объединений между собой, а также с государственными органами власти по наиболее сложным и актуальным вопросам, касающимся охраны и защиты прав. Взаимодействие с правозащитными организациями должно стать одним из приоритетных направлений работы государственных органов. Ведь от успешности этого взаимодействия зависит эффективность охраны и защиты прав граждан.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
3. Левин А. А. Взаимодействие неправительственных правозащитных организаций с политическими институтами в Российской Федерации // Вестник КемГУ. 2014. № 2 (58), т. 1.
4. ВЦИОМ: пресс-выпуск № 2647: Нужны ли нашему обществу общественные организации? [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114932> (дата обращения 09.11.2015).

Б. В. Быковская (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Научный руководитель — О. Т. Коростелева

Проблематика этнической идентичности является значимой для современной социологической теории. Отметим, что наблюдающиеся в последние десятилетия процессы глобализации внесли заметные изменения в природу феномена этнической идентичности. Интенсивные процессы смешения и наложения культур делают актуальным вопрос сохранения традиционных этнических идентичностей. Увеличивается доля людей, считающих себя представителями не одной, а двух и более этнокультур, воспринимающих или исполняющих в качестве родного несколько языков. Возрастающая социальная мобильность населения делает группы таких людей все более многочисленными [1, с. 1].

Российские немцы являются одним из наиболее крупных этнических меньшинств. В Российской Федерации, по данным переписи населения, проведенной в 2010 г., их было 394 138 чел., в Алтайском крае — 50 701 чел. В Немецком национальном районе Алтайского края на 2015 г. насчитывается общая численность населения 16 656 чел., из них 31,8% — российские немцы [2, табл. 33], которые имеют продолжительный и многообразный опыт взаимодействия с другими этническими группами.

М. А. Аствацатурова отмечает, что немцы России, несмотря на их ассимиляцию, сохранили способность к этнокультурной идентичности, проявляют активное стремление к консолидации и институционализации. Им широко присуща такая форма организации культурной жизни, как национально-культурная автономия, и в связи с продолжительностью своего существования на российской территории немцы России являются оригинальным этнокультурным сообществом, в котором успешно реализуются как российские, так и немецкие культурные установки [3, с. 205].

Этническая идентичность немцев России отличается подвижностью в группах в зависимости от возраста, места жительства и степени урбанизации. По данным В. С. Курске, российские немцы в большинстве случаев считают своей родиной Россию, что свидетельству-

ет о ярко выраженной гражданской идентичности. Но при этом большинство полагает, что российские немцы должны сохранять свои традиции, язык и историческое наследие. Это является свидетельством выраженной этнической идентичности [1, с. 2].

В последние годы характерна такая тенденция, как возвращение российских немцев из Германии и других стран. По словам этнического немца, который уехал в Германию, но впоследствии вернулся, «русский ген сидит в нас слишком глубоко, нас тянет домой». Российские немцы утратили осознание себя именно немцами, с Германией их связывают только исторические корни. О немецкой национальности выезжающих свидетельствуют только фамилия и отчество, с понятием «немецкий народ» они себя не отождествляют. Снижение доли членов семей немецкой национальности, владеющих немецким языком, отрицательно сказывается на интеграции российских немцев в Германии. По итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг — Эрланген, на раннем этапе переселения в начале 1990-х гг. 75% заявителей на выезд в Германию владели немецким языком, и только 25% членов их семей не имели элементарных знаний немецкого языка. К концу десятилетия это соотношение сменилось на противоположное: 75% немцев-переселенцев не владели родным языком [6, с. 21].

Активно сотрудничает Россия с Международным союзом немецкой культуры (Москва), Немецким культурным центром им. Гёте (Москва). Российские немцы участвуют в разных конференциях, семинарах, которые проходят в Омске, Томске, Барнауле, Москве по вопросам истории и культуры данного этноса. На заседании президиума МСНК в 2007 г. было принято решение об усилении молодежной работы центров. Необходимо усилить языковую работу среди молодежи, улучшить материально-техническую базу центров.

Как свидетельствует Ф.Э. Эккерт, значительная часть немецких средств была вложена Германией и сейчас продолжает вкладываться в социальную сферу Немецкого национального района — культуру и молодежные программы, здравоохранение, образование. В каждом селе данного района действует Центр немецкой культуры — именно эти центры встреч российских немцев стали связующим звеном между коренным населением и вновь прибывшим, и во многом помогли приезжим интегрироваться в районе. В этих уютных центрах по вечерам собираются не только подростки и молодежь, но и женщины, люди пожилого возраста — знакомятся друг с другом, обмениваются рецептами национальной кухни и секретами рукоделия. Непреходящей популярностью пользуются на всем протяжении существо-

вания района курсы немецкого языка. И если поначалу их посещали те, кто собирался в ближайшее время выехать в Германию, то в настоящее время на курсы ходят те, кто действительно хочет глубже изучить и понять язык и культуру немцев. Важно, что интерес к центрам немецкой культуры возникает не только у российских немцев, но и у людей другой национальной принадлежности. Объединяющим стержнем для людей являются семейные праздники, участие в художественной самодеятельности. Именно диалог культур является особенностью Немецкого национального района, как и то, что в районе с уважением относятся к духовным потребностям каждого проживающего здесь человека.

Изучая вопрос сохранения культуры российских немцев, мы пришли к следующим выводам. В результате репрессивной политики, проводимой сталинским руководством в отношении советских немцев, этнос во многом утратил свои национальные традиции, обычаи, родной язык. Репрессии против народа обернулись его ассимиляцией, которая развивается быстрыми темпами. Была утрачена преемственность в поколениях, бабушки и дедушки не могли передать свой национальный язык, культуру детям и внукам. В современный период, когда многие традиции не сохранились, необходима поддержка и развитие немецких культурных автономий, так как именно они являются на сегодняшний день центрами объединения немцев.

Цели культурных центров: выжить немцам как национальному меньшинству; сохранить родной язык и культуру своего народа. Их деятельность прежде должна быть нацелена на молодежь, которая впоследствии должна стать носителем немецкой культуры. Очевидно, что усилия российских немцев необходимо поддерживать на федеральном и региональном уровнях.

Благодаря тому, что немцы хранят память, традиции, воспитывают духовность в человеке, народность продолжает существовать. Несмотря на то, что немцы переняли много русских традиций в свой быт, они все-таки остаются немецким народом в России, сохраняя свою самобытность.

Библиографический список

1. Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011.

2. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М., 2013.

3. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Ростов-на-Дону ; Пятигорск, 2002.

4. Немцы новой России: проблемы и перспективы развития : материалы 2-й Международной научно-практической конференции (Москва, 7–9 декабря 2009 г.). М., 2009.

5. Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации // Население и общество: научный бюллетень. М., 2006.

6. Шишкина-Фишер Е. М. Немецкие народные календарные обряды, танцы и песни в Германии и России. М., 2002.

7. Герман А. А., Иларионова Т. С., Плевне И. Р. История немцев России : хрестоматия. М., 2002.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

«КОНФЛИКТОАЛЛЕРГЕНЫ» СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Современные исследования показывают, что социальные конфликты часто возникают вне зависимости от желания их участников. В современном российском обществе существуют особые социальные субъекты, действия (или бездействие) которых приводят к перманентному возникновению у них конфликтов с другими субъектами [1, с. 102]. Например, есть несколько категорий людей, которые так или иначе раздражают и возмущают большинство населения. Вот раздражают и все. Такие люди вызывают только негативные эмоции, чувства, реакции, своеобразную «аллергию» и часто провоцируют в отношении себя настоящие конфликтные действия окружающих. Обычно аллергенами в естественных науках называют определенные молекулы, вызывающие у чувствительных к ним людей болезненные аллергические реакции. Кроме того, аллергенами в переносном смысле можно считать и причины возникновения самой аллергии. Не секрет, что своеобразную «аллергию» практически у любого индивида вызывают и отдельные представители *Homo sapiens* [2, с. 226–228]. В отличие от биологии и медицины термин «аллерген» мы предлагаем использовать в данном случае не в узком, а в самом широком «социальном» смысле слова, применительно и к социальным субъектам, явлениям и процессам.

Таким образом, в нашем понимании «конфликтоаллергены» — это определенные социальные субъекты, способные вызывать у взаимодействующих с ними людей довольно негативные реакции — возмущение, раздражение, неприятные переживания, страх и как следствие — конфликт. На самом деле «конфликтоаллергены» — источник огромного количества бытовых конфликтов в современном российском обществе. Основная проблема работы с ними заключается в том, что сами «конфликтоаллергены» этого обычно даже не замечают и не осознают.

Вопрос о формах и пределах толерантности населения в отношении разнообразных социальных групп является сегодня достаточно важным и широко обсуждаемым в отечественной социологии. С одной стороны, логика построения правового и демократического государства требует утверждения социокультурного и политического плюрализма, что предполагает ослабление национальной, религиозной, классовой, политической и иной нетерпимости, препятствующей интеграции социальных групп и чреватой многообразными социальными потрясениями и конфликтами. С другой — та же логика требует укрепления «иммунной системы» общества, прежде всего — усиления нетерпимости в отношении экстремистов, террористов и преступников. Хотя оба данных аспекта находятся в фокусе общественного мнения, научной публицистики, СМИ, они практически не воспринимаются как взаимосвязанные, как две грани одной социальной проблемы — проблемы толерантности и нетерпимости в российском обществе.

Социологическое исследование, проведенное автором в Алтайском крае летом 2015 г. в рамках проекта «Рейтинг социальной напряженности в регионах России» с использованием метода стандартизованного интервью ($n = 1200$), показывает, представители каких социальных групп в наибольшей степени вызывают у большинства населения региона чувства возмущения и раздражения. Результаты опроса дают определенное представление о «конфликтоаллергенах» российского общества. Однако необходимо оговориться: данная исследовательская методика не претендует на оценку уровня нетерпимости в отношении различных социальных групп в России. Речь здесь идет только о том, на какие социальные субъекты в большей мере направлена нетерпимость и конфликтность населения отдельного региона. Пока трудно с уверенностью судить, в какой мере результаты опроса, о которых пойдет речь ниже, свидетельствуют об устойчивых, долгосрочных социальных тенденциях.

Распределение ответов на вопрос
**«Какая категория людей в последнее время вызывает у Вас
 чувства возмущения и раздражения в наибольшей степени?»**
 (не более 5 ответов)

Варианты ответа:	%
националисты, фашисты	35
преступники, бандиты, мафия	33
наркоманы	32
алкоголики	27
коррупционеры	25
чиновники	24
чеченцы	23
политики	22
проститутки	21
сектанты	20
«новые русские», состоятельные бизнесмены	20
гомосексуалисты и другие сексуальные меньшинства	18
«кавказцы»	16
хиппи, рокеры, панки	11
украинцы	6
нищие, бомжи	6
цыгане	6
больные СПИДом	5
банкиры	4
евреи	3
либералы	3
умственно отсталые	3
затрудняюсь ответить	2
отказ от ответа	2
иной ответ	1

Общая сумма ответов получается больше ста процентов, так как каждый респондент мог указать несколько вариантов ответа на вопрос (не более пяти).

Представленные данные позволяют сделать ряд предварительных выводов и заключений по результатам проведенного нами исследования. Самой большой оказалась доля респондентов, заявляющих, что их возмущают и раздражают националисты и фашисты. Хотя понятие «фашисты» все чаще используется в сегодняшнем лексиконе как универсальное ругательство, лишенное какого-либо

конкретного содержания и употребляемое в отношении различных социальных групп, можно полагать, что растущую неприязнь граждан вызывают именно правоэкстремистские, националистические силы. Одновременно не менее существенно представлена доля респондентов, которых раздражают чеченцы и «кавказцы». Причем большинство респондентов в ходе интервью заявляли, что чеченцы стали раздражать их не в «последние год-два», а гораздо ранее. Очевидно, некоторая настороженность в восприятии этих этнических групп распространена довольно широко, но накал, «градус» неприязни несколько снижается, что и проявляется в сокращении доли респондентов, говорящих, что чеченцы и «кавказцы» раздражают их «в наибольшей степени».

Велика доля респондентов, выражающих возмущение криминалитетом. При этом практически 1/3 респондентов заявляет о своем возмущении «мафией». Дело, должно быть, в размытости, неопределенности данного понятия. Под «мафией» респондентами часто понимается не просто организованная преступность, а нечто «большее». Здесь уместно вспомнить, что еще несколько десятилетий назад понятия «мафия» и «номенклатура» в России воспринимались многими практически как синонимы. Так или иначе, очевидно, что сегодня речь идет о влиятельной социальной общности, попирающей законность. И в этом смысле численность возмущающихся преступниками, бандитами, «мафией» (33% респондентов) косвенно свидетельствует о довольно высоком уровне нетерпимости в российском обществе (по крайней мере — декларативной) в отношении данных социальных групп.

Классовые различия в сегодняшнем российском обществе не порождают, похоже, слишком сильной аллергии: доля респондентов, заявляющих о неприязни к тем, кто находится наверху социальной пирамиды (банкиры), равно как и у ее основания (нищие, бомжи) — сравнительно невелика. Большее раздражение вызывают «новые русские» и состоятельные бизнесмены, но очевидно, что вызвано оно не столько их доходами и причастностью к предпринимательской деятельности (в этом случае не меньшую неприязнь вызывали бы и банкиры), сколько их негативными социокультурными характеристиками, ассоциирующимися с данным социальным слоем.

Сильное раздражение в адрес проституток, различных сектантов, представителей сексуальных меньшинств и молодежных субкультур (хиппи, рокеров, панков) испытывают от 11 до 21% опрошенных. Представляется, что эти данные близки между собой не случайно: все они так или иначе демонстрируют уровень социокультурной то-

лерантности российского общества, его склонности допускать или отвергать культурное многообразие, множественность стилей жизни. Может показаться неожиданным появление в этом ряду проституток, но, пожалуй, в российских условиях распространение проституции явилась в каком-то смысле таким же вызовом социокультурным традициям, как экспансия западных и восточных сект или публичное поведение некоторых людей, связанное с нестандартной сексуальной ориентацией.

Наконец, заслуживает внимания заметная доля респондентов (22%), испытывающая раздражение в отношении политиков. Показательно, что при этом неприязнь респондентов к либералам представлена незначительно — 3%. Отсюда следует, что обострение аллергии на политиков обусловлено не разочарованием в тех или иных политических направлениях, а дискредитацией политической элиты в целом. Это подтверждается фактом раздражения в отношении чиновничества (24%), у которого сегодня активных недоброжелателей больше, чем у либералов и коммунистов вместе взятых.

«Аллергические реакции» российских граждан на разные социальные группы во многом варьируются в зависимости от их социально-демографических характеристик. Гендерные различия немногочисленны и легко объяснимы: женщины больше возмущаются «мафией», преступниками и алкоголиками (последние вызывают раздражение у 13% мужчин и у 30% женщин). Мужчины — гомосексуалистами и другими сексуальными меньшинствами.

Гораздо больший интерес представляют различия в позициях представителей разных поколений. Молодые респонденты значительно чаще заявляют о своей неприязни к чеченцам, «кавказцам», цыганам, нежели представители старших поколений. Но и о возмущении националистами и фашистами молодые говорят несколько чаще, чем их «отцы». Возможно, такое сочетание предвещает обострение конфликта между национализмом и интернационализмом в будущем. Молодежь в меньшей степени склонна сочувствовать «аутсайдерам», нежели старшие: у нее вызывают более сильное раздражение нищие, бомжи, да и неприязнь к цыганам, возможно, связана скорее с этими эмоциями, чем с националистическими предубеждениями. Еще более заметен контраст в отношении к «новым русским» и состоятельным бизнесменам, раздражающим пожилых людей гораздо сильнее, чем молодежь и людей среднего возраста. Вероятно, многие представители старшего поколения воспринимают эту социальную группу как персонифицированное воплощение всех неприемлемых для них аспектов рыночной экономики. Несколько

повышенная, по сравнению с позицией старших, нетерпимость молодежи к наркоманам, сексуальным меньшинствам, хиппи, роке-рам, панкам не может однозначно рассматриваться как свидетельство особого социокультурного тренда. Дело в том, что молодежь гораздо чаще соприкасается с представителями этих групп, и, соответственно, как симпатии, так и антипатии по отношению к ним у молодых людей должны быть, по логике вещей, выражены ярче, нежели у старших. Вероятнее всего, если бы респондентов мы спросили бы еще и о том, кому они симпатизируют, молодые люди также чаще других упоминали бы данные группы. Но поскольку в рассматриваемом опросе речь шла только об антипатиях, то может сложиться впечатление, что субкультуры, характерные преимущественно для молодежной среды, позитивнее воспринимаются старшими поколениями. Едва ли дело обстоит именно так. Однако в пользу предположения об особом социокультурном консерватизме молодежи говорит ее повышенная антипатия к сектантам — факт, представляющийся нам достаточно неожиданным.

Эмпирическая социология многократно фиксировала позитивное влияние образования на уровень толерантности [3]. Высокообразованные граждане, как правило, демонстрируют большую приверженность принципам социокультурного многообразия и политического плюрализма, чем малообразованные. Высокообразованные респонденты гораздо чаще, чем другие, выражают возмущение фашистами и националистами, т. е. теми, кто проповедует нетерпимость в отношении «инородцев» и мигрантов. Отсюда вроде бы следует, что высшее образование действительно повышает иммунитет против шовинистических убеждений. Однако высокообразованные граждане так же часто, как и иные респонденты, говорят о своем раздражении в адрес «кавказцев», цыган, евреев. Для высокообразованных респондентов характерна также особенно острая негативная реакция на «мафию» и преступников. Это может свидетельствовать о более развитом гражданском сознании, но с таким же успехом может быть объяснено и не столь оптимистическим образом, а большей осведомленностью об уровне криминализации экономики и общественной жизни. В то же время респонденты с высшим образованием отнюдь не отличаются повышенной социокультурной толерантностью. Люди с нестандартной сексуальной ориентацией, сектанты, а также хиппи, рокеры и панки раздражают их даже несколько сильнее, чем прочих. Особенно странным представляется здесь отношение к сектантам: почему-то высокообразованные

(и, как отмечалось выше, молодые) люди, склонные, как известно, к поддержке либеральных и демократических ценностей, испытывают повышенную неприязнь к тем, кто реализует право на свободу вероисповедания.

В целом приведенные данные не дают особых оснований для пессимизма в оценке сегодняшнего уровня толерантности российского общества. Респонденты демонстрируют довольно активное неприятие политического экстремизма и организованной преступности — сил, представляющих как раз наибольшую угрозу для безопасности государства. Наблюдается некоторое ослабление националистических настроений и, напротив, усиление неприязни к национализму. Классовые эмоции охватили немногих. Неприязнь к религиозным и сексуальным меньшинствам выражена довольно ярко, но, похоже, ее интенсивность далека от критических значений. Кроме того, результаты опроса свидетельствуют об усилении недовольства граждан современной российской политической элитой. Накануне избирательной кампании 2016 г., которая проходит на фоне продолжающегося мирового финансово-экономического кризиса [4], это следует признать тревожным симптомом: достаточно велика вероятность того, что раздражение в адрес политиков будет в ближайшие месяцы неуклонно возрастать, а начало предвыборной гонки придаст развитию этой тенденции определенное ускорение.

Библиографический список

1. Пустовалова Е. В. Коммуникативные отношения в социальных сетях человека // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

2. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

3. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. 2014. № 1.

4. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/o900701> (дата обращения: 18.11.2015).

К. А. Великжанина (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРУ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Социальная политика представляет собой одно из важнейших направлений деятельности государства, общественных объединений, общества в целом по разрешению имеющихся в нем противоречий, повышению эффективности господствующей политической системы и ее отдельных звеньев. Из этого следует, что социальная политика — деятельность государства по управлению и развитию социальной сферы общества, направленная на удовлетворение интересов и потребностей общества. В данном ракурсе целесообразным становится упор на пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено реальными показателями экономического и социального общественного развития, т. е. его благополучие [1, с. 16–23].

Основной задачей социальной политики является обеспечение социальной безопасности общества и создание условий для реализации равенства социальных шансов у всех категорий граждан. Социальная политика призвана обеспечивать удовлетворение потребностей индивидов и их коллективов на общественно установленном уровне, независимо от трудоспособности, устранять или минимизировать основополагающие формы неравенства, связанные с оплатой по результатам труда. Главным содержанием социальной политики выступает освоение правильно выстроенной системы приоритетов, механизмов эффективного использования ресурсов, выделяемых на социальные цели, поэтапное решение всего круга социальных проблем как унаследованных от командно-административной системы, так и возникающих в ходе рыночных преобразований. В связи с этим политика является некой зоной влияния на людей и объединения их в одну большую общность. Она есть система взаимодействия политических акторов, носителей определенных ценностей, ролей, функций, действующих на различных политических уровнях. Соотношение политики и общества носит двоякий характер: с одной стороны, политика существует автономно от людей — она выражается в принятии определенных административных решений для сохранения и приумножения престижа и имиджа страны на мировом поприще. Политика в данном контексте — это способ управления страной, господство одной политической партии над другой, некий механизм регуляции. С другой стороны, все политические решения принимают

ся людьми — акторами. И последствия принимаемых ими решений и действий целиком и полностью отражаются на жизни всего населения страны. В этом плане политику можно рассматривать как определенный тип социального взаимодействия, который берет свое начало в социологии. Наиболее полно данный процесс взаимодействия политики и общества находит свое отражение в понятии «политическая социология». Политическая социология представляет собой социологическую дисциплину, изучающую политические явления через призму их взаимодействия с обществом с точки зрения участия в политике социальных и этнических групп общества. Еще теснее взаимодействие социологии и политики можно проследить, если взять за основу анализа категориальный аппарат данной научной дисциплины. Многие термины и процессы политической социологии представляют собой большой пласт основных понятий, заимствованных у социологии как науки (например, социальная роль, пространство, нормы, ценности, социальные структуры) и политической социологии (электорат, электоральное поведение, политическая система, политическая культура, поле политики и т. д.).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что политическая социология тесно связана с социальной политикой. Главным образом это происходит потому, что они изучают одни и те же процессы в социальной жизни общества, хотя и под разными углами. Вместе с тем социальную политику можно обозначить и как один из элементов, входящих в структуру политической социологии. Точка соприкосновения и слияния этих дисциплин находится в социальном пространстве страны. В данном контексте социальная политика представляет собой определенное поле, в котором различные представители политической, социальной, общественной жизни не только могут выразить, но и осуществить в практической деятельности свое видение, решение, предотвращение той или иной ситуации, направленное в конечном счете на укрепление благосостояния всех жителей страны.

Еще одним направлением, в котором социальная политика наиболее полно раскрывается как деятельность и процесс, является изучение экономической сферы в жизнедеятельности общества. В данном случае на первый план выходит такая дисциплина, как социальная экономика.

Социальная экономика — это часть постиндустриальной системы, основанной на «подвижном» сочетании государственной и частной собственности, в котором в обязательном порядке привлекается частный сектор для производства социально значимых благ, а также развитие социально ориентированных сфер экономики (здравоохране-

ние, социальная защита, сфера занятости населения и т. д.) [2, с. 26]. Другими словами, социальная экономика представляет собой органичное взаимодействие государства и рыночной экономики.

Вместе с тем основное внимание при изучении вопросов становления и функционирования социально ориентированной экономики уделяется макроуровню, т. е. государству. Государственное регулирование социально ориентированной экономики регионов должно быть направлено на раскрытие потенциала и внутренних резервов самих регионов [3, с. 138]. В первую очередь это касается укрепления региональной интеллектуальной собственности, освоения регионального пространства, а также привлечения и использования информационных и человеческих ресурсов в процессе социально ориентированной деятельности. Помимо участия государственного уровня, в социальной экономике большую роль в процессе дальнейшего развития данной концепции играют региональный и местный уровни власти. Базисным постулатом в содействии двух этих областей является триадный механизм развития: государство — экономика — социально ориентированные предприятия.

Социально ориентированные предприятия, несмотря на то, что являются низовым элементом социально ориентированной экономики [4, с. 310], имеют функцию консолидации социальной экономики с социальной политикой, экологией, культурой, хозяйственной и другой жизнедеятельностью общества.

В условиях современной России значительную роль в социальном развитии играют социокультурные механизмы обеспечения социального благополучия населения. Ввиду этого особое внимание должно уделяться проблемам осмысления и поиска путей формирования новой социальной культуры, которая сквозь призму социальной политики поспособствует в реализации насущных задач модернизации российского общества в различных его сферах.

Социальная культура в самом общем смысле — это культура общественных отношений, взаимодействий индивидов, социальных групп [5, с. 228]. Главным постулатом в социальной культуре выступает признание преимущества социальных ценностей, как в сознании отдельного индивида, так и всего общества в целом, и функционирование общественных институтов в соответствии с этими ценностями.

Культурологический подход в социальной политике носит двойственный характер. С одной стороны, коллективно разделяемые представления оказывают влияние на поведение членов общества, образуют единую систему ценностей и смыслов функционирования, что в конечном счете представляет собой формирование социокуль-

турных факторов развития. Социокультурные элементы оказывают влияние на все стадии процесса формирования социальной политики, придают ей определенность и качество. Исходя из целей и приоритетов, принятых данным обществом, государство принимает определенные политические решения, оформляет идеологическую и информационную сферы развития, внедряет или пролонгирует определенные целевые программы. Социальная культура воздействует также и на процессы социальной политики, определяя желательное и нежелательное в действиях субъектов. С другой стороны, реализация социальной политики, а точнее, ее курс, может оказывать существенное влияние на формирование культуры в обществе. Здесь речь главным образом идет о том, что государство не всегда имеет возможность подстраивать свою деятельность под потребности общества. Это в первую очередь зависит от влияния негативных внешних воздействий (политических и экономических) на экономическую и политическую ситуацию в стране, изменения политического строя или режима (другими словами, субъекта политической власти) и ввиду этого изменения всего политического курса страны. В таких условиях координаты общественной жизни претерпевают значительные изменения: общество может преобразовать свою систему ценностей и приоритетов для достижения максимально возможного уровня благосостояния в сложившихся реалиях; изменить общественные ожидания и интересы; как следствие, корректировать смыслоориентационные установки и идеологические воззрения.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2010.
2. Митяева Н. В., Водяanko О. Н. Экономика в концепции эволюции социально-экономических систем // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №3 (52).
3. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальная защищенность населения: особенности построения региональной системы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.
4. Рощина И. В., Мальцев Д. Б. Уровни социально ориентированной экономики и процесс становления различных форм «новой экономики» // Вестник Томского государственного университета. №342. 2009.

5. Скворцов И. П. Социокультурные условия реализации социальной политики России // Общество и право. 2011. № 4 (36).

А. А. Воробьева (Барнаул)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ
НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(на примере Алтайского края)**

Научный руководитель — С. Г. Чудова

С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ, который заменил собой закон № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». В новом федеральном законе вводятся такие понятия, как получатель социальных услуг и поставщик социальных услуг. К последнему, помимо государственных учреждений, относят неправительственные некоммерческие организации (НКО) и индивидуальных предпринимателей, занимающихся социальным обслуживанием. Таким образом, государство законодательно делает эти субъекты социального обслуживания и их услуги равнозначными и равноценными. Еще до принятия указанного закона исследователи и практики отмечали, что перспективы взаимодействия государственных и общественных организаций в сфере социального обслуживания связаны с усилением адресности социальных услуг, предоставляемых гражданам [1]. С принятием Федерального закона общественные организации не только участвуют в предоставлении социальных услуг, но и получают статус самостоятельного поставщика социальных услуг нуждающимся гражданам. Кроме того, законом введены термины: регистр получателей социальных услуг и реестр поставщиков социальных услуг — информационные системы в сфере социального обслуживания населения, содержащие информацию о конкретных получателях и поставщиках услуг [2].

Новеллы социального обслуживания, в том числе в условиях НКО, обусловлены также введением в действие Федерального закона ФЗ-№ 212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который принят в июле 2014 г. [3].

Анализируя реестры поставщиков социальных услуг различных регионов, можно судить о степени присутствия в них НКО, следовательно, и о включении их в систему социального обслуживания граждан в условиях реформирования законодательства. Низкая включенность НКО в реестры, спустя достаточный период времени после вступления закона в силу, актуализирует проблему доступа негосударственных НКО к получению новых возможностей.

Деятельность негосударственных НКО по включению в систему социального обслуживания можно проследить на примере Алтайского края. На первом этапе реализации нового закона актуальной задачей является информирование негосударственных некоммерческих организаций о возможностях, которые они могут получить. С этой целью в Алтайском крае был проведен семинар-совещание «Бизнес в социальном обеспечении. Опыт и проблемы», на котором представителям НКО разъяснялись положения Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» №442-ФЗ (правила, расчеты, условия вхождения в реестр поставщиков социальных услуг).

В настоящее время можно наблюдать тенденции объединения некоммерческих организаций с целью информирования друг друга о новых возможностях и путях их получения. Так, 13 октября 2015 г. прошел круглый стол «НКО как поставщики социальных услуг: реальность, перспективы» по инициативе Алтайской краевой общественной организации «Поддержка общественных инициатив» в рамках реализуемой программы «Социальные услуги НКО населению». Круглый стол собрал представителей социально ориентированных некоммерческих организаций, органов исполнительной власти, руководителей государственных отраслевых бюджетных учреждений. В процессе заседания обсуждались вопросы предоставления социальных услуг населению края, а также возможности социально ориентированных некоммерческих организаций стать поставщиками этих услуг.

Таким образом, в настоящее время в реестрах поставщиков социальных услуг присутствует небольшое число негосударственных НКО. Однако по истечению первого года действия Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» №442-ФЗ можно наблюдать активизацию некоммерческих организаций, а также государственных учреждений по информированию о возможностях включения НКО в систему социального обслуживания. В Алтайском крае проходят специальные мероприятия, на которых происходит обсуждение и разработка алгоритма действия для руководителей и представителей негосударственных НКО с целью организации предоставления ими социальных услуг населению.

Библиографический список

1. Дронова Е. Н., Плеханова М. В., Санарова Т. В. Взаимодействие общественных и государственных организаций при оказании психологической и юридической помощи лицам пожилого возраста (на примере Ленинского района г. Барнаула) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.
2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=law; n=166044> (дата обращения: 16.09.2015).
3. Дронова Е. Н. Основы общественного контроля в Российской Федерации: тестовые задания // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1, № 30.

Д. А. Дирин, Е. И. Голядкина (Барнаул)

РОЛЬ ТУРИЗМА В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Одной из характерных черт постсоветского периода в горных регионах Южной Сибири стало бурное развитие туризма и сопутствующих ему видов деятельности. Особенно выразительно эта тенденция проявилась с начала 2000-х гг. в Республике Алтай. Так, количество туристских посещений территории региона с 200 тысяч в 2000 г. выросло до 1,8 млн в 2014 г. Количество объектов размещения туристов (гостиницы, турбазы, кемпинги) за этот период увеличилось со 128 (на 5100 мест) до 186 (на 11800 мест) [1]. Объем реализации платных услуг, предоставленных гостиницами и другими предприятиями размещения, в 2000 г. составил 2744 тыс. руб., а в 2013 г. — 216887 тыс. руб., а объем реализации собственно туристских услуг за тот же период возрос с 2647 тыс. руб. до 114940 тыс. руб. [2, с. 365]. Сегодня Республика Алтай позиционируется как один из ключевых туристско-рекреационных регионов России [3], реализуются масштабные инвестиционные проекты по созданию мощных туристско-рекреационных кластеров [4].

Очевидно, что такое активное развитие туристско-рекреационной отрасли оказывает влияние на всю социально-экономическую систему региона, трансформируя ее отраслевую структуру и видоизменяя территориальную организацию хозяйства; меняет образ жиз-

ни значительной части населения [5]. При изучении этого влияния, как правило, используется статистический анализ и делается вывод о мультипликационном эффекте туризма и его исключительно положительной роли в экономической и социальной сферах. Однако многие аспекты воздействия сферы туризма на общество не отражаются формальными показателями и требуют использования других исследовательских подходов, прежде всего социологических [6]. На основе материалов интервьюирования и анкетирования местного населения, проводившихся в 2003 и 2012–2015 гг. и охвативших в общей сложности более 500 респондентов, авторами настоящей статьи сделаны выводы о некоторых аспектах влияния развития туризма на социальную и экономическую сферы Республики Алтай. Опросы проводились в 22 населенных пунктах, расположенных в 9 районах республики.

Позитивные последствия развития туризма на Алтае

1. *Новые рабочие места, возможности для развития бизнеса.* Основная позитивная роль туризма местным населением Республики Алтай видится в расширении возможностей занятости и ведения бизнеса. В представлении большинства респондентов (84%) индустрия туризма на территории региона обеспечивает хорошие условия для получения высокой прибыли. При этом известно, что растущий рынок труда — важнейшее условие социальной стабильности региона [7]. Однако большая часть опрошенных не связывает свое участие в обслуживании туристов с работой в качестве персонала гостиниц или крупных туристических фирм, а предполагают вероятность организации собственного бизнеса по обслуживанию туристов или реализации им производимой продукции.

2. *Улучшение условий обслуживания населения.* В районах массового туризма местные жители отмечают улучшение обслуживающей инфраструктуры в целом: увеличение количества магазинов и ассортимента их товаров, улучшение транспортного сообщения, появление новых видов услуг.

3. *Сбыт продукции подсобного хозяйства.* Чрезвычайно большое значение респонденты придают возможности сбыта туристам продукции личного подсобного хозяйства и традиционных промыслов (сбор растений-дикоросов, охота, рыбная ловля, заготовка дров и пр.). Эту положительную роль туризма отметили 94% респондентов, хотя используют такую возможность лишь 28% опрошенных.

Негативные последствия развития туризма на Алтае

1. *Рост конкуренции за землю, ухудшение условий животноводства.* Многие респонденты (особенно в районах массового туризма) отмечают рост цен на землю, что ограничивает доступ местных жителей

к данному ресурсу, поскольку они не могут конкурировать с крупными финансовыми структурами, скупающими рекреационно ценные земли. При этом ограничивается возможность воспроизводства и развития традиционных форм хозяйственной деятельности населения, прежде всего животноводства (сокращение площадей близких к населенным пунктам пастбищ, сенокосов и мест для водопоя скота). Также многие респонденты выражают недовольство в связи с тем, что объекты туристской инфраструктуры создают предприниматели и компании, зарегистрированные в других регионах (Москве, Санкт-Петербурге, Алтайском крае, Новосибирской, Кемеровской областях), в связи с чем большая часть налогов уходит туда. Кроме того, значительная часть обслуживающего персонала также нанимается в сопредельных регионах и работает вахтовым методом, что сокращает возможности занятости для местного населения.

2. Рост цен. Некоторые опрошенные связывают с туризмом рост цен в регионе, поскольку в разгар туристического сезона многократно возрастает спрос на товары массового потребления. Этому способствует более высокая платежеспособность туристов по сравнению с местным населением и их готовность переплачивать за тот или иной товар или услугу во время своего непродолжительного отдыха. Наиболее часто на эту проблему обращали внимание жители сел Артыбаш и Иогач.

3. Изменение социально-культурных стереотипов общественно-го сознания. По мнению некоторых опрошенных, туризм оказывает значительное трансформирующее воздействие на традиционное сознание и образ жизни местного населения. Приезжающие в Республику Алтай обеспеченные жители больших городов привносят иные образцы культуры мышления и поведения, жизненных ценностей [8]. 14% всех респондентов считают, что туризм в регионе формирует такую общественную среду, которая способствует развитию материализма, эгоизма, жадности и формированию потребительского мышления у местного населения. Характерно, что на эту проблему обращают внимание преимущественно жители районов «пионерного туристского освоения» (Усть-Коксинского, Онгудайского, Усть-Канского, Кош-Агачского).

4. Ухудшение экологических условий. Большинство респондентов (82%) среди негативных аспектов развития туризма называли ухудшение экологических условий, подразумевая под этим преимущественно захламление территории (особенно берегов водоемов) бытовым мусором. Также высказывалось мнение о преимущественной вине самодельных туристов в учащении лесных пожаров. Несколь-

ко информаторов также предположили, что туристический бум спровоцировал рост браконьерства.

5. *Нарушение традиционного образа жизни и уединенности.* Многие респонденты в Чемальском и Майминском районах указывали на то, что сезонные скопления туристов и автотранспорта нарушают привычную для сельских жителей уединенность, размеренность жизни, что также воспринимается ими как ухудшение качества среды.

В целом следует отметить рост позитивных оценок развития туристической отрасли в регионе. Согласно опросу 2003 г. только 35% респондентов считали туризм в Республике Алтай в целом положительным явлением. Непосредственно участвовали в обслуживании туристов 21% опрошенных, 54% высказывали желание или, по крайней мере, не исключали возможность своего участия в индустрии туризма. С 2012 по 2015 г. те же самые показатели изменились на 72, 37 и 65% соответственно. Также имеется выраженная территориальная дифференциация в отношении местного населения к развитию туризма. Наиболее позитивные суждения высказывают жители наиболее туристически освоенных районов (Майминский, Чемальский, Турочакский) и особенно признанных туристических центров — сел Чемал, Манжерок, Артыбаш (хотя они же обозначают и ключевые проблемы, вызванные развитием туризма). Также положительно настроены жители сел, расположенных на основной транспортной магистрали региона — Чуйском тракте. Наибольшее число нейтральных (безразличие) и отрицательных отзывов было получено в районах преимущественно неорганизованного самодеятельного туризма (Улаганский, Кош-Агачский) и в селах, удаленных от основных транспортных магистралей и объектов туристской инфраструктуры.

Библиографический список

1. Министерство туризма, предпринимательства и инвестиций Республики Алтай : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://mintur.altai-republic.ru>
2. Объем реализации платных услуг населению // Статистический ежегодник Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2014.
3. Дирин Д. А., Кусков А. С., Бондарович А. А. Особенности позиционирования регионов России на международном и национальном туристских рынках // Региональные исследования. 2011. № 4.
4. Дирин Д. А., Сеницына Е. Г., Кусков А. С. Кластерный подход к территориальной организации туризма // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 3/1.

5. Гончарова Н. П. Социальная сфера села: предварительные результаты исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 1 / под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.

6. Дирин Д. А., Гончарова Н. П. Роль социологии в изучении этнокультурных ландшафтов // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

7. Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е., Авдеева Г. С. Миграционные процессы и социальная безопасность рынка труда приграничных регионов России // Национальная безопасность / Nota bene. 2014. № 1.

8. Дирин Д. А. Факторы культурогенеза и формирования культурных ландшафтов Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 3/2.

А. Н. Домашев (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНИМАНИЯ ПАТРИОТИЗМА КАК ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Теоретического осмысления патриотизма как социокультурного феномена настоятельно требует современное состояние российского общества, когда поиск внутренних источников развития общества, путей реализации его духовных сил, наполнение содержанием национальной идеи стали первоочередными задачами. Эффективно противостоять серьезным угрозам, нависшим над современной Россией, можно только на основе консолидации всех слоев общества вокруг базовых общенациональных ценностей [1].

Вместе с тем существует точка зрения, что патриотизм представляет собой идеологизированную догму, поэтому нужно изъять его из числа научных понятий. На наш взгляд, проблема патриотизма должна быть рассмотрена в контексте закономерностей развития общественного сознания. Особенно актуальны научные поиски в этом направлении в связи с выявлением ресурса патриотизма как стратегии развития современного российского общества.

Понятие «патриотизм» имеет глубокие традиции осмысления и употребления в философской и обществоведческой литературе. Вопрос о том, кто есть патриот, кто достоин звания «сын Отечества», волновал мыслителей на протяжении всей истории развития общественной мысли. Так, А. Н. Радищев ставил эту проблему в конце XVIII в.

Полемика славянофилов и западников в 30–40-е гг. XIX в. была насквозь пронизана патриотической проблематикой. Идеиные искания обеих направлений общественной мысли России были связаны с поиском наиболее приемлемых путей развития, что само по себе и является проявлением патриотизма — заботы о судьбе Родины. В работах и западников, и славянофилов во главу угла ставятся интересы Родины, тревога о ее будущем. Именно это объединяет оба направления и делает их философские поиски значимыми для многих поколений потомков. А. И. Герцен писал: «Да, мы были противниками их, но очень странными: у нас была одна любовь, но не одинаковая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [2, с. 236].

Философское осмысление патриотизм получил в трудах русских мыслителей конца XIX — начала XX в. И. А. Ильин отождествляет понятия «национализм» и «патриотизм». В работе «Путь духовного обновления» он пишет: «Национализм — есть любовь к духу своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию» [3, с. 233]. Но любовь не может быть слепой, следует видеть не только достоинства, но и «соблазны, слабости и несовершенства», с которыми следует бороться. Путь борьбы — совершенствование. Ошибкой многих патриотов является то, что они ответственность сваливают «...на иные «вечно злые» и «предательски враждебные силы» [3, с. 235]. Главная задача человека, любящего свою страну, свой народ, свою культуру, — творческое единение. И. А. Ильин подчеркивает значение патриотизма для личности и общества, считая его неотъемлемым компонентом полноценного бытия общества.

Е. Н. Трубецкой в труде «Смысл жизни» называет патриотизм одним из главных принципов, на котором должна покоиться жизнь народа. Основой же самого патриотизма, по мнению философа, должна стать религиозная вера в святыню вообще и в святыню родины в частности...» [4, с. 268]. Е. Н. Трубецкой считает необходимым условием жизненности патриотизма слитность его с религиозным чувством, которое одушевляет, согревает чувство любви к родине. Родина — «...земля святая, освященная могилами отцов, а еще более — подвигами мучеников, святителей и преподобных...» [4, с. 268]. Патриотизм, основанный на религии — высшей духовной ценности, сообщаящей святость национальному чувству, «...способен сделать цар-

ства крепкими, нерушимыми» [4, с. 268]. Мыслитель показывает опасность утраты патриотизма как высшей ценности, которая заключается в том, что это влечет за собой ее подмену, постановку на пьедестал чего-то более низкого, прагматичного, соответствующего сиюминутным потребностям. В целом русская философия определяет патриотизм в качестве основы общественной жизни.

Марксизм понимал патриотизм несколько односторонне. Так, В. И. Лениным патриотизм был поделен по классовому принципу, так же, как феномены культуры и нации [5, с. 54]. Следуя данной традиции, марксистская философская и социологическая наука, фактически игнорируя объективное существование патриотизма на общенациональном уровне во всех классово неоднородных обществах, положительно оценивала лишь «социалистический патриотизм». Социалистический патриотизм определялся как «беззаветная любовь советского народа к Отечеству, преданностью социалистическому строю, Коммунистической партии, дружбой народов СССР» [5, с. 28].

Анализ существующих точек зрения на сущность патриотизма позволяет сделать вывод, что патриотизм представляет собой социокультурное явление духовной жизни общества, основанное на эмоциональной и рациональной идентификации личности с данным обществом, выражающейся в любви к «большой» и «малой» Родине, в чувстве общности, единства, солидарности с другими членами, сопричастности их судьбе, готовности к практической деятельности для защиты общих интересов. Можно выделить ряд принципов, на которых базируется патриотизм как социокультурное явление: диалектическое единство патриотизма и межэтнического, межконфессионального согласия, соборности, солидарности, других традиций и общечеловеческих ценностей; опора патриотизма на соединение базовых, глубинных ценностей культуры с тенденциями современности, его историческая преемственность; персоналистичность патриотизма, опора на личные примеры предыдущих поколений соотечественников; единство патриотических идей, сознания, чувств и действий.

В XX в. идея патриотизма развивается в условиях универсалистских идеологических направлений. С одной стороны, была идея прийти к отмиранию наций с окончательной победой социализма. И с другой стороны, идея преодоления наций посредством установления капиталистического, либерально-демократического мирового порядка. Г. Рормозер, один из ведущих зарубежных критиков идей либерализма, справедливо замечает, что обе универсалистские идеи потерпели крах [6, с. 121]. Победу одержал в итоге тот принцип, что только на-

циональное государство является решающим структурным элементом политики, поэтому отказ от национальной идеи невозможен. Нет другого инструмента и другой организационной формы в политическом отношении, кроме национального государства, которое позволило бы осуществить универсальное взаимодействие, наднациональные взаимосвязи. Можно образовать «европейское сообщество», но это не создаст единства Европы. Единство Европы, включающей также Восточную Европу и Россию, может быть создано только политически дееспособными и автономными национальными государствами.

Еще одним аргументом в пользу национальной идеи является тот факт, что именно государство, основанное на идее величия нации, наиболее эффективно обеспечивает защиту интересов своих граждан, а либеральная идея о защите прав человека может быть осуществлена только в национальном государстве.

Конечно, может наступить вырождение национальной идеи, ее дегенерация, милитаризация. Национальная идея может превратиться в разрушительную силу. Национализм проявил себя в XX в. как одна из самых деструктивных политических сил. Однако национальное сознание или патриотизм тогда становятся опасной и разрушительной силой, если они подвергаются угнетению и вытеснению.

Если распадаются духовные, нравственные, этические и религиозные силы, связывающие людей, с отказом от истории общество теряет также и способность к жизнеосуществлению. По мере развития этого процесса и распада интегративных сил наступает момент, когда уже невозможным становится формирование коллективной политической воли, поскольку нет уже необходимой для этого реальной общности.

В подлинном патриотизме объективно сочетаются национальное и интернациональное. Если в патриотизме усиливается национальное начало, он с неизбежностью переходит в свою противоположность — шовинизм — враждебную национализму силу, связанную с идеями о национальной исключительности, превосходстве одной нации над другой и сопряженной с этим агрессивности. В этом случае, как отмечал В. Г. Белинский, «патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством» [7, с. 489].

Под интернационализмом следует понимать проявление уважения к культурному своеобразию других наций, их национальным интересам; готовность развивать сотрудничество в политической, экономической, культурной сферах. В такой многонациональной стране, как Россия, общероссийский патриотизм невозможен без соче-

тания национального и интернационального. Равновесие «русской идеи» с идеей уважения к культуре, обычаям и историческому пути других народов может служить оптимальной моделью взаимоотношений русской нации с другими народами страны, способной обеспечить сохранение русского своеобразия в сочетании с цивилизационно-культурными особенностями иных наций. Более того, такой синтез закономерно приведет не только к взаимообогащению культур без ущемления национальной гордости этносов, но и явится катализатором новых достижений во всех сферах жизни общества.

Библиографический список

1. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

2. Герцен А. И. Былое и думы // Собрание сочинений : в 30 т. М., 1956. Т. 2.

3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1998. Т. 1.

4. Трубецкой Е. Н. История христианской мысли в памятниках // Избранное. М., 1995.

5. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу: о праве наций на самоопределение: о национальной гордости великороссов. М., 1985.

6. Рормозер Г. Кризис либерализма : пер. с нем. М., 1996.

7. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Избранные произведения. Минск, 1954.

Ю. А. Игнатова (Барнаул)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Сегодня социологическая наука наработала достаточно богатый материал, затрагивающий проблемы социальной стратификации российского общества, но именно это обстоятельство существенно затрудняет выполнение экспертом стоящих перед ним обязанностей. Так, некоторые исследователи отмечают: «Ситуация усложнялась

для исследователей тем, что предмет исследований — социальные структуры — находились в ситуации изменений, становления нового качества, были аморфны. В связи с этим, внимание акцентировалось не столько на количественных показателях групп и слоев, сколько на их взаимосвязях и взаимоотношениях (дезинтеграция, интеграция, конфликт и партнерство). Исследовалось иерархическое строение общества по тем или иным критериям. Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Появившиеся различные формы собственности привели к рождению новой социальной структуры с новыми формами социальной дифференциации. Основной характеристикой современного российского общества является его социальная поляризация, расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Таким образом, налицо конфликт между сущностью проводимых экономических реформ и ожиданиями и стремлением большинства населения. Пространство социальной стратификации как бы свертывается практически к одному показателю — имущественному (капитал, собственность, доход)» [1, с. 78]. Исходя из этого, можно утверждать, что в социологическом знании на долгое время воцарилось доминирующее мнение о нестабильности социальной структуры российского общества, с одной стороны, и использованием в характеристике социальной стратификации ключевой категории меры богатства, с другой стороны. Но насколько существенной является сегодня подобная категория в определении той или иной социальной группы? Какие же другие важные позиции необходимо учитывать для подтверждения «статус кво» социальной группы?

То, что данная категория и другие понятия нередко заставляют социологов возвращаться к дискуссиям о категориальном аппарате науки, наталкивает на мысль не столько о полисемантике конкретного понятия, сколько о полярности научных позиций, которые акцентируют те или иные аспекты в трактовке предлагаемых категорий. Показателен в этой связи, к примеру, случай с соотношением различных дефиниций — социальной системы и социальной общности (к слову сказать, последняя часто рассматривается как родовое понятие по отношению к категории «социальная группа»). По этому поводу исследователи замечают: «...социальная система представляет собой не «совокупность связей и взаимодействий», а объединение людей, а связи и взаимодействия выступают системообразующими факторами, т. е. объединяющими эти элементы, превращающие их простую совокупность в систему. К тому же является дискуссионным утверждение о том, что социальная система складывается

на базе той или иной социальной общности. Общность — не основа социальной системы, а одна из ее разновидностей» [2, с. 120].

По нашему мнению, использование любых понятий, в том числе и *социальной группы*, для ответа на поставленные в судебной социологической экспертизе вопросы должно по крайней мере удовлетворять ряду требований: 1) такое понятие должно воспроизводиться в различных академических энциклопедических изданиях по профилю соответствующей научной области или затрагивающих междисциплинарный характер научных связей; 2) содержание такого понятия должно раскрываться инструментальными, а не абстрактными положениями; 3) используемое понятие не может рассматриваться в изоляции от других, а, следовательно, должно быть вписано в конкретный научный контекст.

Как мы полагаем, руководствуясь указанными требованиями, эксперт, производящий судебную социологическую экспертизу, способен избежать распространенных погрешностей в использовании тех или иных специальных категорий и терминологии. Между тем, с точки зрения А. В. Кошелева, «„Система“, „структура“, „функциональность“, „социальное действие“, „агент“ — данные понятия „отягощены“ определенной смысловой нагрузкой. При их использовании сразу попадаешь в определенный научно-производственный цех теоретизирования. Здесь на страже строгого теоретизирования стоит не идейное сообщество приверженцев парадигм, а устоявшийся логически определенный конструкт, своеобразный алгоритм мышления, можно сказать „мысленная феноменология“, определяющая сознание ученого, не позволяющая воспринимать смысл иначе» [3, с. 23]. Очевидно, что направление развития современного социогуманитарного знания определяется не только парадигмальным «бунтом», но и региональными особенностями исследовательской практики, которые в случае с социологией в большей степени тяготеют к выделению широкого спектра различных отраслей социологической науки. Об этом, в частности, пишет Е. А. Попов в своих работах [4, с. 12–14; 5, с. 23–27]. Таким образом, масштаб появления теоретических и эмпирических «конструктов» существенно увеличивается и ознаменовывается новыми интерпретациями уже известных социальных смыслов и категорий.

Библиографический список

1. Голенкова З. Т., Игитхян Е. Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. 2008. № 7.

2. Волков Ю. Е. Социальные системы как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2009. №9.

3. Кошелев А. В. Состояние понятийного аппарата социологии (общесоциологический уровень) // Социологические исследования. 2010. №5.

4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

5. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

А. Ю. Калитаева, И. В. Мариничев (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Если бы понимание конфликта включало в себя только его деструктивные характеристики, т. е. конфликт понимался исключительно как фактор дезорганизации социальной системы и нарушения ее нормального функционирования, то основная проблема отношения к конфликту сводилась бы к его ликвидации — отмене, подавлению, скорейшему разрешению. Признание же конфликта закономерным явлением в обществе, более того, движущей силой развития, расширяет и углубляет проблему обращения с ним.

Под регулированием конфликта Р. Дарендорф понимал «прекращение конфликтов, которое в противоположность подавлению и «отмене» обещает успех, поскольку оно соответствует социальной реальности... регулирование социальных конфликтов является решающим средством уменьшения насильственности почти всех видов конфликтов. Конфликты не исчезают посредством их регулирования... они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [1].

Таким образом, проблема регулирования конфликта заключается в ограничении его деструктивного влияния на общественные отношения и в переводе в общественно приемлемые формы развития и разрешения. Как отмечает Д. П. Зеркин, элемент регулируемости присутствует в любом конфликтном процессе, если он так или иначе включен в ме-

ханизм социального управления. В свою очередь управление конфликтным процессом придает объективно этому процессу формы, способные обеспечить минимизацию неизбежных экономических, социальных, политических, нравственных потерь и, наоборот, максимизировать такого же рода приобретения, именно здесь суть управления конфликтом.

На наш взгляд, основная проблема регулирования конфликтов в современном российском обществе кроется в том, что непосредственно субъекты регулирования используют в большей мере технологические средства управления конфликтами. Под технологическими средствами мы понимаем определенные стратегии, ориентированные в первую очередь на «снятие» напряженности между противоборствующими сторонами. Но это не устраняет внутренний источник конфликта — противоречие. Чем полнее оно будет разрешено, тем больше шансов для нормализации отношений между участниками, меньше вероятность перерастания конфликта в новое противоборство. Как отмечает Ф. М. Бородкин и Н. М. Коряк, принятие действий по разрешению конфликта имеет большее значение, так как в ином случае, если в основе конфликта лежит объективное противоречие, можно оказаться еще в более острой ситуации. Произойдет «замораживание конфликта», которое впоследствии может обернуться серьезными последствиями. «Во-первых, конфликт имеет тенденцию к расширению, к вовлечению все новых и новых людей... во-вторых, между постоянными оппонентами конфликта рождаются и укрепляются чувства, оппоненты превращаются в противников. Когда же возникнут отношения вражды... объективное разрешение конфликта не изменит отношений оппонентов друг к другу, их взаимоотношения сохраняют конфликтный характер» [2].

Мы склонны согласиться с позицией С. М. Иванова, полагающего, что на Северном Кавказе в настоящее время, кроме редких исключений, нет каких-либо серьезных национальных, этнических или религиозных противоречий. Источники конфликтов лежат больше в финансово-экономической плоскости. Причины сохранения напряженности кроются в том, что в регионе до сих пор не удалось создать благоприятных условий для развития инфраструктуры и социально-экономической сферы республик Северного Кавказа. Потенциально этот регион может быть самодостаточным: он находится в хороших климатических условиях, располагает необходимыми ресурсами, лежит на пересечении стратегических коммуникаций. Это означает, что республики Северного Кавказа могут и должны развиваться не за счет дотационных средств из федерального центра, а заработанных самостоятельно на местах и в виде налогов [3].

Разрешение таких проблем, как понижение уровня безработицы, решение образовательного вопроса, развитие инфраструктуры — все это будет способствовать лишению бандитских формирований возможности вербовать в свои ряды молодежь. Таким образом, без комплексного урегулирования ситуации, не решив принципиально важные социально-экономические, национальные, управленческие проблемы, не удастся ликвидировать социальную базу межэтнической напряженности, как северокавказском регионе, так и в России в целом. Нельзя упускать из виду и обширный комплекс мер государственно-правового порядка, без которых достижение этих целей также не может быть обеспечено. Речь идет прежде всего об укреплении российской государственности в самом широком смысле, включая решение запутанных проблем федерализма и национальных отношений, прекращение «войны законов», повышение профессионализма, демократизацию отношений с гражданами.

Управление конфликтной ситуацией требует определенных политических, социальных, материальных и духовных ресурсов, равно как и соответствующей правовой основы. Разрешение тех или иных социально-классовых коллизий в обществе возможно при помощи экономических средств и совершенствования способов политического руководства, развития демократических прав и свобод человека. Поэтому управление ими осуществляется на уровне как государства, так и гражданского общества: в форме легализации и легитимации конфликтов, их институционализации, канализации и рационализации. Если система государственной власти и управления обеспечивает официальное, публичное воздействие на конфликты, формально-правовое их регулирование и разрешение, то институты гражданского общества служат средством неформального влияния на конфликты.

Особенно важно для предотвращения развития конфликта его прогнозирование — предвидение возможности конфликта и его вероятного будущего. Исходным пунктом прогностического анализа конфликта является определение противоречия, обусловившего или потенциально обуславливающего данную проблемную ситуацию, которая может породить конфликт.

С теоретической точки зрения существенное воздействие на социальный конфликт может быть оказано лишь при реальном осознании истинной природы конфликта, следовательно, необходимо расширение теоретических исследований в этой области.

С практической точки зрения в настоящее время наибольшие организационные проблемы в урегулировании и предотвращении кон-

фликтов связаны с отсутствием в государстве разветвленной специализированной сети по предотвращению и урегулированию внутренних конфликтов. Эта точка зрения, на наш взгляд, является спорной, так как возникает вопрос о потенциальной возможности такого рода влияния государства на сферу гражданского общества. Такая позиция предполагает большую организационную работу по созданию институтов, осуществляющих мониторинг развития этнополитической ситуации в обществе, раннюю диагностику и прогнозирование возникновения конфликтов, а также способствует организации конфликтологического менеджмента в виде службы быстрого реагирования. Главной задачей такой службы является защита людей, недопущение эскалации конфликтов, расширение их зоны, организация переговорного процесса, а также интенсивное обучение людей способам правильного реагирования на конфликтную ситуацию и поведения в ней.

Библиографический список

1. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.
2. Дмитриев А. В. Исследовательская парадигма социального конфликта // Современная конфликтология в контексте культуры мира : материалы I Международного конгресса конфликтологов / под ред. Е. И. Степанова. М., 2011.
3. Цибулевская Е. А., Анкудинова К. А. Конфликты модернизации и проблема легитимности власти в российском социально-политическом контексте переходного периода // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 308, № 2.

Я. А. Климук (с. Бурла Алтайского края)

НАГНЕТЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В СССР НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг. (на примере «классовой борьбы» в алтайской деревне)

Социальная напряженность возрастает в обществе в переломные моменты его развития либо во время кризисов. Несомненно, в начале XXI в. в связи с расслоением общества на богатых и бедных, а также с вновь наметившимся отрывом города от деревни, возникает напряженность в отношениях между различными социальными группами. Особенно ярко это выражается в деревне, где в массах ходит

смутное недовольство «разбогатевшими соседями» и всё чаще появляются разговоры о том, что «не пора ли кое-кого раскулачить?». В этой связи представляется целесообразным обратиться к опыту подобной «классовой борьбы» в алтайской деревне на рубеже 1920–1930-х гг. и её результатам.

Прежде всего необходимо определить значение термина «классовая борьба». Под ней классики марксизма подразумевали столкновение двух антагонистических классов, которое и есть движущая сила исторического процесса. В конце 1920-х гг. И. В. Сталин выдвинул идею об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма и коммунизма [1, с. 71]. 9 июля 1928 г. в речи на пленуме ЦК ВКП(б) он высказал мнение, что «отживающие классы» не станут «добровольно» сдавать свои позиции, «не пытайтесь организовать сопротивление». Более того, по его мнению, «продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы» [1, с. 72]. Однако к концу 1920-х гг. в стране фактически отсутствовали классические эксплуататорские классы, тем более в деревне. Здесь можно выделить лишь отдельные социальные группы крестьян, различающиеся в основном по имущественному положению. Тем не менее, основываясь на тезисе об усилении классовой борьбы по мере приближения к социализму, большевистское руководство страны активно внедряло антагонизм между различными слоями крестьянства. Это наиболее ярко выражено в различных директивах и постановлениях органов власти различных уровней, в которых беднейшее крестьянство настойчиво противопоставляется всему остальному сельскому населению. Так, в постановлении Первого съезда по сплошной коллективизации Бийского округа его участники обращаются с призывом к батрачеству, бедноте и середнякам, ко всем колхозникам округа «активно участвовать в деле проведения практических мероприятий по ликвидации кулачества как класса, съезд призывает все батрачество, бедняков и середняков со всей классовой непримиримостью, самым решительным образом бороться со всеми попытками кулачества и антисоветского элемента деревни помешать победоносному шествию социализма в нашей стране, борьбы с кулацкой контрреволюционной агитацией, беспощадного разоблачения в глазах всех трудящихся масс деревни, закулисных способов борьбы кулачества» [2, л. 49об. — 50].

Кроме того, в сводках различного рода и прессе нагнеталась истерия по поводу кулацкого террора. «Кулацко-зажиточная верхушка деревни оказала упорное, яростное сопротивление проводимым парти-

ей и правительством мероприятиям. Особенно резко было проявление кулацкой активности, кулацкого сопротивления при применении последних методов общественного воздействия на кулака по хлебозаготовкам. Кулацко-зажиточная верхушка деревни не только оказывала сопротивление, но и пыталась кое-где в наиболее слабых участках нашей работы перейти в определенное контрнаступление, пыталась повести за собой некоторые слои бедноты и середняка», отмечалось в письме Бийского ОК ВКП(б) о контрреволюционных выступлениях кулаков против хлебозаготовок [3, л. 1–3].

Искусственное разжигание социальной розни между беднейшими и зажиточными слоями деревни привело к тому, что к «классу» кулаков стали причислять и среднее крестьянство, а иногда и бедных крестьян из чувства мести и личной антипатии. «...съезд осуждает имевшиеся попытки со стороны батрацко-бедняцкого актива применения мер, направленных против кулачества, к отдельным середнякам...» [3]. Повсеместно поощрялось различного рода доноситељство, в том числе анонимное. Так, в экспозиции «Мятежное начало XX века» Бурлинского районного краеведческого музея находится копия заявления члена ВЛКСМ Ново-Песчанской ячейки ВЛКСМ В. в райком комсомола на «кулака» Величко Андрея, который якобы говорил: «Повыдумали какой-то комсомол, раньше без комсомола жили хорошо, не было грабительства, ни кулаков, жили — лучше жить не надо» [4, л. 3].

Вполне объяснимо участие зажиточной верхушки деревни в процессе «классовой борьбы», к которой её подталкивала политика государства в деревне. Начиная с налогового «нажима на кулака» и заканчивая раскулачиванием — всё толкало «кулаков» к противодействию хозяйственно-политическим кампаниям правительства. По мере усиления репрессивных методов коллективизации активизировалось и «кулацкое» сопротивление. Если налоговая политика вызвала сокращение посева и забой скота зажиточной частью деревни, то чрезвычайные методы хлебозаготовок после поездки И. В. Сталина по Сибири привели к крестьянским выступлениям. В частности, в приложении к протоколу бюро Бийского ОК ВКП(б) № 29/4 от 26.04.1929 «Итоги применения последних методов хлебозаготовок» отмечалось: «...кулачество и зажиточная верхушка, не оказывая сопротивления в громадном большинстве случаев при организации оформления твердых планов хлебозаготовок на село, проявило большую активность и сопротивление хлебозаготовительной работе в процессе практической работы, вплоть до массовых выступлений (43 выступления с участием 7 000 человек по округу) ...» [5, л. 108].

С переходом большевиков к политике «ликвидации кулачества как класса» начинается открытое, зачастую вооруженное противостояние крестьян и государства. На Алтае в разных районах отмечаются вооруженные мятежи крестьян, наиболее известным из которых является так называемое Добытинское восстание в Уч-Пристанни (Усть-Пристанни). Здесь наиболее полно проявилась реализация тезиса об обострении классовой борьбы. Ведь если обострения нет, то нужно его создать. Поэтому уполномоченный ОГПУ по Уч-Пристанскому району Фрол Григорьевич Добытин собрал кулаков, подлежащих высылке по первой категории и, возглавив их, поднял восстание 10 марта 1930 г. [6, л. 2–2об.]. Восставшие так и не покинули Уч-Пристанского района, никаких активных действий не предпринимали, а после разгрома Добытин так и не был схвачен, дальнейшая его судьба неизвестна [7, л. 63–63об.]. Всё это наводит на мысль, что восстание было спровоцировано ОГПУ для усиления «классовой борьбы».

Несмотря на все старания властей поддерживать «классовые» противоречия внутри крестьянства, беднейшие крестьяне нередко выступали на стороне «кулаков», не говоря уже о середняках, провозглашенных большевиками союзниками в борьбе с эксплуататорскими классами. Это подтверждается сведениями об участниках различного рода выступлений. Например, в докладной записке Бийского окружного отдела ОГПУ о подготовительной работе к хлебозаготовительной кампании 1929–30 г. от 16 сентября 1929 г. указывалось: «...имеют место случаи, когда и бедняки под влиянием кулацкой агитации высказывают явно антисоветское отношение к хлебозаготовкам... Отмечен случай, когда бывший партизан поселка Машиновка (Бийский район) Коробов Козьма в сельсовете 9.09. в присутствии 15 человек крестьян, обругав матом комиссию по хлебозаготовкам, говорил: «Вы грабители, Вас нужно разогнать, Вы ограбили всех крестьян. Но подождите, мы вам покажем, как излишки у мужиков отбирать. Мы вам сломаем шею» [8, л. 7–8]. Об этом же свидетельствует и состав участников Усть-Пристанского восстания, из которых: 32% — кулаки и антисоветские элементы; 42% — служащие; 24% — середняки; 1,5% — беднота [9, л. 25].

Тем не менее активная репрессивная политика государства в деревне в 1930 г. по «ликвидации кулачества как класса», жертвой которой, по оценкам историков, только в Западной Сибири в 1930–1931 гг. по одним данным стала 52091 семья [10, с. 118–120], по другим — 66206 семей, или 283890 чел. [11, с. 242], привела к полной маргинализации крестьян, превратив их в сельскохозяйственных рабочих. Таким образом, несмотря на продолжающиеся в последую-

щие годы процессы раскрестьянивания, к 1932 г. с последним эксплуататорским «классом» было фактически покончено. Однако исходя из провозглашенной Сталиным доктрины об «усилении классово-вой борьбы» необходим был новый «классовый» противник, которым впоследствии становятся интеллигенция, партийная оппозиция, генералитет, врачи и др. Так формируется внутренняя политика сталинского режима, основанная на принципе поиска «внутреннего врага».

Изменилась и психология крестьян. Со времени коллективизации прошли десятилетия, сменилось не одно поколение, но и сейчас в алтайских сёлах среди беднейших слоев населения возникает желание «отнять и поделить». И тогда жизнь наладится?

Библиографический список

1. Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Собрание соч. : в 18 т. Т. 11.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФП. 12. Оп. 5. Д. 57.
3. ГААК. ФП. 12. Оп. 5. Д. 16.
4. ГААК. ФР. 2. Оп. 7. Д. 18825
5. ГААК. ФП. 12. Оп. 4. Д. 5.
6. ГААК. ФП. 12. Оп. 9. Д. 19а.
7. ГААК. ФП. 12. Оп. 4. Д. 23.
8. ГААК. ФП. 12. Оп. 5. Д. 10
9. ГААК. ФП. 48. Оп. 4. Д. 37.
10. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» // Отечественная история. 1994. № 1.
11. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1996.

М. С. Лазарева (Барнаул)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МНОГОДЕТНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Тенденции развития общества последних десятилетий способствовали тому, что в России, как и во многих странах мира, сложилась крайне неблагоприятная социально-демографическая ситуация.

Депопуляция объясняется изменением уклада повседневной жизни граждан, сменой духовно нравственных установок, распространением движения чайлдфри (от англ. *Childfree* — свободный от де-

тей). Семья потеряла былую привлекательность среди граждан, она не отождествляется с жизненно важной ценностью. «В эпоху слома ценностей и норм наиболее устойчивым в отношении кризиса становится общество, которое находит равновесие в сохранении традиций», — утверждает Е. А. Попов [1, с. 83].

В дореволюционной России традиции русской семьи основывались на принципах супружеской верности, взаимной любви, целомудрия, крепкого брака, рождения и воспитания детей, почитании родителей и старших. Массовая многодетность была нормой и естественной необходимостью для общества того времени.

Россия столкнулась с кризисом традиционной семьи в начале XX в., когда традиционная большая семья уступила место современной, малой, нуклеарной, малодетной семье.

Вот неожиданное и очень современное высказывание Л. Толстого, сделанное в 1913 г.: «...семья эволюирует, и потому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается. Какая будет новая форма, нельзя знать. Может быть, браки будут временными и после рождения детей прекращаться...» [2, с. 58].

Мы видим первые сигналы изменений, происходящих в обществе, которые изначально отразились на постепенном уменьшении числа детей в семьях, а затем и самом укладе семьи.

Анатолий Вишневецкий, в своих трудах, анализируя уровень рождаемости в России в конце XIX в., фиксирует наличие в русских семьях в среднем 7–8 детей. К концу 1930-х гг. этот показатель снижается до 4–6 детей. Последующие годы вплоть до 1970-х гг. сохранялась тенденция рождения 2–3 детей.

На всем протяжении существования человечества семья является главной основой общества и государства. Она представляет собой объединение людей, связанных отношениями родства, супружества, родительства. Выполняет функции физического и социокультурного замещения поколений, сохранения общечеловеческих ценностей [3, с. 45].

На территории России многодетность носит выраженный региональный характер. Преобладающее количество субъектов не выделяется высоким деторождением, постоянный высокий уровень многодетности отмечается в нескольких национальных республиках Северного Кавказа.

В большинстве субъектов РФ с отрицательным естественным приростом населения многодетной считается семья, имеющая и воспитывающая трех и более несовершеннолетних детей, для субъектов

РФ с положительным естественным приростом населения — семья с четырьмя и более детьми [4].

В Северо-Кавказском федеральном округе проживает более молодое население по сравнению с РФ в целом. Удельный вес детей в его структуре составляет 24%, а доля пожилого населения — лишь 16%, тогда как в целом по стране обратная ситуация — 17 и 23,5% соответственно.

Суммарный коэффициент рождаемости по федеральным округам в 2014 году, составляет: Северо-Кавказский — 2,034; Уральский — 1,960; Сибирский — 1,902; Дальневосточный — 1,869; Крымский — 1,797; Приволжский — 1,789; Южный — 1,711; Северо-Западный — 1,613; Центральный — 1,514.

Самым большим естественным приростом населения среди регионов России в 2014 г. характеризовались республики Чечня, Ингушетия, Тыва, Дагестан, Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (более 10%, или более +1,0% за год). Самой большой естественной убылью населения характеризовались Псковская, Тульская, Тверская, Тамбовская, Новгородская, Ленинградская области (где естественный прирост имеет отрицательное значение и составляет менее — 5,5%, или менее — 0,55% за год) [5].

Статистические данные Всероссийской переписи населения 2010 года в РФ показывают, что доля семей с детьми в возрасте до 18 лет составляла больше 50% от общего числа семейных домохозяйств. Из всех семей с детьми 65,2% составляют однодетные семьи, а количество многодетных семей — только 5,8% от общего количества домохозяйств. В больших семьях, по различным данным, воспитывается около 16% всех детей в стране.

Распределение многодетных семей по количеству детей показывает преобладание трехдетных семей. Семей с пятью и более детьми оказывается менее 8% от всей совокупности многодетных.

На сегодняшний день большинство многодетных семей — это семьи с двумя родителями (84,4%). Неполные многодетные семьи составляют 17,6% от всех многодетных семей (15,9% — матери с детьми, 1,7% — отцы с детьми).

В отдельных регионах России депопуляция населения выше, чем в стране в целом (коэффициент рождаемости 1,3). Например, в Красноярском крае и Республике Саха (Якутия) уровень рождаемости равен 1,1. В Красноярском крае из-за низкой рождаемости и низкой иммиграции, а в Якутии из-за низкой рождаемости и увеличения доли людей пенсионного возраста.

По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России составил в 2014 г. 1,75. В городской местности значение коэффициента — 1,58, в сельской местности — 2,34. С 2006 по 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости в РФ увеличился на 30,8%.

В 2014 г. проведена работа с субъектами РФ по формированию региональных планов мероприятий по повышению рождаемости на 2014–2018 гг., обеспечивающих достижение целевых показателей Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» и сохранение положительной демографической динамики [6]. Региональные планы разработаны в 82 субъектах Российской Федерации.

С целью улучшения демографических показателей в 2015 г. был определен перечень субъектов, в которых будут соблюдаться расходные обязательства по поддержке семей в связи с рождением третьего ребенка или последующих детей. В перечень включены 53 субъекта, в которых уровень рождаемости ниже среднего по стране (1,75), а также регионы с убывающим населением. В 2015 г. их число было таким же, в 2014 г. в перечень был включен 51 субъект, в 2013 г. — 50 субъектов.

Многодетность в регионах России зависит от неоднородного национального и религиозного состава населения, уровня культурного и социально-экономического развития территорий. Один из типов многодетности можно охарактеризовать как традиционная многодетность, в ряде других регионах — как неустойчивая, т. е. имеет непостоянный характер и не зависит от каких-либо факторов.

Для укрепления института семьи в субъектах России должна работать программа по поддержке данной категории граждан. Социальная политика регионов и федеральные социальные мероприятия поддержки многодетных семей должны учитывать сложившуюся картину многодетности и ее региональные особенности. Количество многодетных семей в регионах будет увеличиваться, если государство обеспечит достаточный уровень социального благополучия граждан.

Стоит учитывать, что «о социальном благополучии можно вести речь лишь в том случае, если оно совпадает с интенциями человека, его рефлексией, ценностными ориентациями, но в то же время согласуется с традициями и национально-культурными особенностями народа» [7, с. 159–160].

Библиографический список

1. Попов Е. А. Междисциплинарные проблемы развития современного социологического знания : монография. Барнаул, 2014.
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006 (Новая история).
3. Лазарева М. С. Многодетная семья как объект социальной защиты // Issues of social work and professionalism of a teacher in the information society: materials of the international scientific conference on November 5–6, 2015. Prague, 2015.
4. Программа государственной поддержки многодетных семей в РФ на 2011–2015 годы: проект // Консультант Плюс.
5. Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь–декабрь 2014 года // Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ за январь–декабрь 2014 года / Госкомстат России (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2014/demo/edn12-14.htm (дата обращения 03.11.2015).
6. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 // Консультант Плюс.
7. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского политкультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

В. А. Мелёхин, А. В. Кротов (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЯ ВИТАЛИЗМА В КВАЛИМЕТРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАЧЕСТВА ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ

Положения синтетической квалиметрии, которая начала формироваться в 80-е гг. XX в., базируются на трёх уровнях оценочной методологии: общей квалиметрии, специальных квалиметрий и предметных квалиметрий, по сути не касается квалиметрических характеристик оценивания качества человеческой жизни с позиции физкультурно-спортивных критериев здоровья. Это объяснимо в том смысле, что исследователи отдают оценивание физкультурно-спортивной и оздоровительной тематики на откуп специалистам в области физической культуры и спорта (ФКиС). Это логично и объяс-

нимо, но вступает в противоречие на претензию квалиметрии выполнять синтетическую функцию парадигмальной оценки человеческой жизни.

Социологический витализм, методологии которого придерживаются авторы, влияет на технологизацию и социоинженерные практики во всех сферах общественных отношений российского общества, включая сферу физкультурно-спортивной деятельности, существенно влияющей на обретение нового качества жизни, развития человеческих ресурсов, обеспечения социального здоровья в обществе.

Социологический витализм в интеграции с физкультурно-спортивной деятельностью как никакая другая большая социологическая теория интегрирует естественно-научное (прерогатива физкультурно-спортивного знания); гуманитарное и социальное знания для осмысления логики и эволюции качества социума, социальной жизни человека. Об этом свидетельствует категориальный ряд виталистской социологии:

- «первичные социальные отношения» человека как взаимозависимость людей по поводу их жизненного (физкультурно-спортивного) пространства, средств воспроизводства жизни»;
- «жизненные силы человека» (физкультурно-спортивные, оздоровительные силы) как его способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь общественными и лично-индивидуальными средствами;
- «жизненное пространство бытия человека» как его сфера жизнедеятельности, реализации потребностей воспроизводства и совершенствования жизни» [1, с. 645, 653].

По сути, любое положение, выдвигаемое теоретиками и практиками виталистской социологии, можно репрезентировать на принципы квалиметрической оценки качества социальной жизни с позиции физкультурно-спортивного знания.

Социальная квалиметрия в её физкультурно-спортивном измерении призвана исследовать человеческую жизнь в формирующемся физкультурно-спортивном пространстве социальной жизни.

Качество физкультурно-спортивной жизни базируется на социологической категории «качество жизни» и встраивается в систему показателей жизни. В этом варианте физическую культуру и спорт следует рассматривать как физический, человеческий, демографический ресурс социума, включая таковой в систему личностных характеристик индивидов, отдельных страт и слоёв, который реализуется в процессах социального взаимодействия разного рода.

Оптимизации качества жизни требуется выполнения следующих квалиметрических критериев:

- цель должна быть выражена в конкретных показателях, количественно измеряемых, имеющих однозначную трактовку, не поддающуюся фальсификации;
- показатели должны характеризовать состояние самого человека, те социальные свойства, без которых общество разрушается. Соблюдение именно таких критериев квалиметрической оценки качества жизни положены в основу физкультурно-спортивных характеристик изучаемой категории.

Физкультурно-спортивная жизнь в её качественной составляющей характеризуется следующими признаками квалиметрической оценки:

- 1) степенью доступности занятий любительским спортом и качеством спортивно-оздоровительных услуг для большинства населения в институциональном измерении заинтересованных структур;
- 2) гарантиями конституционных прав граждан на занятия физической культурой и спортом;
- 3) способностью государства обеспечить высокие спортивно-оздоровительные стандарты «здорового образа жизни» для большинства населения;
- 4) распространённостью и упорядоченностью спортивных организаций;
- 5) уровнем организованности и гуманистической направленностью спортивных соревнований;
- 6) ростом духовного и физического совершенства участников спортивных движений и соревнований;
- 7) распространённостью стратегии «духовного и физического развития», действенностью морально-этических норм спортивной культуры среди населения;
- 8) уровнем и качеством спортивных соревнований [2, с. 34].

Физическая культура и спорт стали важнейшими факторами сохранения и умножения жизненных сил человека, включая качественную составляющую жизнеосуществления. Предоставляемые физической культурой для этого средства и методы, базирующиеся на выполнении физических упражнений в широком смысле, позволяют оптимизировать текущее, относительно быстро меняющееся функциональное состояние организма. Тем самым создаётся благоприятствование с включением в режим трудовой деятельности и отдыха занятий физической культурой и спортом.

Матрицей измерения виталистской характеристики «жизненные силы» и «жизненное пространство» человека как биопсихосоциального существа должны стать такие характеристики качества физкультурно-спортивной жизни, как «физкультурно-спортивные, оздоровительные силы», «физкультурно-спортивное пространство», «индивидуальная и социальная физкультурно-спортивная субъектность». Последняя категория дополняет категориальный ряд витализма: производственно-экономическая субъектность; политическая субъектность; духовно-культурная субъектность; социозэкологическая субъектность; социально-бытовая субъектность; субъектность в сфере образования, культурно-просветительской деятельности.

Основными показателями квалиметрической характеристики отдельного человека являются следующие: забота человека о поддержании в норме и совершенствовании своего физического состояния различных его параметров (здоровье, телосложение, физические качества и двигательные способности); многообразие используемых для этой цели средств, умение эффективно применять их; одобряемые и реализуемые на практике идеалы, нормы, образцы поведения, связанные с заботой о теле и физическом состоянии, о средствах воздействия на него и методах их применения; степень ориентации на заботу о своём физическом состоянии; готовность оказать помощь другим людям в их оздоровлении, физическом совершенствовании и наличие для этого соответствующих знаний, умений и навыков [3, с. 44].

Квалиметрические показатели, которые в состоянии отобразить качественные критерии физкультурно-спортивной жизни, базируются на следующих стандартах общепризнанного характера:

- территориальная и ценовая доступность услуг массового спорта для всех категорий населения;
- гарантии качества и безопасности спортивных сооружений и оборудования;
- гарантии высокой квалификации профессиональных кадров организации, предоставляющей спортивно-оздоровительные услуги.

Перечисленные критерии качества жизни населения во многом влияют на состояние здоровья работающих как основу экономического благополучия общества. Повышение качества жизни населения немислимо без воспитания и осознания индивидом с самого раннего возраста стандартов здоровья как жизненно необходимых и общечеловеческих ценностей.

Квалиметрической оценкой физического здоровья посредством критериев физической культуры и спорта стало развитие массового физкультурного движения начиная с 30-х гг. XX в., когда были при-

няты комплексы БГТО и ГТО, со стороны государства уделено значительное внимание вопросам здорового образа жизни и активному долголетию человека. Однако следует отметить, что физическая культура в нашей стране не стала потребностью большинства членов общества. По-прежнему она находится на крайне низком уровне функционирования в основных сферах жизнедеятельности человека и общества: образовании, труде, досуге. Такое состояние физической культуры не даёт необходимого запаса «прочности» в виде здоровья, функциональной готовности, психической устойчивости и эмоциональной удовлетворённости, а, следовательно, не способствует эффективной самореализации человека.

Потери ресурсов здоровья трудоспособного населения России составляют величину, соответствующую 43% ВВП. Только из-за преждевременной смертности населения в трудоспособном возрасте экономические потери страны за последние десятилетия достигли 1,5 триллиона долларов, или 225 млн человеколет активного труда [4, с. 49].

По данным Росстата, в сентябре 2011 г. в стране насчитывалось 72 млн чел., занятых экономической деятельностью. Если из этого количества исключить тех, кто хотя бы один раз в неделю занимается ФКиС (а таких — 34,6%, или 25 млн чел.), остаётся 47 млн чел., не занимающихся спортивной или физкультурно-оздоровительной деятельностью [5, с. 21].

Полученные данные входят в диссонанс с социологической информацией о том, что положительную роль занятий ФКиС в развитии человеческого потенциала и повышении качества жизни населения страны подтверждают более 90% граждан России всех возрастов и считают занятия ФКиС полезными для жизни в целом, а $\frac{3}{4}$ всего трудового населения страны поддерживают идею развития ФКиС путём выделения средств своей организации [5, с. 22].

Ответ на имеющееся противоречие, скорее всего, таится в природе человека, поскольку многие начинают заниматься ФКиС, вести здоровый образ жизни по мере ухудшения своего здоровья и возникающего в связи с этим социально-психологического дискомфорта. Зачастую ссылки на то, что нет времени для занятий спортом, отсутствуют условия, не всегда соответствуют действительности. Во всяком случае, бег трусцой, при минимальном медицинском контроле и отсутствии особых условий (необходимы лишь спортивная одежда и кроссовки) весьма эффективен.

В целом же, существующая в стране система занятий ФКиС позволяет населению в достаточной степени улучшать и поддерживать здоровье, вести здоровый образ жизни, способствовать заметному сни-

жению проявления асоциального поведения, эффективно поддерживать работоспособность и уменьшать количество пропущенных по болезни рабочих дней, способствовать проявлению социальной активности личности, развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни членов общества. Положительное воздействие на человека оказывает повышение объема занятий спортивно-оздоровительной деятельностью, достигая значимых результатов при систематических занятиях (3 раза или 3 часа в неделю), но наилучшие успехи наблюдаются при активных занятиях ФКиС в объеме не менее трех раз и не менее шести часов в неделю.

По данным на 2008 г. отмечено:

- доля занимающихся спортом составляет лишь 14,8% от общей численности населения РФ и всего 7,6% от общей численности экономически активного населения;
- показатели физической подготовленности современных школьников достигают лишь 60% от результатов их сверстников в 60–70-е гг. XX в. [6, с. 14].

Физическая культура и спорт как сфера социальной деятельности, направленная на укрепление здоровья и развитие физических способностей человека, подлежит квалиметрической оценке и анализу. Основными показателями качества ФКиС в обществе являются:

- уровень здоровья и физического развития личности;
- степень использования физической культуры в сфере воспитания и образования, в производстве и быту.

Квалиметрической оценкой индивидуальной и социальной физкультурно-спортивной субъектности личности служит структура жизненных ценностей, приоритетность реализации принципа «физическое здоровье и развитие личности», характеризующие субъективные характеристики личности.

В настоящее время целевой установкой деятельности государства и гражданского общества должна стать ориентация на необходимость разработки новой концептуальной модели обеспечения качества жизни населения на базе использования потенциала ФКиС, которые в состоянии существенно повысить и уточнить комплексность оценки такой общесоциологической категории, как «качество жизни».

Библиографический список

1. Субетто А. И. Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии Третьего тысячелетия. СПб., 1999.
2. Супиков В. Н. Спорт как объект социального управления. Смоленск, 2004.

3. Столяров В. И. Ценности спорта и пути его гуманизации. М., 1995.
4. Чижова Л. Развитие трудового потенциала: обоснование стратегии // Человек и труд. 2006. № 1.
5. Виноградов П. А. О влиянии занятий физической культурой и спортом на развитие человеческого потенциала // Теория и практика физической культуры. 2012. № 7.
6. Шурманов Е. Г. Физическая культура: выбор приоритетов // Теория и практика физической культуры. 2012. № 5.

А. А. Мироненко (Тольятти)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ТОЛЬЯТТИ

Социология — многогранная наука, сочетающая в себе аспекты изучения почти всех сторон общественной жизни. Важная отрасль данного знания — экологическая социология, изучающая специфические связи между человеком и окружающей средой. Формирование экологической культуры в промышленном городе является значимым моментом в сохранении природных ресурсов.

Тольятти — один из промышленных центров России. Он сочетает в себе функционирование тридцати различных предприятий, таких как ОАО «АВТОВАЗ», ОАО «ТольяттиАзот», ООО «ТольяттиКаучук» и др. Совершенно ясно, что, помимо благоприятного экономического развития города, есть и негативная сторона — загрязнение окружающей среды. Общее количество загрязняющих выбросов от основных индустриальных объектов города составляет в среднем 44 тыс. т ежегодно [1], которые способны накрыть город сизой дымкой на долгое время. «Тольятти — автомобильная столица России». Количество транспорта в городе непомерно велико. Об этом свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики в Тольятти: «Каждый третий тольяттинец имеет автомобиль» [2]. С каждым днем их становится все больше, следовательно, растет объем газов, выбрасываемых в окружающую среду.

Однако можно увидеть яркий контраст. Город располагается на берегу реки Волги, которая находится в естественном состоянии: не забетонирована как Москва-река. Благодаря водным ресурсам повышается влажность воздуха и смягчается климат. Тольятти славится и своими лесами. Почти со всех сторон город окружен лесопосадками. Чтобы попасть из одного района города в другой, нужно проехать

через лесную «зеленую зону», гости города зачастую поражаются этому. Тольяттинцы гордятся лесом не меньше, чем Волжским автомобильным заводом. Говоря о лесах, нельзя не затронуть трагический 2010 г., когда выгорело более 200 га лесных массивов [3]. Можно сказать, что тогда погибла часть «сердца» Тольятти.

Важным фактором формирования экологического сознания населения является экологическая культура горожан. Акции добровольческого движения Тольятти по очистке Баныкинского озера, берегов Волги, посадки леса положительно влияют на сложившуюся экологическую ситуацию. Сегодня необходимо заниматься созданием благоприятной обстановки для формирования активной экологической деятельности. Необходимо в первую очередь оказывать государственную поддержку, формировать законодательные инициативы. Так, мэрия Тольятти ведет активную пропаганду «чистого города», в которой принимает участие 42% населения (по данным социологического исследования дома молодежных организаций «Шанс»). Власти города ежегодно выделяют финансирование на ликвидацию химического загрязнения от ОАО «Фосфор» [4], на природоохранные мероприятия, поддержку зеленого фонда Тольятти.

В заключение стоит сказать, что Тольятти — противоречивый город. С одной стороны, мы видим загрязненный промышленно-технический пункт, не пригодный для жизни населения, с другой стороны, это зеленый, растущий, процветающий город. Под воздействием экологического воспитания горожане готовы понять, что развитие экологической культуры — один из немногих действенных и эффективных способов решения экологического кризиса в обществе.

Библиографический список

1. Напряженная экологическая ситуация в Тольятти [Электронный ресурс]. URL: <http://greenologia.ru/> (дата обращения: 05.11.2015).
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
3. Крупный пожар под Тольятти, огонь охватил 200 га леса [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/>
4. Об утверждении долгосрочной целевой программы «Ликвидация экологического ущерба прошлой хозяйственной деятельности бывшего ОАО «Фосфор» на 2012–2017 годы»: Постановление № 2770-п/1.
5. Мисенжников В. В. Экологическая культура и государственная политика / под ред. В. М. Захарова. М., 2008.

А. А. Переладова (Барнаул)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Одним из наиболее значимых компонентов в системе правовой социализации молодежи является воспитание правовой культуры как фактора, призванного обеспечить цивилизованность правоотношений гражданина и государства.

Правовая социализация в настоящее время столкнулась с рядом проблем. По мнению В. П. Зинченко, чтобы уйти от ложных альтернатив противопоставления права и социальных ценностей, нужно, чтобы индивид имел устойчивые ценностные ориентации, воспринимал их как свои, т. е. была построена личностная система ценностей [1, с. 87].

Д. В. Столяренко выделяет некоторые особенности, возникающие в правовой социализации. Во-первых, она внутренне конфликтна, так как является отражением социально-ценностного расколотого общества. Во-вторых, сам процесс интеграции правовых норм определяет место и типом личности в системе отношений. В-третьих, отношение к социальным ценностям может расходиться с истинным отношением человека к конкретному правовому поведению. В системе правовой социализации нужно рассматривать культуру права как то, что реально воплощается в социальных практиках, а не то, что можно охарактеризовать как сумму знаний, полученных о праве, или стандартизированное восприятие индивида [2, с. 58].

Проблема правовой социализации тесно связана с проблемой сохранения разнообразных правовых ценностей. Об этом, в частности, пишет Е. А. Попов [3, с. 226–227].

Анализируя значение правовой культуры в современных механизмах общественного взаимодействия, можно установить, что каждый индивид в процессе жизнедеятельности получает в семье, по месту учебы и работы, из средств массовой информации и иного первичные знания о правовой культуре.

По мнению А. С. Карпикова, из непосредственной повседневной деятельности, как своей, так и окружающих, человек сам извлекает для себя уроки в нравственном и правовом плане. Однако обилие различных факторов, оказывающих влияние на результат правосопитанности, настолько велико, неравнозначно и зачастую противоречиво, что удельный вес стихийности и непредсказуемости оказывается достаточно большим, а результат — несовершенным [4, с. 90].

В то же время современные исследователи процессов социализации из всего комплекса формирующих мероприятий все чаще обозначают правовое воспитание как наиболее приоритетную и общественно значимую задачу. Так, В. Я. Кикоть и А. М. Столяренко утверждают: «...постановка стратегической, всеобъемлющей задачи создания в современной России правового государства и общества, где права, свободы, граждан надежно защищены законом, без принятия радикальных мер по формированию правовой культуры населения, выглядит неделовым подходом, непродуманной мечтой» [5, с. 85].

Анализируя процесс правовой социализации молодежи, следует отметить, что правовоспитанию присущи свои причинно-следственные зависимости между методами формирующего воздействия и их результатами. Эта причинно-следственная зависимость находит выражение в специальных принципах, на основе которых рекомендуется строить практику правокультурного воздействия.

Аргументированными и теоретически обоснованными являются следующие педагогические принципы, изложенные В. Я. Кикотем и А. М. Столяренко в учебнике «Юридическая педагогика»:

1. Принцип наступательности. Задачу укрепления законности и правопорядка нельзя решать, включаясь в работу только после совершения преступлений. Если заранее не заполнять духовный вакуум социально здоровым содержанием, он, скорее всего, заполнится стихийно тем, с чем потом придется бороться.

2. Принцип всеохватности и непрерывности. Выражается в необходимости задействования в правовоспитательной работе по возможности всех факторов, влияющих на ее эффективность, вести ее не эпизодически, а постоянно, руководствуясь чувствами гражданского долга и гуманности.

3. Принцип государственно-правового подхода. Правовоспитание не может ограничиться изучением одних норм права. Его цель не в превращении всех в юристов, а в содействии подрастающему поколению стать достойными гражданами правового общества, участниками его создания и защиты.

4. Принцип единства нравственного и правового воспитания. Воплощается в формировании у граждан правовых норм как моральных ценностей, как своих жизненных ориентиров.

5. Принцип единства прав ответственности. Подчеркивает необходимость соединения, уяснения личных прав гражданином со своей ответственностью за собственный выбор, за нарушения прав других. Реализуя свои права без уважения прав других, без чувства от-

ветственности перед другими, человек превращается в нарушителя культурных, моральных, а в определенных случаях и правовых норм.

6. Принцип правового самовоспитания. Человеку, особенно молодому, нужно отчетливое понимание того, что он сам прежде всего ответствен перед собой. Не следует никогда вступать в конфликты с законом и испытывать на себе его неумолимую силу [5, с. 193].

Современные исследователи — социологи, педагоги, криминологи, характеризуя состояние процессов правовой социализации в среде молодежи, отмечают значительное усиление влияния побочных факторов социального риска, определяющих низкую эффективность системы формирования правового мировоззрения. К ним относятся социально-экономические, медико-социальные, социально-демографические, социально-психологические и криминальные факторы.

Следует также отметить, что процесс социализации включает целый ряд важных элементов, определяющих его эффективность:

- 1) целенаправленное научение культуре;
- 2) формирование механизма трансляции целостности культурного образца и культурной нормы;
- 3) разработка комплексного отношения общества к проблемам молодежи.

Последний компонент крайне важен для функционирования культуры в целом.

Таким образом, цели и специфические особенности правовой социализации прежде всего связаны с формированием правопослушной позиции личности в повседневных правоотношениях, с пониманием личностных, правовых и морально-нравственных обязанностей, личной ответственности за те или иные действия.

В заключение хотелось бы отметить, что молодежь может рассматриваться как самостоятельный мир по отношению ко взрослому обществу. От этого зависит не только способ трансляции культурного опыта, но и нормативная стратегия интеграции молодого человека в мир взрослых, что определяет стабильность и динамичность общества.

Библиографический список

1. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8.
2. Столяренко Д. В. Правовой нигилизм и правовая социализация современной молодежи: социально-философский аспект // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4.

3. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

4. Карпиков А. С. Правовое воспитание — условия эффективной юридической деятельности // Криминологические и психолого-педагогические проблемы правового воспитания. 2010. № 2.

5. Кикоть В. Я., Столяренко А. М. Юридическая педагогика. М., 2009.

Н. П. Карамышев (Барнаул)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КООПЕРАЦИИ СЕЛЬСКОГО МАЛОГО БИЗНЕСА

Научный руководитель — Е. А. Попов

Основополагающим стратегическим направлением борьбы с социальными проблемами в сельском хозяйстве является развитие кооперации сельского малого бизнеса. Развитие данной сферы позволит понизить уровень сельской бедности, пьянства и безработицы на селе, увеличит количество рабочих мест и занятость населения для развития и поддержки малых форм хозяйствования и сохранения сельских территорий.

Для более эффективного развития кооперации в данной отрасли, необходимо обратить внимание на проблемы в правовом регулировании данных процессов, наличии коллизий и пробелов в праве. Результатом реализации данного направления развития кооперации является формирование среднего класса — основы гражданского общества и социального государства.

Принципы организации сельскохозяйственной кооперации дают основание утверждать, что эта организационно-правовая форма наиболее адаптирована к требованиям и условиям формирования гражданского общества для реализации всех социальных прав аграриев и является одним из институтов реализации декларируемых Конституцией РФ социальных и гражданских основ российской государственности. Кроме того, актуальным из-за некоммерческого характера своей деятельности становится развитие сельскохозяйственной кооперации в связи принятием Ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2017» [1].

Следует признать, что за время рыночных преобразований в России сформировался достаточно хорошо организованный крупный агробизнес в зерновом хозяйстве, птицеводстве, свиноводстве, в производстве технических культур. Но в аграрной экономике плохо организованы мелкий бизнес, крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства. Направления деятельности малого бизнеса значительно шире, начиная от производства наиболее трудоемкой сельскохозяйственной продукции и заканчивая решением социальных, демографических проблем, проблем сохранения сельских территорий и т. д. Низкая доходность малого аграрного бизнеса является одной из причин его непривлекательности, и как следствие, слабой активности развития кооперативных форм хозяйствования в сельских территориях [2, с. 59].

Практика реализации государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., а также ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2017» показала, что малый и средний бизнес особенно остро нуждаются в создании инфраструктуры поддержки в форме сельскохозяйственных потребительских кооперативов для преодоления социальных проблем на селе.

Социальная направленность деятельности сельскохозяйственных кооперативов пока не позволяет им привлекать необходимые инвестиции. Большинство сельскохозяйственных кооперативов работает на арендованной, а не на собственной земле, что также усложняет привлечение заемного капитала, снижает устойчивость их деятельности [3, с. 31].

В настоящее время нередки случаи нарушения кооперативных принципов со стороны органов управления сельскохозяйственными кооперативами, а так же факты незаконного присвоения имущества членов кооперативов. В результате члены кооператива теряют свои имущественные паи, землю и работу. В силу названных причин численность сельскохозяйственных кооперативов в последние годы постоянно снижается. По состоянию на 1 января 2013 г. их число составило 8921, что на 42% меньше, чем в 2001 г. [4].

Потенциал развития кооперации в Алтайском крае определен рядом особенностей функционирования малых форм хозяйствования в регионе. По данным Управления Федерального агентства кадастра объектов недвижимости по Алтайскому краю, на 1 января 2015 г. в районах края зарегистрировано 454 тысячи личных подсобных хозяйств, 4423 крестьянских (фермерских) хозяйства. В последние годы

доля крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции увеличилась. Данный факт объясняется тем, что для сельских жителей личные подворья — способ самоорганизации и самообеспечения в сложных экономических условиях, для решения социальных проблем по трудоустройству, получению материальных благ и сокращению уровня безработицы [5].

В целях выявления актуальных социально-правовых проблем, стоящих на пути эффективного развития системы сельской кооперации, автором научных работ в области кооперации А. А. Степановым был проведен социологический опрос членов-пайщиков организации сельской кооперации различных иерархических уровней и их руководителей.

Социологический опрос проводился с помощью метода интервью, а также анкетирования среди различных категорий членов-пайщиков и руководителей различных кооперативов. Данным социологическим опросом прежде всего предусматривалось изучение вопросов, раскрывающих социально-организационные и организационно-управленческие проблемы активизации процессов социально-экономического развития системы потребительской кооперации, выявление и обоснование путей и мер активизации этого процесса, его перспектив и результатов. Обработка результатов социологического опроса свидетельствует о том, что подавляющее большинство (64,2%) опрошенных респондентов на вопрос о том, что их «не удовлетворяют» социально-экономические результаты деятельности потребительских обществ по реализации заявленных уставных целей, ответило положительно. И лишь 16,5% считают, что результаты деятельности потребительских кооперативов их вполне удовлетворяют. Негативные тенденции и проблемы развития потребительской кооперации в Российской Федерации на современном этапе подавляющее большинство (42%) респондентов объяснили отсутствием профессионализма управленческих кадров в органах управления потребительских обществ и их союзов, а также личными и групповыми антисоциальными и коммерческими интересами руководителей потребительских обществ (37%). По мнению же 18,9%, проблемы социально-экономического развития потребительских кооперативов объясняются отсутствием четкой, ясной, эффективной политики российского государства в области потребительской кооперации и лишь 2,1% считает, что сложившиеся в системе потребительской кооперации проблемы напрямую связаны с теневыми экономическими и коррупционными интересами чиновников и руководства кооперативов [6, с. 98].

Подводя итоги исследования, А. А. Степанов делает вывод, что проблемы развития сельской кооперации вызваны не только пробелами и противоречиями в нормативно-правовом регулировании и в политике поддержки этой сферы, но и социальными противоречиями внутри кооперативов, отсутствием мотивации к кооперации, а также коррупционными интересами руководителей организаций.

Для решения проблем, затрудняющих процесс сельской кооперации малого бизнеса, необходимо разработать региональные программы развития и поддержки сельской кооперации, сформировать современное кооперативное законодательство, учитывающее социальные интересы как общества, так и государства, в лице органов государственной власти, которое будет регламентировать их взаимодействие на основании принципов партнерства и ответственности, а также расширения кооперативного движения для поддержки малообеспеченных слоев населения, решения социальных проблем и построения гражданского общества и социального государства в Российской Федерации.

Библиографический список

1. О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2017 Ведомственная целевая программа [Электронный ресурс] (с изм. и доп.) // Гарант. Версия от 2 ноября 2015 г. — С жесткого диска.
2. Сельскохозяйственная потребительская кооперация как основа развития сельских территорий и гражданского общества : монография / под общ. ред. И. В. Палаткина, А. А. Кудрявцева. Пенза, 2012.
3. Дементьева О. В. Кооперационные объединения в АПК: теория и практика управления // АПК: экономика, управление. 2012. № 11.
4. Доклад Государственного Совета РФ при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики об устойчивом развитии сельских территорий РФ 2014 г. [Электронный ресурс] (с изм. и доп.) // Гарант. Версия от 2 ноября 2015 г. — С жесткого диска.
5. об утверждении целевой программы «Развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации в Алтайском крае на 2015–2017 гг.»: постановление администрации Алтайского края от 10 июля 2015 г. № 287 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Гарант. Версия от 2 ноября 2015 г. — С жесткого диска.
6. Степанов А. А., Савина М. В., Губин В. В., Степанов И. А. Социально-экономическая трансформация системы потребительской кооперации и проблемы ее развития на этапе становления постиндустриальной экономики. М., 2013.

Е. В. Попова (Барнаул)

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Понятие духовной безопасности можно рассматривать с различных позиций: очевидно, что духовная безопасность — это состояние внутреннего мира человека, при котором достигается гармония его и окружающего мира, человека и природы, космоса, государства. В этом случае, по-видимому, можно вести речь о некоей символической борьбе человека за свое личное пространство, за место в мире и обществе, или, следуя мысли П. Бурдьё, человек ведет символическую борьбу «по поводу восприятия социального мира», и эта борьба «может принимать разные формы» [1, с. 197]. Таким образом, духовная безопасность человека обеспечивается его включенностью в социальную реальность и его принятием главных ценностно-смысловых кодов бытия, среди которых и ментальность, и традиции родной культуры, и историческая память, и духовно-нравственные нормы. Здесь нужно иметь в виду, что духовная безопасность человека — категория разноуровневая, она характеризуется многими особенностями, но в определенный момент может стать пограничной, пороговой, потому что, как полагает Н. Моисеев, «рост индивидуализма — объективная потребность человечества» [2, с. 149], следовательно, духовная безопасность — это мера индивидуализации нашего общества. С нарушением гармонии человека и мира усугубляется состояние духовной безопасности человека — он способен на переоценку ценностей в угоду таким из них, которые традиционно отнесены к негативным или становятся близки к антиценностям. На это обращают внимание многие исследователи, например Е. А. Попов [3, с. 12–14; 4, с. 18–20].

Сегодня для любого человека границы между ценностями и антиценностями являются чрезвычайно зыбкими, и иногда переход от одних к другим становится практически незаметным и само собой разумеющимся, хотя именно это обстоятельство представляет для духовной безопасности человека реальную угрозу. Конвейер ценностей, зачастую не распознаваемых человеком, менее всего способствует индивидуализации мира и социальной реальности, но вместе с тем некие «стандарты» бытия способны предостеречь каждого человека от утраты его духовной безопасности; так, например, кодекс проявления уважения к старшему поколению, нередко призна-

ваемый культурным пережитком, тем не менее остается одним из таких «стандартов», — пока человек молод и полон сил, он не нуждается в признании каких-либо «кодексов» или «стандартов», но межпоколенные границы очень близки, и через некоторое количество лет этому человеку, утратившему молодость, придется столкнуться самому с нормой уважения (неуважения) к старшим уже в повседневной жизни. Острое переживание социальной отчужденности в этом случае сопровождается чувством несправедливости, утраты чего-то наиболее значимого и ценного в жизни.

Но духовная безопасность определяет также некие константы гармонизации отношений человека и социума — константы, которые способствуют «удержанию» человека в социуме. Речь идет о дружбе, семье, работе, здоровье и др. Эти и другие ценностно-нормативные комплексы обеспечивают неразрывную связь человека с обществом, представляя собой *социокоды*. По мысли А. С. Запесоцкого, «наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого передается от человека к человеку, от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта. В этом массиве — знания, навыки, умения, образцы деятельности, нормы, правила, ценности, мировоззренческие установки и прочее, что хранится в обществе, передается от поколения к поколению» [5, с. 14].

Как видим, главным и основным механизмом преемственности поколений является именно социокод, транслирующий константы человеческого бытия и определяющий условия для обеспечения духовной безопасности. Правда, нужно, конечно, иметь в виду, что межпоколенный опыт может содержать как позитивные, так и негативные стереотипы, и оценки реальности, но именно наличие тех и других становится необходимым для «удержания» человека в социуме. Кроме того, обмен социокодами между поколениями всегда сопряжен со сложностями, проистекающими из характеристик места и времени, психологии человека, социальной структуры, модернизации мира и социума. Из-за многомерности этого обмена всегда возникают *абберации духовного*, по крайней мере, меняется отношение человека к семье, труду, своему здоровью, крайне подверженными трансформациям оказываются и сами эти константы: смещаются приоритеты в представлениях о семейном укладе, принципах дружбы между людьми и т. д. Подобные изменения носят объективный характер и колеблются между двумя полюсами в системе отношений *ценности — антиценности*.

Библиографический список

1. Бурдые П. Начала : пер. с фр. М., 1994.
2. Моисеев Н. Н. Рациональный гуманизм // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество* : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
5. Запесоцкий А. С. Вячеслав Степин и его теория культуры. Часть I // *Философия и культура*. 2011. № 4.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА

Самобитность и уникальность различных социальных групп и каждого члена общества предопределяют диалектичность общественных отношений, их высокий конфликтный потенциал. «Сторонники теории конфликта объясняют всю социальную жизнь как закономерно конфликтную. Конфликт здесь рассматривается как нормальное и даже необходимое социальное явление в обществе» [1, с. 157]. Диалектичность общественных отношений предполагает повседневный поиск оптимальных решений, способствующих консолидации и интеграции общества. Немаловажную роль здесь играет понимание комплексного характера проблемы разрешения конфликта.

В конфликтологии теоретически обоснован и технологически разработан комплекс мер по разрешению конфликтов. Изучены различные возможности и способы оптимизации процесса конфликто-разрешения. Значительная роль в нем отводится коммуникативной культуре.

Коммуникативную культуру определяют, как «совокупность знаний законов межличностного общения, умений и навыков пользования его средствами в различных жизненных и производственных ситуациях и личностных коммуникативных качеств. Коммуникативная культура — это часть базовой культуры личности, обеспечиваю-

щая ее готовность к жизненному самоопределению, установлению гармоничных отношений с окружающей действительностью и внутри себя. Она есть средство создания внутреннего мира личности, богатства ее содержания, средство решения возникающих проблем» [2]. По сути, коммуникативную культуру составляют основные элементы базовой культуры и коммуникативная компетентность.

Коммуникативная компетентность есть комплекс ресурсов, необходимых для достижения эффективной коммуникации в межличностном взаимодействии. Эти ресурсы представляют собой коммуникативные возможности и варианты тактик общения при реализации различных коммуникативных стратегий. Коммуникативные возможности представляют собой набор вербальных и невербальных средств коммуникации. Это прежде всего знание возможных стилей общения, понимание и интерпретация языка жестов, социокультурные особенности общения, умение согласовывать и соблюдать правила общения и т. д. [3].

Обладая комплексом ресурсов, позволяющим организовать эффективную коммуникацию, стороны конфликта способны обеспечить конструктивный диалог, направленный на выработку оптимального разрешения противоречий. При этом само коммуникативное взаимодействие будет организовано таким образом, чтобы избежать возникновения других противоречий, связанных часто с социокультурными различиями.

При привлечении посредника для разрешения конфликта основную нагрузку по обеспечению эффективной коммуникации несет медиатор. Медиация — это особый тип переговоров по урегулированию конфликта с участием нейтрального посредника — медиатора. В задачи медиатора входит управление процессом переговоров без вмешательства в его содержание. Стороны сами находят варианты и принимают решение, а медиатор обеспечивает добровольность и равноправие их участия в переговорах, учет интересов каждой из сторон и реалистичность соглашения.

Специфика медиации заключается в широком целенаправленном использовании посредником коммуникативных техник и технологий для повышения взаимопонимания сторон конфликта и создания возможности для принятия ими взаимовыгодных соглашений [4].

Значительную роль при подготовке и проведении медиативных переговоров занимает организация коммуникативного пространства. Это гарантирует медиатору саму возможность общения между конфликтующими сторонами и последующего, ответственного прояснения и удовлетворения их основных интересов. Коммуникатив-

ное пространство — это фактор, возникающий в ситуации коммуникативного намерения. Методологически его определяют как информационную среду, которая обеспечивает возможность коммуникации и включает в себя социальные, личностные, информационные предпосылки и прецеденты.

Коммуникативное пространство включает в себя «коммуникативную ситуацию со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника коммуникации» [3].

Образ коммуникативного пространства возникает в представлении коммуникантов из множества взаимодействующих друг с другом воспоминаний. Они пробуждаются в его сознании той ситуацией языковой деятельности, в которой они оказались. Эта деятельность опирается, прежде всего, на языковой опыт коммуникантов.

Все возможные впечатления, ощущения, оценки проистекают из того, что в коммуникативном опыте отложилось соответствующее совокупное представление. Это представление предлагает участникам коммуникации возможные варианты развития дальнейшего общения, проецирует возможные варианты развития коммуникации, содержания разговора, тона, в котором будет проходить общение и т. д.

Представления такого рода оказывают формирующее влияние на весь строй коммуникативного поведения по отношению к данной ситуации, данному партнеру. Они определяют то, каким образом коммуниканты будут интерпретировать сообщения, помещаемые в данное коммуникативное пространство. Они предопределяют, как участники коммуникации будут строить свое коммуникативное поведение, исходя из своих представлений о коммуникативном пространстве, в котором в данный момент находятся.

Медиатор способен повлиять на организацию коммуникативного пространства, чтобы переговоры прошли успешно. В силу того, что это пространство опирается на множество прецедентов, отложившихся в языковом опыте коммуникантов, при подготовке переговоров медиатору следует изучить коммуникативный опыт конфликтующих сторон. Это дает возможность организовать общение «на равных» и эффективно управлять переговорами [5].

Таким образом, при организации эффективной коммуникации в ситуации разрешения конфликта важную роль играет понимание коммуникативных возможностей, коммуникативной компетентности партнера, его социокультурных и личных предпочтений, интересов и намерений, характера своих личных и языковых взаимоотношений с ним.

Библиографический список

1. Нагайцев В. В. Основные элементы социального конфликта // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
2. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург-2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://mognovse.ru/vnr-v-s-bezrukova.html>
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
4. Сатикова С. В. Медиация как форма управляемой коммуникации // Четвертые Ковалевские чтения : материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2009 г.) / под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2009.
5. Пустовалова Е. В. Коммуникативный аспект медиативных переговоров // Правовая система общества: преемственность и модернизация : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул, 4–5 октября 2012 г.). Барнаул, 2013.

Е. А. Старосвет (Барнаул)

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В РЕГИОНЕ (на примере Алтайского края)

Научный руководитель — А. М. Сергиенко

В настоящее время в развитых странах политика социальной ответственности является неотъемлемой частью в сфере бизнеса. Ведущие зарубежные и отечественные компании утверждают, что «социально ответственный бизнес берет на себя обязательства вести деятельность в соответствии с этическими нормами и вносить вклад в экономическое развитие за счет улучшения качества жизни как собственных сотрудников и их семей, так и всего местного населения, и общества в целом» [1]. В Алтайском крае с 2009 г. уделяется особое внимание развитию института социально ответственных работодателей. В его основе — механизмы социального партнерства, государственно-частного партнерства и межведомственного взаимодействия органов власти. К примеру, один из участников Второй межрегиональной конференции «Бизнес: социальное изменение (современные аспекты корпоративной социальной ответственности)» на-

чальник управления Алтайского края по труду и занятости населения И. А. Бушмин говорит о том, что «социальная ответственность должна мериться не деньгами, а совестью и профессионализмом». Социальная ответственность бизнеса — это ответственность тех, кто принимает решения перед теми, на кого эти решения влияют» [2]. А. С. Кононенко в своей работе пришла к выводу, что «государство будет отдавать бизнесу все больше социальных функций. А бизнес будет брать на себя больше социальных обязательств» [3].

В целях повышения социальной ответственности в сфере бизнеса в Алтайском крае проводится конкурс «Лучший социально ответственный работодатель года». Согласно указу губернатора Алтайского края от 12.03.15 № 22 «О повышении социальной ответственности работодателей Алтайского края» социально ответственный работодатель понимается как «работодатель (за исключением социально ориентированных некоммерческих организаций), деятельность которого на региональном рынке труда направлена на поддержание и повышение уровня эффективной занятости населения, а также в полном объеме соответствует утвержденным критериям отнесения работодателей Алтайского края к категории «социально ответственный работодатель» [4]. Данный конкурс направлен на привлечение внимания общественности и работодателей к социальным вопросам. В нем могут принимать участие работодатели независимо от наличия у них статуса «Социально ответственный работодатель Алтайского края». Данный статус будет присвоен в ходе рассмотрения заявок на участие в конкурсе при условии соответствия деятельности работодателей установленным в крае критериям социальной ответственности. Конкурс проводится ежегодно в два этапа на муниципальном и региональном уровнях по номинациям. В нем могут принимать участие юридические лица независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, отраслевой принадлежности и видов экономической деятельности, их филиалы, а также индивидуальные предприниматели без образования юридического лица, находящиеся в трудовых отношениях с работниками. Участие в конкурсе является бесплатным на основе самовыдвижения. Существуют несколько требований, предъявляемых к работодателям, желающим принять участие в конкурсе:

- 1) работодатель осуществляет свою деятельность не менее трех лет;
- 2) работодатель не находится на стадии ликвидации;
- 3) работодатель соответствует критериям отнесения к категории «социально ответственный работодатель» [5].

Критерии установлены нормативно-правовым актом администрации Алтайского края. Существует пять основных критериев: трудовое законодательство, социальное партнерство, заработная плата, охрана труда и поддержание здорового образа жизни работников, законодательство о налогах и сборах, пенсионном обеспечении, обязательном социальном страховании [6].

Заявка на участие в конкурсе на муниципальном уровне подается работодателем в орган местного самоуправления муниципально-го района, городского округа по месту регистрации работодателя. При себе необходимо иметь перечень документов. Победителями и призерами конкурса по отдельной номинации признаются претенденты на призовые места, набравшие наибольшее количество баллов. Они смогут представить Алтайский край на федеральном уровне [5].

В Алтайском крае конкурс «Лучший социально ответственный работодатель года» проводится с 2010 г., когда было подано 145 заявок от 70 работодателей из 27 муниципальных образований края и определены победители по 7 номинациям. В 2011 г. подано 73 заявки от 36 работодателей из 13 муниципальных образований края и определены победители по 11 номинациям. В 2012 г. произошел спад, и заявки подали только 31 организация края. За 2013–2014 гг. количество заявок увеличилось до 80 [7]. Среди победителей конкурса в каждом году лидирующее место занимают работодатели из сферы промышленности. Преобладают также представители из сферы здравоохранения, образования и лесного хозяйства. Работодатели из сферы жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, социального обеспечения, сельского хозяйства занимали призовые места, но в целом их активность не высока. Например, М. М. Анисимова много работ посветила проблемам сельского бизнеса. Одной из главных является — бедность, что отражается и на социальной ответственности работодателей [8].

Среди всех организаций, которые принимали участие в конкурсе, есть такие, которые из года в год занимали призовые места. К примеру, ОАО «Кучуксульфат» (Благовещенский район), ОАО «Авиационное предприятие «Алтай» (Барнаул), ОАО «Индустриальный» (Барнаул), ООО «Алтайский трикотаж» (Барнаул).

В связи с повышением социальной ответственности в сфере бизнеса на территории Алтайского края был создан реестр социально ответственных и социально ориентированных работодателей. На сегодняшний день туда входит 374 организации Алтайского края. В 2009 году таких работодателей было всего 9. Можно сказать, что статус социально ответственного работодателя улучшается с каждым годом [7].

Таким образом, в Алтайском крае происходит повышение роли института социально ответственных работодателей. Именно со стороны государства наблюдается стимулирование в данной проблеме. Это позволит достичь успешного социально-экономического развития региона

Библиографический список

1. Исследование Консалтинговой группы Управления PR, проводимое в период февраль-март 2004 г. «Социальная ответственность бизнеса — опыт России и Запада» [Электронный ресурс]. URL: www.polit.ru. (дата обращения: 16.11.15).

2. Бушмин И. А. Формирование института социальной ответственности бизнеса в регионе: проблемы и перспективы развития (Барнаул) // Бизнес: социальное измерение (современные аспекты корпоративной социальной ответственности). № 2. Барнаул, 2012.

3. Кононенко А. С. Роль агропромышленного бизнеса в социальном развитии городов и сельских поселений (на примере предприятий Алтайского края) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

4. Соглашение о повышении социальной ответственности работодателей — путь эффективной занятости населения от 31.07.15 [Электронный ресурс]. Барнаул, 2015. URL: <http://www.altairegion22.ru> (дата обращения: 16.11.15).

5. О проведении ежегодного краевого конкурса «Лучший социально ориентированный работодатель года» : указ губернатора Алтайского края от 30.04.14 № 52 [Электронный ресурс]. Барнаул, 2015. URL: <http://www.altairegion22.ru> (дата обращения: 16.11.15).

6. О повышении социальной ответственности работодателей Алтайского края: указ губернатора Алтайского края от 12.03.15 № 22 [Электронный ресурс]. Барнаул, 2015. URL: <http://www.altairegion22.ru> (дата обращения: 16.11.15).

7. Информационный портал Алтайского края по труду и занятости населения [Электронный ресурс]. Барнаул, 2015. URL: <http://trud22.ru/> (дата обращения: 16.11.15).

8. Анисимова М. М. Роль сельского бизнеса в социальном развитии городских и сельских поселений (на примере предприятий Алтайского края) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Е. В. Филиппова (Барнаул)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЦЕННОСТИ ТРУДА

Научный руководитель — Е. А. Попов

При понимании социального благополучия экономические детерминанты не должны иметь решающего значения, хотя полностью исключить их из анализа процессов и явлений, влияющих на достижение благополучия, вряд ли представляется возможным. Если иметь в виду, что антропосоциетальный базис включает в себя три важнейших характеристики: 1) интенции человека, его ценностно-смысловые установки; 2) «эффект культурной преемственности»; 3) возможности общества и государства в решении проблем, связанных с всесторонним развитием человека, — то становятся более очевидными уровни оценок социального благополучия.

Интенции человека, его ценностно-смысловые установки. В аспекте герменевтического подхода интерпретация побуждений человека к тем или иным действиям, достижению тех или иных благ — явление сложное, раскрывающее множество противоречий. Как полагает Н. Н. Удальцов, «если спросить человека, что ему необходимо для жизни сейчас, в эту минуту, а что ему понадобится завтра или послезавтра, не следует ждать от него высказываний в пользу надуманных или нереальных ценностей. Как нам известно, никто еще не отменял первичных потребностей в пище, крове, а вторичные потребности потому так и называются, что не всегда человек связывает свое повседневное бытие напрямую с ними» [1, с. 99].

Когда задаешь человеку вопрос: что такое культура? — не ждешь рассуждений о высоких ценностях или духовности. Чаще всего звучит стереотипный ответ: это все, что сделано или сотворено человеком. Фактор сделанности, атрибутивности становится здесь ключевым. Любая ценность обретает для человека свой смысл, если она имеет свою протяженность или линейность. Для человека-потребителя это становится первой приметой необходимого для его жизнедеятельности предмета, явления или процесса. Социальное благополучие, если исходить из такого понимания, достижимо только через системное потребление реалий предметного или материального мира — вещей, продуктов питания, одежды и т. д. В рамках экономической социологии устанавливается доминирующий критерий — малообеспеченность. Он в наибольшей степени очевиден. Иные полярные уровни обеспеченности субъективны — по-видимому, понятие

высокой обеспеченности благами определить крайне сложно, и оно соотносимо скорее всего с рефлексией самого человека. По мысли Н. Е. Тихоновой, автора статьи «Малообеспеченность в современной России. Причины и перспективы», «что же касается благополучных с точки зрения их уровня жизни слоев населения, то они имеют принципиально иную профессиональную структуру — большинство в них составляют лица нефизического труда...» [2, с. 7–8]. Как оценивать этот факт?

Если брать во внимание ценностные установки людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью, то можно предполагать возможную включенность в характеристики, необходимые для достижения достаточного уровня их социального благополучия, таких, например, показателей, как состояние в регионе законности и правопорядка, доступность для него самого и его детей высшего и среднего профессионального образования, наличие кинотеатров, открытие профильных классов социально-гуманитарной направленности в общеобразовательных школах и др. Об том, в частности, рассуждает Е. А. Попов [3, с. 13–15; 4, с. 142–144]. Для лиц, традиционно занятых в тяжелом производстве или занимающихся физическим трудом, эти показатели могут не иметь решающего значения, в то время как уровень финансового обеспечения, напротив, всегда будет приоритетным, а иногда и единственным. Некоторые исследователи, тем не менее, настаивают на том, что «на специфике структурных позиций, занимаемых малообеспеченными в системе производственных и в целом рыночных отношений, сказываются... не только особенности человеческого, но и культурного капитала. Его важнейшей характеристикой выступает среда первичной социализации» [2, с. 12]. Действительно, именно в процессе социализации закладывается базовый культурный капитал для развития человека и формирования его значимых ценностно-смысловых установок, однако социальное благополучие в системе притязаний человека на всем протяжении его жизни не оформляется как непереносимое или необходимое условие его бытия.

Безусловно, провести четкую границу в понимании социального благополучия и обеспеченности жизни людей довольно сложно и вряд ли представляется необходимым. Тем не менее, «проблема бедности и малообеспеченности, всегда актуальная в России, приобрела особую значимость в условиях текущего экономического кризиса, способного быстро элиминировать все полученные за период экономического роста достижения страны в сфере повышения благосостояния населения» [5, с. 36]. В этом случае обеспеченность, благосо-

стояние и благополучие становятся категориями, близкими в смысловом плане. Вместе с тем, как нам кажется, существует и их дифференциация: *обеспеченность* обозначает определенный уровень человеческого существования, необходимый для его повседневной жизнедеятельности, *благостояние* свидетельствует о положении человека в системе социальных связей, оказывающих влияние на его самооценку и формирующих действенные способы ее повышения за счет прежде всего социально-демографических факторов (к ним традиционно относят состояние здоровья, возраст, семейное положение, состав домохозяйства, иждивенческую нагрузку, место проживания, среду первичной социализации [5]), *благополучие* представляет собой результат достижения определенного состояния гармоничного взаимодействия человека, общества и культуры. Созвучна понятию социального благополучия и категория социального самочувствия как «определенное состояние переживания по поводу комфортности или дискомфорта своего бытия в социуме» [6, с. 46]. Так или иначе, связь этих категориальных систем невозможна без ценностно-смысловой основы и теряет свое значение без учета антропосоциального базиса социальных отношений, оказывающих воздействие на человека и общество.

Если брать во внимание базовые ценности населения как признак или механизм достижения социального благополучия, то, согласно точке зрения академика Н. И. Лапина, они сегментируются в функциональные кластеры, что позволяет увидеть антропосоциальные доминанты в достижении человеком социального благополучия. По мнению ученого, «прежде всего обнаружили две различные вершины (высшие позиции) этих иерархий: одна из них — ценность *жизни* человека как антропологического существа, а другая — ценность *общительности* человека, т. е. его способности к общению, взаимодействию с другими людьми, которая составляет важнейшую предпосылку, условие возникновения и развития культуры и социальности...» [7, с. 35]. Можно ли в связи с этим вести речь о том, что достижение социального благополучия будет преимущественно равняться именно на базовые ценности, которые в наибольшей степени отражают включенность человека в пространство культуры и социальных отношений? Очевидно, что социальное благополучие есть результат гармонизации культуры и социальности, постижения человеком и обществом философии мира и государства. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что возможная диверсификация базовых ценностей находится в зависимости от различных объективных обстоятельств — исторического времени, приоритетов философии государ-

ства, технического прогресса, уровней и мер развития человека (его образованности, политизированности, религиозности, культурности, гражданственности, социальности и др.). Очевидно, что это закономерно приводит к колебаниям реальности, для которой наиболее существенной и генеральной оценкой является именно социальное благополучие как показатель устойчивого, стабильного взаимодействия человека, общества и культуры.

Библиографический список

1. Удальцов Н. Н. Потребности человека и его ценностные ориентации // Ценностный мир семьи и семьянина в России. М., 2008.
2. Тихонова Н. Е. Малообеспеченность в современной России. Причины и перспективы // Социологические исследования. 2010. № 1.
3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
5. Лежнина Ю. П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 2010. № 3.
6. Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3.
7. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1.

К. С. Червякова (Барнаул)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ ОПАСНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Научный руководитель — Е. А. Попов

Во все эпохи проблема обеспечения безопасности укоренена в сложных отношениях экономического, идеологического порядка, народного самосознания, принципах морали, законах логики. И прежде всего ей уделяется повышенное внимание на всех уровнях госу-

дарственного управления. Правильность такого положения вещей не вызывает сомнений и как будто не дает повода для споров. Но государство не в силах противостоять вездесущей опасности, распространенной в каждой клетке окружающей человека действительности, в каждой мысли, в каждом слове. Люди стремятся в космос вслед за мифическим Прометеем, не осознавая в полной мере таящуюся там угрозу. Однако источники опасности находятся не только в космическом пространстве, если иметь в виду, что оно по-прежнему недоступно для человека. Как показывает опыт последних событий в мире, не менее опасными могут быть скоростные магистрали, метрополитен, безлюдная улица в небольшом городке и демографическая ситуация в стране. Все то в физическом мире, чему человек в наибольшей степени доверяет и всегда оказывал доверие со времен первобытной эпохи, становится артефактом опасности. Это привлекает внимание и тиражирует шаблоны поведения и стереотипные образы мышления. Но дело в том, что постепенно внимание человека, подчиняясь известным психологическим закономерностям, начинает притупляться и отказывается воспринимать угрозу, возникающую каждое мгновение в любом месте, в любое время, в отношении каждого жителя планеты.

Значит, опасность не знает границ, приобретая вселенский масштаб. Она не может вдохновлять, поэтизировать, раскрепощать; она вызывает страх, иногда граничащий с безумием. Экзистенция опасности состоит в ее замкнутости, провоцируя философское негодование по поводу безысходности и беззащитности человека перед угрозой жизни, мысли, духу, божественному чаянию. Но не только в этом появляется мировоззренческая позиция, дающая оценки реальным событиям и эпохам в целом. Человек совершает ошибки, укрываясь от грозящей опасности техническими средствами, может быть, безразличием или хладнокровием, а возможно, романтизацией среды. Мы можем считать, что только сумевшие выжить в катакомбах, вдали от цивилизации, в болезни, в ситуации жестокого нравственного выбора и подобного способны давать близкие к объективным оценки происходящему. В этом обнаруживается интериоризация многозначных смыслов опасности.

Самый первый смысл содержится в архетипах, связующих далекие эпохи с современностью. Отголоски древнейших форм религии (магии, тотемизма, шаманизма) в нашем времени свидетельствуют о непрекращающейся многовековой борьбе человека со злом, воплощенным в самых ужасных, часто хтонических образах. Но эти формы давно перешагнули границы духовной культуры, перестав

быть ментальными феноменами. Современные технологии материального мира добавили магии силу виртуализации, возможности фотографии, интернет-коммуникации и др. Изменились и «параметры» порождаемого в человеке страха, от которого во все времена избавляли магические заклинания. Прежде всего человек освободился от ощущений первородной греховности, передаваемой генетически из поколения в поколение. Из животного страх постепенно превратился в дидактический, став элементом воспитания и обучения. Символами опасности в свое время становились инквизиция, розги, а равно невыученный катехизис и чтение запрещенных стихотворений.

Теперь страх снова стал другим. Техногенным, политическим, но главное — коммерческим. Разумеется, это свойство кроется не только и не столько в получении экономических дивидендов. Речь идет о возможностях манипулировать сознанием, что является принципиальной особенностью массовой культуры как апологии цивилизации. Э. Тейлор отмечал важность культурных пережитков для «коллективного разума», которому выгодно держать человека в постоянном напряжении, чтобы решать определенные задачи сохранения успеха в быту, труде, семейных отношениях и т. д. [1]. Если учитывать незащищенность человека перед окружающим миром, то становится понятной сила выгоды, коммерческой цели, преследуемой «навязанным» страхом. Здесь отчетливо заявляет о себе постмодернистский контекст проблемы: человек теряет свое индивидуальное лицо перед лицом опасности — и умирает герменевтически, превращаясь в знаковый комплекс механической системы, порабащившей сознание.

Опасность имеет, безусловно, и виталистский смысл. Обнаруживается он прежде всего в извечной оппозиции Жизнь — Смерть. Эта граница чаще всего является очень зыбкой и создающей иллюзию неотвратимости данного судьбой. Однако опасность всегда толкает человека к борьбе за жизнь [2]. Парадокс заключается в том, что приближение опасности чрезмерно обостряет чувства человека, его рефлексы, актуализирующие борьбу за сохранение жизни на уровне не только физиологических рефлексов, но и культуры. Множественные правила культурной жизни диктуют отношение человека к окружающей действительности и зачастую толкают его на безрассудные поступки. В. В. Налимов, цитируя немецкого мыслителя Мартина Хайдеггера о потребности мира в харизматических личностях, настаивает на необходимости приобретения нового «ментального потенциала», который должен воплотиться в этих *новых* людях [3, с. 73]. Интересно, испытывают ли такие люди чувство страха перед скоро-

течно меняющейся социальной реальностью, знакомо ли им представление о быстротечности бытия? Думается, что таящиеся вокруг них угрозы заставляют этих людей не сопротивляться неизбежному, а всегда находить возможности для защиты слабых, преодоления отчуждения человека и мира. Эти аспекты в своих работах рассматривает, например, Е. А. Попов [4, с. 12–14].

В современном социогуманитарном знании по вполне понятным причинам ощутимы акценты на феномене национальной безопасности, поскольку именно она прежде всего отвечает интересам государства, обеспечивая функционирование всех без исключения институтов государственного управления [5, с. 22]. Вместе с тем, как полагает А. А. Панищев, «любое государство, процесс его создания, укрепления, сохранения есть результат духовной жизни нации, продолжение его внутренней жизни» [6, с. 54]. В этой связи, по-видимому, можно с уверенностью утверждать, что национальная безопасность обеспечивается императивами безопасности *духовной* и *социальной*. При этом под духовной безопасностью, в частности, понимается «один из видов национальной безопасности, представляющей собой систему обеспечения национальной безопасности духовной сферы современного российского общества, которая включает в себя обеспечение культурной, идеологической, информационно-психологической, научной и религиозной безопасности как ее подвидов и характеризуется соблюдением интересов личности, общества, государства, состоянием защищенности от внутренних и внешних угроз традиционных духовных (интеллектуальных, нравственных, эстетических) ценностей (главным образом индивидуального, группового и массового сознания)» [7, с. 117].

Библиографический список

1. Тейлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
2. Стерляева Н. А. Некоторые аспекты сельско-городских миграций в Алтайском крае // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сборник материалов Международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул, 2015.
3. Налимов В. В. Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке // Вопросы философии. 1996. № 11.
4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

5. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 /под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.

6. Панищев А. А. Проблема деструкции государственности. Прайдовое право животного мира и закон человеческого общества // Вопросы культурологии. 2010. № 1.

7. Тонконогов А. В. Мировоззренческие императивы обеспечения духовной безопасности современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2.

*М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, Д. К. Щеглова,
С. А. Сарыглар (Барнаул)*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ*

Актуальность научного дискурса проблем этнической идентичности в современном российском обществе обусловлена несколькими причинами. Наиболее существенная из них связана с выявлением потенциала этнического единства в кризисном и постоянно трансформирующемся современном обществе. Другой важной проблемой является анализ соотношения гражданской и этнической идентичности, так как оно будет определять вектор будущего развития общества. Все это обуславливает необходимость исследования этнических установок населения разных возрастных и статусных групп, определяющих вектор межэтнического общения, его потенциал [1–4]. В конечном итоге, это позволит выявить социальный ресурс межэтнической интеграции, что особенно важно в условиях ухудшающейся внутренней экономической и внешнеполитической обстановки. Представим результаты социологического исследования по теме «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации», проведенного под руководством С. Г. Максимовой в Алтайском крае.

* Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» Код проекта: 1475. «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

В процессе последней переписи населения на основе свободного самоопределения в Алтайском крае было выделено около 200 различных вариантов ответов о национальности респондентов, при этом 2% населения не указали национальную принадлежность или отказались от ответа. На момент переписи населения 2234,32 тыс. чел. назвали себя русскими. Это самая многочисленная национальность Алтайского края. Вторыми по численности стали немцы — 50,70 тыс. чел. Третья позиция у украинцев — 32,23 тыс. чел. Как и в предыдущую перепись, в крае насчитывалось 17 наиболее многочисленных национальностей (более одной тысячи человек). Увеличилась численность постоянно проживающих в крае лиц, отнесших себя к узбекам: с 1,96 до 2,76 тыс. чел. Также увеличилось число таджиков — с 1,62 тыс. до 2,09 тыс. чел. Представителей других национальностей: казахов, армян, татар, азербайджанцев, белорусов, цыган, мордвы, чувашей, алтайцев, кумандинцев, корейцев, молдаван — стало меньше. Но они по-прежнему относятся к самым многочисленным национальностям, населяющим регион [1].

В представленном исследовании выявлена определенная степень интенсивности этнической самоидентифицируемости. В Алтайском крае менее половины населения (40%) испытывают чувство сопричастности к своему этносу. Рассмотрим выраженность совокупности эмоциональных компонентов этнической идентичности регионального сообщества. Высокая интенсивность позитивных эмоций в отношении к своему этносу: «гордость за свою этническую принадлежность», «счастье считать себя его частью», преобладает в Алтайском крае у каждого третьего жителя, именно столько жителей констатируют позитивные установки в отношении принадлежности к своему этносу в максимальной выраженности («абсолютно согласны») [2]. Негативные эмоции: «стыд» в отношении принадлежности к этносу реализуются только у каждого 12-го респондента.

Полученные результаты могут отражать дестабилизирующие процессы этногенеза в Алтайском крае, свидетельствуют о необходимости трансляции этнонациональных традиций и культуры, привития любви к своему коренному народу. С другой стороны, данные результаты могут свидетельствовать о процессе ассимиляции, глобализации, преобладающем формировании других видов социальной идентичности населения [3]. Когнитивный компонент этнической идентичности заключается в высокой степени готовности разделять идеи и убеждения своей этнической группы. Согласно результатам опроса, данный компонент преобладает у большинства населения (73%). Примечательным фактом является тенденция к преобладанию когнитив-

ного компонента этнической принадлежности над эмоциональным, что необходимо учитывать при проведении оптимизации этнокультурной политики в регионе. Вопрос о структуре этнической идентичности имеет не только теоретическую значимость, но также важен в прикладном значении, так как прогнозирует направление формирования, актуализации тех или иных компонентов этнической интеграции населения. Алтайский край имеет определенную иерархию актуальных компонентов этнического самоотождествления.

Приведем структуру наиболее актуальных для территории компонентов этнической идентичности. Анализ данных позволяет сделать вывод, что язык, на котором говорит и думает этническая группа (нация), является самым весомым интегрирующим фактором этнической солидарности (78%).

Вторым по значимости компонентом этнического единства является фактор социально-исторической направленности, наличие предков, представителей своего этноса (64%). Более половины населения региона считают данный фактор одним из решающих в контексте сопричастности к своей нации, этносу. Национальная культура, осознание себя ее важной частью является значимым фактором этнической интеграции в Алтайском крае. В среднем каждый второй житель (53%) считает значимым фактором межнационального согласия в регионе свою культурную принадлежность, проявляющуюся в проведении национальных праздников, воспитании у молодого поколения приверженности к национальным традициям своего народа и т. п. [4].

Территориальный фактор, а именно проживание на родине этнической группы, является одним из мощных интегрирующих, эффективных, исторически сложившихся компонентов этногенеза народов и наций. Каждый третий гражданин считает данный факт одним из самых значимых в оценке своей сопричастности к своему этническому прошлому и настоящему. В данном контексте одним из вариантов этнической или субэтнической идентичности необходимо считать региональную идентичность, или фактор «малой родины». Для современных россиян региональная и локальная идентичность служит важным стабилизирующим фактором культурно-исторической общности. Изменения в организации пространства (страны или региона) имеют следствием изменение коллективных представлений о нем, что ведет к нарушению идентичности, созданию новых ее вариантов или даже к ее «потере». Отмеченное исследователями формирование в современной России региональных мифов отражает процесс актуализации региональной самоидентификации гра-

ждан в условиях кризиса российской идентичности [2]. Такой базовый биосоциальный фактор этнической идентичности, как «схожие черты внешнего облика», достаточно ярко выражен у населения Алтайского края. Каждый четвертый житель считает этот фактор достаточно весомым и значимым, подчеркивающим этническую принадлежность, что обусловлено значительным преобладанием численности проживающего в регионе русского населения. Национальный менталитет, схожие черты национального характера, запечатленные в национальных исторических эпосах, явились важным интегрирующим признаком. Каждый пятый житель региона, где проживает подавляющее большинство русского населения, придает им особую значимость. Конфессиональный признак, т. е. исповедуемая религия, в исследуемой территории незначителен. Кроме того, в рейтинге значимости факторов этнической принадлежности он не занимает ведущих позиций и является наименее выраженным (13%). Признание факта общей государственности также является наименее выраженным компонентом этнической идентичности в регионе (18%).

Подводя итоги предыдущего анализа, необходимо констатировать, что рейтинг значимости базовых компонентов этнической идентичности может отличать специфику региона, в Алтайском крае к наиболее важным компонентам относятся национальный язык, общая, исторически сложившаяся территория проживания того или иного этноса, общее историческое прошлое, проживание предков на данной территории, национальная культура и осознание себя ее частью. Указанные базовые компоненты в наибольшей степени активизируют процессы осознания населением своей этнической общности. Результаты исследования подтверждают значимость эволюционно-исторического подхода: этнос объединяет общий язык, история, культура, совокупность отличий от других групп. Таким образом, этнос — это объективная надситуативная данность, имеющая как биологическую, так и социальную природу [1].

Библиографический список

1. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.
2. Черепанова М. И., Неваева Д. А., Щеглова Д. К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7. Барнаул, 2015.

3. Черепанова М. И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сборник материалов Международной научной конференции. Барнаул, 2015.

4. Черепанова М. И., Сарыглар С. А. Социальный потенциал межнациональной напряженности населения Алтайского края // Ломоносовские чтения на Алтае-2015 : материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2015.

А. Д. Шилина (Барнаул)

ПОНЯТИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Научный руководитель — Е. А. Попов

В науках социогуманитарного уровня сложилось устойчивое понимание культуры. «Как социальная действительность культура не только законосообразна, но и уникальна», «последнее связано, в частности, с тем, что культура — это форма социальной жизни» [1, с. 143]. Согласно данному тезису выстраивается единая парадигмальная линия в социологическом исследовании культуры, отдающая предпочтение в методологическом смысле процессуальным характеристикам культурного развития, традиционно включенным в описание социокультурной динамики. Таким образом, культура предстает в сопряжении социальных фактов, социальных субъектов, в продолжение социализации, в сохранении социальных норм и архетипов и т. д. По мысли Н. И. Лапина, «на стороне культуры формируется функция идентификации индивида с соответствующими ценностями, нормами, которые индивид усваивает в процессе социализации...» [2, с. 25].

Сегодня практически отсутствуют исследования, затрагивающие ситуацию культурных изменений в условиях муниципального развития. Традиционно считается, что культура в чрезмерно замкнутом пространстве, например на территории одного муниципального образования, не может обладать теми системными характеристиками, которые придают ей цивилизационный и социально-исторический смыслы. Действительно, в социокультурном отношении данная проблематика «принижает» культурный уровень общественного развития, однако исследование культурных особенностей в муниципальной плоскости является важным во многих аспектах — и этнонацио-

нальном прежде всего. На этот факт обращают внимание некоторые исследователи, например Е. А. Попов [3, с. 14–16; 4, с. 25–27].

«Муниципальная» культура объясняет многие закономерности культурного развития. Это обстоятельство позволяет преодолеть извечный принцип универсализующих констант, которые учитываются в описании многообразных культурных явлений. В этой ситуации все чаще апеллируют к социализации — процессу, который особенно проявляется на уровне современного муниципального развития. Однако этот путь не всегда верен — культура и социализация являются полюсами различных аспектов жизнедеятельности человека и совпадают лишь в критериях непредвзятого взгляда на окружающий мир. Культура лишена эмпиризма, она не сводима к функциональному целому; общество бесконечно *социологично*, оно требует строжайшей формы. Справедливо лишь то, что функция идентификации не разделяет культуру и социум, а сохраняет их процессуальное единство — в социокультурной динамике. Именно социокультурная динамика отражает те многочисленные и самобытные явления, которые происходят в муниципальном мире.

Социализация как «приобщение», как наиболее прочная связь человека и социума реально противопоставлена социальной деструктивности, возникающей как отклик на безвременье, кризисное состояние. Получается, что социализация личности — это крайне важный *положительный* этап в концептуализации самосознания человека и одновременно показатель всех отклонений от нормы — социальной патологии. Верно и то, что «темной» стороне развития личности близка именно культура, провоцирующая усиление регистров танатального, постмодернистского и др. Социализация доминирует в гармонизации отношений конкретного человека и социального мира, в котором он пребывает, и в этом контексте социализация — это *образ* гармонии, допускающий смысловые аберрации и аллюзии. Так, социализация ребенка берет отсчет при его рождении — закономерно, что маленький человек появляется в семье или по крайней мере в окружении себе подобных. Но в этом случае не задействованным оказывается культурный ресурс — ребенок чувствует материнское тепло, его физическое выражение, но реально не способен различить абсолюты бытия, являющиеся фундаментом *теплой* духовной культуры.

В этом ракурсе социализации культура проходит лишь пунктиром, являясь мерой родительской воли и волюнтаризма. Между тем социальная гармония уже и так достижима стереотипной ситуацией «мать — дитя». И этот социальный образ, как известно, способен меняться очень быстро. Практически невозможно представить себе ту

ситуацию, где бы социальный порядок был полностью подчинен культурному влиянию. Обратная зависимость также не имеет достаточных оснований. Вместе с тем в условиях муниципального развития человек вовлечен в те культурные процессы, которые в наибольшей степени близки социализирующим характеристикам — это и досуговые мероприятия, и относительная доступность власти, и развитие дошкольной системы образования и т. д.

Исследование «муниципальной» культуры невозможно вне понятийной системы *культурного* и *социокультурного*, границы которых в научном смысле зыбки и не могут быть определены исключительно эмпирическими методиками. Изучению культуры в широком смысле чаще всего сопутствует усилившийся в последнее время крен в сторону операционализации мира, его многоликих составляющих. При этом попытки выяснить процентные соотношения и показатели ресурсов окружающей реальности все чаще игнорируют онтологические характеристики действительности. По мысли М. Н. Руткевича, проблемы социального порядка (воспроизводство численности населения) способны в контексте частных социологических теорий и тесно связанных с ними эмпирических социологических исследований предоставлять «макросоциологии» «необходимый материал для принципиальных суждений о развитии мира в прошлом и настоящем» [5, с. 22]. Это положение стало своеобразным символом современного социогуманитарного знания, идущего по пути манифестации опытного начала.

Вместе с тем заметные подвижки происходят и в самой *теории общества* — «современное общество представляет собой социобиотехнический организм, систему» [6, с. 84]. Подобные интерпретации акцентируют внимание на современности, создавая часто картину особого положения общества рационального, развивающегося преимущественно в масштабе экономических приоритетов. Очевидно, что характеристики духовного общества категорически не подходят для современности: по законам социального развития они как будто утрачивают свой первоначальный смысл, уступая место особенностям, более отвечающим времени. Действительно, современное общество не просто социологично, оно в высокой степени технологично. Разумеется, это предопределяет специальные процедурные этапы в исследовании общественных отношений и связей. Все же *технологичное* общество обладает выраженным стремлением к преодолению культурного традиционализма и, значит, движется в направлении десемантизации известных архетипов — это есть главная технология современного общества.

Библиографический список

1. Розин В. М. Современная культурология: проблемы формирования и методологический идеал // *Личность. Культура. Общество*. Вып. 1. М., 2005.

2. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // *Вопросы философии*. 2005. № 2.

3. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество* : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

4. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.

5. Руткевич М. Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // *Социологические исследования*. 2005. № 7.

6. Яницкий О. Н. Россия как экосистема // *Социологические исследования*. 2005. № 7.

Е. А. Шиндяйкина (Барнаул)

РОЛЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

Научный руководитель — Е. А. Попов

Органы власти ставят своей задачей, помимо прочего, поддержание достаточного уровня развития культуры и создания условий для всесторонней духовной жизни населения. Это может выражаться в принятии и реализации положений эффективной культурной политики, направленной на развитие культурных комплексов и создание духовно-консолидирующих систем регионального масштаба. В указанном направлении деятельности органов власти ключевую характеристику приобретает механизм культурно-духовного созидания, представляющий собой ценностно-смысловую систему, обеспечивающую всестороннее развитие человека в условиях все более возрастающего масштаба социальных отношений, связанного с усложнением уровней социальной коммуникации, изменением социальной структуры, трансформацией многих социальных институтов. Имен-

но с точки зрения антропосоциетальных показателей становится более отчетливой «программа» достижения человеком культурного благополучия, определенной социокультурной ситуации. И главное при этом состоит в том, что отношение к культуре, к социокультурной жизни региона не должно замыкаться в рефлексивных оценках самого человека. По мысли Ф. Рейца, «каждый человек прежде всего устанавливает строгую планку собственного оценивания своего мира, его состояния, сопутствующих ему острых проблем и возможностей их преодоления, но этого явно недостаточно в современной жизни. Общество не сможет дожидаться такого человека на перекрестке, оно стремительно идет вперед и уничтожает миражи на пути такой личности. Что это значит? С очевидностью нужно признать, что человек должен постоянно заглядывать в будущее, чтобы предвидеть те сложные барьеры, при помощи которых общество будет испытывать каждого...» [1, с. 76]. Это выражение, как нам кажется, можно использовать и в характеристике социально-культурного портрета региона. На эти особенности обращает внимание и Е. А. Попов [2, с. 12–15; 3, с. 16–18].

Органы власти, утверждая различные программы социокультурного развития региона, вынуждены сегодня создавать не только нормативно-правовые акты, регламентирующие общественные отношения в этой сфере, но и принимать решения по конкретным вопросам социокультурного регулирования. Для этого органы власти должны обладать необходимым потенциалом; помимо отведенных для этого законом полномочий, они должны иметь необходимых специалистов, или, точнее, специалистов достаточной профессиональной квалификации, способных принимать действенные решения по указанной проблематике. Кроме этого, органы власти должны с экономической позиции поддерживать внедрение таких программ социокультурного развития региона, не допуская финансирования этой сферы по остаточному принципу. В этом смысле, как нам кажется, «планирование» в социально-культурной сфере не должно стать прерогативой только социума и важнейших социальных институтов, т. е. исходить только от них и направлять в этом русле деятельность органов власти.

«Государство устанавливает приоритеты и требует их достижения от каждого гражданина, но при этом, — как отмечает Д. И. Хайруллин, — оно руководствуется излишне нормативными обстоятельствами — *инерцией* норм, правил, законов. Как бы мы ни желали обратить внимание государства на то, как с течением времени меняется человек, в какой степени нормы права должны соответствовать духовной традиции народа, утолять его культурный голод, и как бы мы

ни хотели признать, что государство этот факт осознает и дает себе в том отчет, мы не можем до конца быть уверенными в адекватности протекания этих процессов...» [4, с. 12].

Органы региональной власти выступают не только элементом правовой системы государства в целом и конкретного субъекта Российской Федерации в частности, но и интегратором социума, фактором экономической, социальной, политической, культурной безопасности и стабильности на определенной территории. Вместе с тем органы власти являются частью социокультурного портрета региона, они дополняют ту многоаспектную характеристику регионального развития, которая составляет ядро любой комплексной социокультурной системы регионального развития.

В создании полноценной социокультурной картины, разворачивающейся в определенном месте, на определенной территории важную роль играет *социокультурный код*. Как полагает И. В. Сеницын, «обозначение реалий современной коллективной и индивидуальной жизни человека сегодня, по-видимому, возможно преимущественно в социокультурных кодах или по крайней мере в таких смысловых системах, которые отражают не только поведение — куда пошел и что сделал, но и мировоззрение, интерпретации мира и его составляющих и т. д.» [5, с. 42].

К этому следует добавить, что социокультурный код — это понятие, характеризующее бытие человека, но в то же время раскрывающее мир вокруг него, а это пространства виртуальные, информационные, масскультовые, экономоцентричные и др. С учетом этого анализ специфики отражения социокультурных кодов в деятельности органов власти должен вестись на разных уровнях, а именно: 1) структура органов власти, оценка ее необходимости для выполнения основной цели по развитию региона прежде всего в социально-культурном ключе; 2) выявление отношения к власти со стороны населения; 3) характеристика деятельности органов власти, направленной на развитие социокультурного потенциала в регионе. Помимо этих составляющих, необходимо обратить внимание на те стороны деятельности органов власти, которые можно назвать неэффективными для социокультурного развития региона. Все эти и другие характеристики будут иметь значение для формирования образа органов власти.

Отражение социокультурных кодов в деятельности органов региональной власти представляет собой объективированный в институциональных формах результат выполнения органами власти конкретного российского региона задач по развитию культурного, точнее,

социокультурного потенциала в своем регионе. Важно иметь в виду при этом, что оценивание такого рода деятельности предпринимается сквозь систему неких координат, среди которых, к примеру, можно назвать следующие: выстраивание эффективных отношений региональных органов власти с интеллигенцией региона; поддержка театров, музеев, образовательных учреждений, культурно-просветительских и общественных организаций; проведение массовых мероприятий, направленных на эффективность развития социокультурного состояния в регионе; создание условий для реализации потенциала творческой молодежи; проведение мониторинга среди населения с целью выявления отношения к проводимым мероприятиям; поддержка участия представителей региона в конкурсах и соревнованиях общероссийского и международного уровней и т. д. Как полагает М. Свистун, «социокультурные маркеры, которые характеризуют интерес общественности к тому, что происходит в регионах, непременно должны распространяться и на органы власти, при этом общая картина развития места этими маркерами не должна приукрашиваться, видоизменяться до неузнаваемости; очевидно в этом смысле, что власть — это часть места, территории...» [6, с. 33]. Таким образом, и сами органы власти представляют особый интерес в исследовании, связанном с созданием социокультурного портрета региона, поскольку они сами «часть места», часть региональной культуры. Именно поэтому анализ всесторонней деятельности органов власти, направленной на создание условий для благоприятного развития культуры, сохранения традиций и исторических ценностей, имеет принципиальное значение в современном социогуманитарном знании.

Библиографический список

1. Рейц Ф. Декадентские настроения в мире отчуждаемых ценностей. Этика и эстетика человеческого и социально-экономического. Рига, 2009.
2. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.
3. Попов Е. А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия : монография. Барнаул, 2013.
4. Хайруллин Д. И. Государство в решении социально значимых проблем // Государство и мир. 2008. Т. 3.

5. Сеницын И. В. Интерпретации социально-культурных смыслов: проблемы декодирования знаний // *Мировая перспектива: ежегодник научных обозрений*: 2005 год. М., 2006.

6. Свистун М. Социокультурные маркеры места (география культуры, ее ландшафт) // *Мировая перспектива: ежегодник научных обозрений*: 2005 год. М., 2006.

Ю. А. Панова, А. И. Токмин (Барнаул)

МЕЦЕНАТСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Научные руководители — И. В. Антонович, Т. В. Сиротина

Наша страна обладает большим культурным наследием как духовной, так и материальной культуры. Значительная роль в формировании национального культурного фонда, пополнении национальных художественных коллекций, строительстве театров, музеев, создании литературных памятников, развитии науки и образования принадлежит русским меценатам и общественным деятелям. Многие предприниматели данного периода не жалели состояний на строительство больниц, дарили государству картинные галереи, способствовали развитию науки.

История благотворительности на Руси имеет давние традиции. От княжеской благотворительности, продолжая развитие монастырской деятельности в помощи бедным, дворянской филантропии, купеческой и предпринимательской активности в сфере меценатства, благотворительность носила поступательный и все более осознанный характер. Она становилось делом престижа и нравственного долга русских благодетелей.

Савва Иванович Мамонтов, Савва Тимофеевич Морозов, Козьма Терентьевич Солдатенков, Николай Александрович Алексеев, Павел Михайлович Третьяков — эти имена покровителей и просветителей неразрывно связаны с историей и развитием нашей страны. Всех их объединяла страстная приверженность делу народного просвещения и культурного созидания [1, с. 314].

Не имея каких-либо особенных творческих дарований, они обладали высоким эстетическим вкусом и нравственной потребностью в развитии культуры собственного отечества. Многие из них являлись патриотами [2, с. 3].

Надо отметить, что все они были видными предпринимателями конца XIX в. Именно этой эпохе принадлежит пик популяризации

и развития русского искусства и достижений культуры за всю историю России.

Мотивы у меценатов разные, но все они неразрывно связаны с культурной средой и прошлым нашего государства. В основном все они проявляли патриотизм, чувство ответственности за судьбу отечества. Их деятельность свидетельствует об огромном желании развития и возвеличивания русской культуры. Видя потенциал художников, писателей, актеров, ученых, они не могли остаться в стороне и не помочь формированию их талантов. Набожность предпринимателей тех лет также играла не последнюю роль в развитии благотворительности. Многие из них любили свою родину, чттили ее традиции и желали процветания своей стране.

Существенным фактором развития меценатства была государственная законодательная поддержка, также обязательным условием благотворительности считалось обеспечение гласности. Некоторые меценаты награждались знаками отличия. В конце XIX — начале XX в. законодательная сторона проблемы благотворительности была рассредоточена в таких правовых документах, как Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г., Положение о городских училищах 1872 г., Положение о начальных народных училищах от 26 мая 1874 г., Правила об учреждении в учебных заведениях именных стипендий 1876 г., О некоторых мерах к развитию начального народного образования от 29 мая 1864 г., Положение о попечительствах при начальных училищах от 25 марта 1907 г., Закон о высших начальных училищах от 25 июня 1912 г. и др. Конкретизируя с разных позиций проблему благотворительности, все эти законодательные акты формировали правовое поле для ее осуществления [3].

Государство было заинтересовано в привлечении частных средств в благотворительную деятельность и всячески ее стимулировало. Большое количество пожертвований, которое принадлежало частным лицам, значительно помогло развитию таких сфер жизни дореволюционной России, как медицина, искусство, образование, наука. Многие имена деятелей культуры и искусства были открыты в тот период с помощью русских патриотов-благотворителей.

Представление о масштабах меценатской деятельности дают данные о денежных пожертвованиях в Москве. По данным А. Н. Боханова, с 1885 по 1904 г. в Московское городское управление было перечислено в качестве пожертвований 30 млн руб. За эти же 20 лет пожертвования всего дворянства, включая членов царской фамилии, не достигали 100 тыс. руб. [4, с. 165].

Весомость пожертвований предпринимателей особенно очевидна в сравнении со статьями государственного бюджета. На 1900 г. из него выделялось на устройство технических и ремесленных училищ — 54 тыс. руб., на стипендии и пособия 20 тыс. студентов — 242 тыс. руб., на содержание Академии наук и ее учреждений — 1,3 млн руб., на урядников — более 2 млн руб., на ведомство святейшего Синода — 23 млн руб., на борьбу с эпидемическими болезнями — 10 тыс. руб. [5, с. 12–13].

Бахрушины — владельцы кожевенной и суконной фабрик — с 1892 по 1912 г. пожертвовали почти 4 млн руб. на сооружение и функционирование городской больницы, дома призрения для неизлечимых больных, детского приюта, дома бесплатных квартир, ремесленных училищ для мальчиков и девочек [5, с. 15]. При этом Бахрушины оставались богатыми людьми и выделяли на благотворительность лишь часть своих средств.

Купец-миллионер Г. Г. Солодовников сделал крупнейшее пожертвование в истории российской благотворительности: из 21-миллионного наследства, оставленного им, родственники получили 815 тыс. руб., остальное предназначалось малоимущим слоям населения [5, с. 25].

С позиции сегодняшнего дня деятельность меценатов XIX в. имеет важное историческое значение. Они были олицетворением лучших, светлых сторон человеческой личности, так как видели лучше и острее чувствовали, чем многие их современники, потребности общественного развития, чему и отдавали свои силы, знания, ум и сердце. И важно не только достойно оценивать деятельность таких подвижников, но и осмысливать ее в контексте всего исторического развития [5, с. 170].

Библиографический список

1. Антонович И. В., Бочарова А. С. Российские меценаты и благотворители XVIII–XIX вв. // *Novainfo.Ru* [Электронный журнал]. 2015. №33. URL: <http://novainfo.ru/archive/33/rossiyskie-metsenaty-i-blagotvoriteli>
2. Азерникова Н. Истоки благотворительности в России // *Вопросы истории*. 2010. №6.
3. История российского предпринимательства: учебно-методический комплекс / под ред. И. В. Илларионовой и др. М., 2009.
4. Меценатство и благотворительность в России в конце XIX — начале XX века // *Историк: общественно-политический журнал* [Электронная библиотека]. URL: http://www.historicus.ru/mecenatstvo_i_blagotvoritelnost/.
5. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.

С. А. Сарыглар, С. А. Семьянов (Барнаул)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Научные руководители — М. И. Черепанова, С. Г. Максимова

Актуальность научного дискурса изучения ценностей связана с тем, что они выступают жизненным ориентиром человека, являются необходимой составляющей формирования его личности. Развитие определенной системы ценностей и социальных норм поведения есть залог успешной социализации личности. И главное, ценности придадут смысл всей жизнедеятельности человека.

Согласно исследованиям отечественных и зарубежных авторов семья и семейные ценности занимают главенствующие позиции в иерархии ценностных ориентаций современной молодежи. Семья — это «социальная система, объединяющая группу людей и их взаимоотношения, т. е. комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом» [1, с. 245]. Семья — это главный социальный институт общества, где человек рождается и проходит главные этапы своей социализации, учится любить, уважать, созидать и передавать ценности, традиции своей семьи. В современной социологической науке выделяется несколько подходов к определению понятия «семейные ценности».

Большинство исследователей рассматривают семейные ценности как комплекс неких представлений о семье. Например, Е. П. Винникова определяет семейные ценности как «установки супругов по поводу того, для чего существует семья, что она должна им приносить» [2, с. 99].

По мнению О. В. Тамилиной, семейные ценности представляют собой «культивируемую в обществе совокупность представлений о семье, влияющую на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия» [3, с. 108].

Обобщая вышеуказанные подходы, семейные ценности можно определить как комплекс представлений, установок личности о семье, семейных ролях и функциях и ее видение о том, какой должна быть семья.

С нашей точки зрения, наиболее специфичен подход Т. Н. Камневой, которая определяет семейные ценности как «положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества — родительства — родства, обусловлен-

ной человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями» [4, с. 6]. Семейные ценности здесь выступают как общее поле интересов семьи, что уважаемо и важно для каждого ее члена.

В категорию «семейные ценности» включают комплекс различных представлений и качеств личности, который необходимо рассматривать также дифференцированно.

Современные исследователи в области социологии семьи выделяют три основные группы семейных ценностей: ценности супружества, ценности родительства и ценности родственных связей. Проанализируем каждую из них.

Первая группа включает в себя ценности супружества. Супружество понимается современными исследователями как добровольный союз мужчины и женщины, порождающий постоянные семейные отношения, направленный на рождение и воспитание детей и характеризующийся ведением общего хозяйства. К ценностям супружества относятся ценности брака, равноправия в семье либо доминирования одного из супругов, различных половых ролей в семье, внутрисемейной коммуникации, а также ценности здоровья, благополучия и поддержания долголетия членов семьи.

Ценности супружества в первую очередь отражают значимость отношений между супругами. В современном российском обществе, когда неуклонно растет уровень разводов, данный аспект семейных ценностей становится особенно актуальным.

Вторая группа семейных ценностей — ценности родительства. К ценностям родительства (материнства/отцовства) относятся ценность многодетности/малодетности, т. е. ценность ребенка (детей), ценность воспитания и социализации детей именно в семье (а не в других социальных институтах, например, детский сад, школа и др.), а также важность участия обоих родителей и старшего поколения в воспитании детей.

Под родительством подразумевается материнство или отцовство, определяющее поведенческие характеристики мужчины и женщины как матери и отца. Рассматривая ценность родительства, стоит отметить, что в современном обществе развивается негативная тенденция, связанная с ростом молодежи, отказывающейся от родительства (феномен «child free»).

Ценность родительства связана с особенностями репродуктивного поведения молодежи. Репродуктивное поведение включает «систему действий, направленных на рождение определенного числа детей или отказ от рождения» [5, с. 221]. Именно репродуктивное поведение личности свидетельствует о том, какое место занимает в жизни

индивида создание семьи, ценность родительства, ценность детей. Такая проблематика становится особенно острой в связи с изменениями, происходящими в современном российском обществе, когда молодые люди в первую очередь стремятся достичь славы, успеха, материального достатка и ведут «рискованный образ жизни» [6, с. 132].

Третья группа — это ценности родственных связей, которые включают в себя наличие родственников, взаимодействие между ними и взаимопомощь, ценность расширенной и нуклеарной семьи. Исследовательский интерес данной группы ценностей связан также с ростом социальной автономизации в современном российском обществе.

Под родством понимаются отношения между людьми, связанными друг с другом родственными связями, основанными на происхождении от одного предка, возникшие в результате заключения брачного союза, что предполагает определенные социальные роли и обязанности каждого участника таких отношений.

Особое место в группе ценностей родственных связей занимает ценность расширенной либо нуклеарной семьи. Нуклеарная семья — это семья, состоящая из супругов и их детей. А расширенная семья включает в себя нуклеарную семью и родственников супругов. Поэтому, когда говорим о ценности родственных связей, главная роль должна отводиться расширенному типу семьи, который обеспечивает функционирование и развитие родственных отношений, а также сохранение традиций семьи, расширенное воспроизводство общества.

Таким образом, проведенный нами анализ современных подходов к изучению семейных ценностей показывает, что эволюция понятия «семейные ценности» в современном социологическом знании заключается в акцентировании аксиологической составляющей функционирования семьи как социального института в исследовании новых актуальных тенденций, являющихся индикаторами кризисного развития современного российского общества.

Основываясь на вышеуказанных подходах, семейные ценности можно определить как совокупность представлений личности о семье и о том, какой должна быть семейная жизнь, а также совокупность объектов, представляющих ценность и почитаемых всеми членами семьи.

Библиографический список

1. Чудова С. Г. Семья с позиции системного анализа // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7.
2. Винивидова Е. П. Структура семейных ценностей молодых супругов // Интеграция образования. 2008. № 2.

3. Тамилина О. В. Молодежь и семейные ценности (на примере студенческой молодежи Ельца) // Youth World Politic. 2013. № 1.

4. Каменева Т. Н., Некрасова Н. А. Значение семейных ценностей в процессе социокультурной модернизации российского социума // Вопросы культурологии. 2011. № 8.

5. Решетникова С. А. Репродуктивное поведение сельских молодых семей Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.

6. Черепанова М. И. Социальные риски как факторы, формирующие поведенческое пространство молодежи Алтайского края (на примере социологического исследования) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4. Барнаул, 2012.

Н. С. Логинова, О. П. Пономаренко (Барнаул)

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В современной российской культуре происходят сложные процессы. Ее нелинейное самодвижение проявляется в возникновении новых процессов цивилизационной жизни. Это требует изменения ракурсов рассмотрения привычных явлений. Новый облик российской цивилизации выявляет новые формы участия в общественной жизни, превращается в специфическую сферу, овладение которой связано не только с расширением культурных горизонтов людей. Переход к восприятию накопленного опыта как к вольно интерпретируемому информационному полю выделяет иные параметры его взаимодействия со всеми сферами общественной жизни.

В настоящее время необходимо практически реализовывать стратегию поддержания стабильного функционирования общества. Ее структурные, функциональные перестройки недопустимы в современный период развития российской культурной системы. Разрушение основных институтов, в том числе семьи, приведет к уродливой деформации, ускорит процесс разложения, вызовет новые сильные флуктуации и, в конце концов, быстрее разрушит недавно созданную систему.

В процессе перехода выявляются острые трансформационные проблемы, которые невозможно решить в результате достижения устойчивого экономического роста, без учета воздействия скры-

тых цивилизационных и социокультурных факторов. Кроме того, в условиях нахождения культуры в стадии цивилизации каждый период кризиса может привести к окончательному разрушению ее целостности.

Размывание иерархии ценностей, которая бы признавалась большинством населения в качестве нравственной опоры жизнедеятельности, формирует стереотип об относительности идеала, относительности всего сущего в этом мире. Нивелирование границ подсистем, компонентов культуры мешает появлению адекватного новым условиям механизма макросоциализации, который мог бы подавлять неэффективные и подкреплять перспективные модели социального действия. Это в свою очередь негативно воздействует на функционирование всех социально-государственных институтов.

Вакуум, образовавшийся после распада единого социокультурного пространства страны, обострил проблемы национализма и космополитизма. Обретение идентичности в соответствии с национальной принадлежностью требует от человека каких-либо дополнительных внутренних, личностных усилий. Этноцентризм стал проявляться в различных, в том числе в экстремальных формах, что входит в противоречие с интересами российского государства.

Преодолеть разобщенность, в том числе усилить взаимодействие между компонентами социальной системы, предотвратить энтропию за счет поступления *качественной* информации невозможно с помощью экономического роста и других параметров, обозначенных в современной культурной политике РФ. Решение проблем консолидации общества останется нереализуемым лозунгом без целенаправленных усилий по формированию единого смыслового и ценностно-нормативного социокультурного пространства.

В данном случае государство может выступить в качестве референтной группы, которая предложит оптимальную для данного состояния культуры и общества стратегию развития. На современной стадии развития российской цивилизации возникновение множества альтернативных решений стратегии и тактики развития различными субкультурами, а также контркультурами невозможно. Низкий уровень «пассионарности», стремление к обогащению, установка «человек человеку волк», направленность на гедонизм/потребительство, зависть и возрастание стремления к разрушению окружающего мира, а также к саморазрушению представителей серой массы для власть имеющих создают соблазн Великого Инквизитора, актуализируют советы Н. Макиавелли. Это создает условия для быстрого разрушения хрупкой оболочки современной российской цивилизации.

С учетом того, что на данном этапе развития ментальность не формируется, а особенности культуры отражаются только в национальном характере, сохранение ценностей, традиций, смыслов, значений, языка и пр. в ядре культуры имеют первостепенное значение как для ее внутреннего устойчивого развития, так и для продолжающегося диалога российской культуры с иными культурными системами. Культура даже на стадии цивилизации развивается в диалоге/полилоге с тождественными культурными системами. Одинаковые, даже высокоразвитые (по европейскому образцу) культуры будут обречены на постепенную деградацию. Сохранение своеобразия, обращение к традициям без выхолащивания их смысла, превращение символов российской культуры в симулякры являются первостепенной задачей культурной политики.

Культурная политика в начале XXI в. нуждается в значительном расширении своей базы. Ее концепция должна быть пересмотрена, направлена на формирование национального единства на основе традиционных ценностей и идеалов. Это позволит улучшить качество жизни россиян не только на материальном, но и на духовном уровне.

Отличительная черта русского человека — душевность, сердечность, которая проявляется и в социальных отношениях, и даже в особенностях функционирования государственных институтов. Кроме того, следует учесть, что «ненасильственные отношения между людьми опираются не на право, а на культуру сердца» [1, с. 36], проявляются в вежливости, симпатии, миролюбии. Право без насилия не может быть реализовано, а насилие всегда вызывает негативную реакцию у некоторой части населения, желание в ответ применить не санкционированное насилие, что также противоречит интересам государства. Успешный менеджер, ориентированный на прибыль в сфере образования, здравоохранения и прочего, не может служить народу, государству. Он будет оказывать ограниченные платные услуги. Установка «Нечем платить — не спрашивай и услуг / Нет денег, нет и швейцарца» — губительна для любой культуры. Выдвижение в качестве доминанты выхолащивающего рационализма в экономике с ее погоней за прибылью, в праве с его дилеммой оправданности целей и справедливости противоречат процессу формирования несекуляризованного патриотизма, без которого невозможно сохранение целостности государства.

Кроме того, культурная политика должна учитывать социокультурные особенности всех групп населения, т. е. стать частью взаимозависимых социальных стратегий. Еще одна особенность разработки стратегии культурной политики в России — необходимость коор-

динации с управлением в других секторах, органически связанных с культурной жизнью. При этом условия могут быть успешнее решены внутренние проблемы сферы культуры, в том числе достигнуты удовлетворительные решения по вопросам обеспечения ее материальными и человеческими ресурсами.

В осмыслении происходящих общественных изменений на глобальном уровне назрела необходимость смены парадигм, учитывающих повышение роли культурного фактора. Культура активно участвует в формировании реалий будущего, имеет прямое отношение к стратегиям выживания человечества. При этом следует помнить, что нет культуры вообще, есть отдельные национальные культурные системы и выживание каждой из них возможно только в процессе ее развития через внутренние и внешние полилоги, через обмен качественной информацией, через разрастание семиотического поля. Поэтому, разрабатывая стратегию культурной политики необходимо в первую очередь ориентироваться на свои национальные интересы.

Сегодня в российском обществе важнейшая роль в развитии культуры принадлежит государству, которое при ориентации на рыночные отношения, на западные идеалы не может полноценно регулировать всю сферу российской культуры. Использование суггестии / манипулирования, экономического и даже прямого принуждения ускоряют упрощение, сужение сферы культурной политики. При этом следует учесть, что управление всей культурной системой изначально невозможно в силу постоянно действующих процессов самоорганизации, наличия неструктурируемых компонентов, невозможности контролировать все связи между компонентами сложнейшей системы.

Жесткий государственный контроль государства необходимо гармонизировать с принципами взаимовыгодного сотрудничества. Определение приоритетов (принуждение или просвещение) формирует «соответствующий им образ жизни, тип социальной структуры общества, политического правления, государственного устройства» [2, с. 54]. При этом интересы различных слоев населения явно противоречат друг другу, а параметр выгоды реализуем только в сферах политики, экономики. Ученый, доктор, учитель и другие не могут быть успешными менеджерами, у них иное *призвание*, иная социальная роль. Правление посредством закона в России, по мнению Н. П. Мартыненко, обязательно надо сочетать с правлением посредством людей.

Выявленные в ценностно-смысловой и ценностно-нормативной сферах проблемы современного российского общества актуализи-

руют проблему методологических и ценностных оснований культурной политики в современной России. В многонациональной, многоконфессиональной стране это сложная задача, решаемая только через мирный диалог представителей евразийского пространства. В качестве адекватного теоретико-методологического основания модернизации отечественной культуры Т. А. Семилет предлагает концепцию культурвитализма, дающую критерии полезности и вредности производимых действий или стихийно организующихся процессов [3].

Современная российская культурная политика призвана обеспечить оптимальное соотношение пластов прошлого и современного. Поэтому приоритетной целью в современной культурной политике должно стать сохранение, развитие жизненных сил культуры, воспроизводство субъектно-самостоятельной личности в качестве главных ценностей общества. Жизненная сила отдельного индивида — это «... историческая память, укорененность в культуре. Один человек не может самостоятельно выработать весь ценностно-смысловой, нравственный, мировоззренческий комплекс» [4, с. 92]. Он получает эти «культурные продукты» из общего, по-своему их осмысливая, осваивая и присваивая. Ценности, идеалы, смыслы существования являются конституирующими началами всякой культурной индивидуальности, придающими силу и жизненность национальной культуре страны. Необходим процесс целенаправленного воздействия управляющей системы по развитию и сохранению самобытной культурной традиции. Четкое определение целей, задач, средств культурной политики с учетом особенностей развития современной российской цивилизации позволит найти свой смысл существования, развития каждому из представителей российского общества.

Библиографический список

1. Быстров В. Ю., Марков Б. В., Кузнецов Н. В. Власть и насилие как проблема философской антропологии // Вопросы философии. 2015. № 10.
2. Мартыненко Н. П. «Ли» и «Фа» — полярные категории китайской социальной философии // Вестник Московского университета. 2015. № 1.
3. Семилет Т. А. Идеалы и ценности отечественной культуры в традиционном и новационном измерениях // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2/2 (82).
4. Семилет Т. А. Культурвитализм — концепция жизненных сил культуры: монография. Барнаул, 2004.

Раздел II

**ОБРАЗОВАНИЕ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ**

О. Н. Замятина (Барнаул)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ»

В научном плане понятие «качество обучения» многогранно. Проблема качества образования в современном обществе в целом и в России в частности приобрела особо важное, стратегическое значение. И не только потому, что информационная революция, ускорение темпов социокультурного развития общества потребовало непрерывного образования, стала актуальной проблема создания и сохранения единого образовательного пространства.

Проблема качества образования занимает заметное место в работах педагогов высшей школы, таких как Н. В. Бордовская, А. А. Реан. С педагогической позиции они полагают, что качество образования определяется тремя основными моментами: степенью соответствия целей и результатов образования на уровне конкретной системы образования и на уровне отдельного образовательного учреждения; соответствием между различными параметрами в оценке результата образования конкретного человека (качеством знаний, степенью сформированности соответствующих умений и навыков и др.); степенью соответствия теоретических знаний и умений их практическому использованию в жизни и профессиональной деятельности [1].

Работники системы управления образованием характеризуют качество образования как сложное и многофакторное понятие, которое включает в себя: современность системы образования; соответствие содержания образования требованиям развития страны и интересам личности обучающегося; степень реализации высшим учебным заведением задач высшего образования. Кроме того, качество образования неотделимо от оценки и контроля [2, с. 262, 265].

В. Гуров считает, что в попытках определить понятие «качество образования» исследователи прибегают к использованию подходов четырех типов, соотнося качество образования с 1) механизмами и условиями нормативного функционирования образовательного учреждения; 2) качеством подготовки специалистов; 3) качеством образовательных стандартов; 4) проблемами организации учебного процесса (научно-методическими, кадровыми, информационными, материально-техническими). Другие концептуальные модели качества образования, отмечает В. Гуров, связаны с выделением уровней: государственно-регионального, уровня конкретного вуза и уровня

обучающегося. В реальной же практической деятельности качество образования сводится к соответствию государственному образовательному стандарту и ответу на вопрос: кого, где, как и чему учить [3, с. 149]. Также на качество образования влияют миграционные процессы в обществе [4].

Еще одна трактовка качества образования, принадлежащая Н. А. Селезневой, известному специалисту в области квалитологии (науке о качестве). Она рассматривает качество высшего образования в широком и узком смыслах. В первом смысле оно означает сбалансированное соответствие высшего образования (как результата, процесса, образовательной системы) многообразным потребностям, целям, требованиям, нормам (стандартам); системную совокупность иерархически организованных, социально значимых существенных свойств (характеристик, параметров) высшего образования (как результата, процесса, образовательной системы).

Во-втором, узком смысле качество высшего образования сводится к качеству подготовки специалистов с высшим образованием, что означает следующее: сбалансированное соответствие подготовки специалистов с высшим образованием (как результата и процесса) многообразным потребностям (государства, общества, личности), целям, требованиям, нормам, стандартам; системную совокупность иерархически организованных, социально значимых существенных свойств (характеристик, параметров) подготовки специалистов с высшим образованием (как результата и как процесса) [5, с. 11].

Из приведенных Н. А. Селезневой трактовок можно сделать два вывода:

- 1) основными характеристиками качества образования выступают результат и процесс образования;
- 2) качество высшего образования неправомерно рассматривать вне качества подготовки специалиста.

С позиции социологического подхода качество образования — это нормативное требование общества к образованию как одной из его важных подсистем, заключающееся в необходимости соответствовать критериям эффективной деятельности, т. е. оптимальному выполнению своих социальных функций [6, с. 338].

Параметры качества образования «диктует» рынок труда как потребитель кадров. Он задает те качественные квалификационные характеристики, которые входят составной частью в государственные образовательные стандарты, являющиеся отражением определенной социальной нормы качества [7, с. 77].

Ценностные характеристики качества образования необходимо рассматривать прежде всего через взаимодействие системы ценностей основных субъектов образовательного процесса. Качество высшего образования здесь будет заключаться в характеристике параметров («образование как ценность», «ценность образования») в понимании основных субъектов образовательного процесса).

Организационные, системные характеристики качества образования представляют собой уровень соответствия системы образования общественным потребностям. Рассматривая образовательные стандарты (выступающие частью системы образования), мы имеем в виду их качество, понимаемое как высокий уровень соответствия требованиям общества, предъявляемых к образованию на каждом конкретном этапе его развития. К работе над формированием новых и совершенствованием старых образовательных программ, над созданием новых поколений государственных образовательных стандартов привлекаются наиболее квалифицированные силы работников образовательных учреждений, профессиональные сообщества и управленческие структуры.

Значительно более высокие требования, связанные с обеспечением качества образования, предъявляются к работе учебных заведений самых различных организационно-правовых форм, типов и видов. Эти требования необходимо рассматривать с двух сторон. С одной стороны, они исходят от учащихся, студентов и их родителей. Эти требования касаются качества содержания преподавания, учебно-методических пособий, обеспечения учебной литературой и современными информационными ресурсами, создания оптимальных условий для осуществления учебного процесса и т. д.

С другой стороны, это возрастающие требования государственных инспекций в период лицензирования, аттестации и аккредитации. К настоящему времени в России разработан и внедрен в практику механизм оценки качества образования, или процедура комплексной оценки деятельности образовательных учреждений по ряду количественных и качественных показателей. Так, подготовка к государственной экспертизе вузов (самообследование) заставляет их мобилизовать все ресурсы, активизировать подготовку студентов к выполнению тестовых и контрольных заданий, создание учебно-методических комплексов по учебным дисциплинам, издательскую деятельность и многое другое. Процедура самообследования оказывается вполне приемлемым способом заставить образовательные учреждения осознать положительные и отрицательные стороны своей профессиональной деятельности, улучшая, таким образом, качество

реализации профессиональных образовательных программ. Самообследование можно рассматривать и как результат, и как предпосылку механизма обеспечения качества образования.

Повышение качества образования тесно сопряжено с деятельностью еще одного элемента структуры образования — органов управления им (управленческие характеристики качества образования). Во-первых, это улучшение работы самих управленческих структур, в чьем подчинении находится образование. Речь идет в первую очередь о надлежащем кадровом обеспечении органов управления образованием. Во-вторых, это работа организационно-управленческих структур по контролю за качеством образования в соответствующих образовательных учреждениях и нормативному обеспечению их деятельности.

Восприятие оценки качества обучения в вузе идет, конечно же, на уровне индивидуального восприятия студента. С позиции студентов оценка качества обучения подразумевает удовлетворенность комплексом условий, в числе которых научное и учебно-методическое обеспечение учебного процесса, организация обучения, квалификация преподавателей. Они в совокупности и определяют субъективно воспринимаемую эффективность учебного процесса, но не могут служить ее единственным критерием.

Такое восприятие, разумеется, преломляется через субъективные запросы к образовательному учреждению, которые могут быть адекватными, заниженными или, наоборот, завышенными. Но совокупность субъективных оценок качества обучения сама по себе — важный параметр социального самочувствия, благополучия студентов и социально-психологического климата в университете, который приспособливает их к условиям общественной жизни [8].

Таким образом, качество образования многовекторно: оно включает в себя следующие качества: образовательной деятельности, ценности образования, организационно-правовых основ функционирования социального института образования, содержания, форм и методов образования, общественных и личных образовательных потребностей, взаимодействия образовательных субъектов, управления системой образования.

Библиографический список

1. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика : учебное пособие. СПб., 2001.
2. Образование в России. М., 2001.
3. Гуров В. Качество образования в негосударственных вузах // Высшее образование в России. 2004. № 6.

4. Стерляева Н. А. Некоторые аспекты сельско-городских миграций в Алтайском крае // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : материалы Международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул, 2015.

5. Селезнева Н. А. Качество высшего образования как объект системного исследования : лекция-доклад. М., 2003.

6. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования : учебное пособие. М., 2005.

7. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

8. Вараксина Н. В. Социальный маркетинг как инструмент формирования здорового образа жизни // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

С. А. Воронина (Барнаул)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Многогранность образовательного пространства позволяет рассматривать его в качестве информационной системы, включающей духовно-нравственные ценности, этические нормы и традиции. Эта система не может не учитывать динамику транзитивного общества, для которого характерны четыре основополагающие тенденции: центральное место в социальном процессе занимает человек; образование находится в постоянном прогрессивном развитии в условиях технологической революции; развивается параллельно с современным типом цивилизации; ориентировано на тенденцию к духовной интеграции человечества, и эта межцивилизационная тенденция становится ее доминантой.

Транзитивное общество характеризуется интенсивностью потребления информации, но при этом сокращается разнообразие выбора информации. Резкое увеличение количества циркулирующей информации в новом обществе, не обеспеченное соответствующими образовательными структурами, приводит к ситуации, когда в сознании индивида складываются бессистемные знания, недостаточ-

но эффективные образовательные взаимодействия, как следствие этого, распадается единое инфополе знания, объединяющее людей. Несмотря на обилие информации, «индивид оказывается погруженным в поток разрозненных, неупорядоченных сообщений: он знает понемногу обо всем на свете, но структурность его мышления крайне ограничена» [1, с. 43]. Воссоздание традиционных структур или создание совершенно новых по готовым заимствованным образцам — две крайности, соседствующие в современном транзитивном обществе, привели к обратному эффекту: субъект блокирует поток знаний, не в состоянии воспринимать, перерабатывать и применять их на практике.

Выход из сложившейся ситуации возможен, на наш взгляд, только при обращении к национальным традициям просвещения, духовным константам национальной культуры, формировании в обществе культуры потребления и распределения знания.

В данной ситуации особое значение приобретает распространение образования с помощью информационных технологий. В этих условиях просвещение выступает как информационно-коммуникативный процесс, в котором информация доступна каждому человеку. Благодаря дифференцированности информации каждая образовательная система получает возможность вести диалог с другими национальными образовательными системами, приобретает динамизм и свою особую структуру. Обогащенное серьезной информацией, образование получает дополнительную возможность привлечь внимание общества к острейшим духовно-нравственным и просветительским проблемам.

Являясь системой образования, информация выступает культуротворящим фактором. Она обретает новый социально-культурный статус и включается в систему общечеловеческих культурных ценностей. Следовательно, информацию можно определить как глобальную, планетарную ценность, так как именно она способна объединить людей в едином межцивилизационном пространстве и времени. Несмотря на все сложности и коллизии, диалог национальных систем образования, направленный на взаимопонимание народов, усиливается, активно способствуя укреплению общечеловеческих принципов мирового культурного развития.

Будучи неотъемлемой частью процесса просвещения, информационная образовательная культура представляет собой существенный момент социальной природы человека, его отношения к окружающей действительности. Именно наличие информационного аспекта в любых культурных феноменах явилось одной из причин отождест-

вления образования и информации, сведения всей культуры знания к ее информационной составляющей [2, с. 20–31].

Развитие информационных процессов приводит к развитию как индивидуального интеллекта, так и коллективного, и именно культура выступает в качестве коллективного интеллекта, так как она «как целое обладает особым аппаратом коллективной памяти и механизма выработки принципиально новых сообщений на принципиально новых языках» [3, с. 4].

В системе образования, на наш взгляд, по функциональному признаку следует различать базовые и ориентационные информационные структуры. Первые определяют взаимодействие между компонентами знания (прежде всего подсистемами), вторые определяют отношения между культурой и индивидуумом. Базовые информационные структуры — это структуры взаимодействующих подсистем. К таким подсистемам относятся все виды искусств, каждое из которых представляет определенную систему: верований, науки и образования.

Информационные ориентационные структуры составляют основу ориентационных подсистем, которые, в свою очередь, делятся на знаковые системы, а также системы, имеющие установочный характер, как, например, образовательные традиции и обычаи. Информационные ориентационные системы имеют ярко выраженный адаптивный характер, так как с помощью этих структур человек адаптируется к окружающей среде. Сложная система включает в себя многообразные разнородные элементы, помимо подсистем, она обладает разными уровнями. В системе образования это прежде всего два основных уровня: идеальный (духовный, сознательный) и материальный. Взаимодействие между этими двумя уровнями составляет способность систем к самоорганизации. Идеальное — это информация в «чистом виде», однако без материального носителя существование его невозможно.

Существование идеального ставит информацию в системе просвещения в особое положение. Она может быть рассмотрена как субстанция системы образования [4, с. 12]. Сложность последней доказывает сложность функционирования в ней информации. Функции информации в системе просвещения следующие: во-первых, это функция отражения, в результате чего возможно существование информационно-адаптивной среды для выживания феномена человеческого интеллекта. Во-вторых, коммуникативная функция — знание — выступает как среда для обмена информацией, общения; функция развития интеллекта — психического механизма, способного к активному отражению и, наконец, все социальные процессы возможны только

в информационной культурной среде. С нашей точки зрения, большими возможностями обладает трактовка информации как единства информационных способностей и творческой духовной деятельности, реализуемых в информационном взаимодействии субъектов в процессе создания, хранения, преобразования, трансляции, восприятия и использования знания в обществе.

Социальная значимость информационной образовательной культуры состоит в том, что только на основе ее формирования и развития становится возможным успешное разрешение противоречия между растущим обилием информации и ограниченными возможностями ее восприятия. Умелое обращение с информацией предполагает наличие у человека высокого уровня информационной культуры познания, сопровождающей все стадии его действий с информацией. При таком подходе система информационной культуры включает в себя взаимодействующих субъектов, формирование у них способностей, навыков и умения работать с информацией, а также актуализацию у них определенных информационных потребностей и интересов. Неотъемлемым компонентом системы информационной культуры является необходимый и достаточный объем информации, ее оптимальная избыточность, высокие познавательные, эстетические и нравственные достоинства и социальная значимость. В образовательную систему входит новейшая информационная техника и умение эффективно ее использовать в практических и познавательных целях.

Таким образом, современная образовательная система крайне нуждается в усовершенствовании механизма распространения знаний с помощью информационных технологий, что позволит включить образование в информационно-цивилизационный процесс; повысить информатизированность процесса получения знаний, это разрешит проблему интеллектуального диалога, основанного на социально-гуманистических принципах информационной политики. Для решения данных проблем необходима единая межцивилизационная организация глобального мира знаний, которая позволила бы эффективно разрешать политические, экономические конфликты. А для этого необходимо отталкиваться от межцивилизационных принципов организации мирового сообщества, что поможет выработать методы и формы распространения знаний в глобальном сообществе. Такими мерами могут стать диалектическое единство как в рамках отдельного социума, так и в глобальном масштабе, интеграция европейского и западного знания в знание информационно становящихся стран, расширение сотрудничества с восточными цивилизациями на базе принятия межцивилизационных ценностей культуры и единства ду-

ховности. Сочетание информационных технологий с традиционными ценностями культуры будет способствовать как росту экономической мощи новых информационных обществ, так и обретению единого межцивилизационного пространства, основанного на духовности, культуре отдельных сегодня стран и социумов.

Библиографический список

1. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
2. Воробьев Г. Г. Твоя информационная культура. М., 1987.
3. Моисеев Н. Н. Проблема возникновения системных свойств // Вопросы философии. 2005. № 11.
4. Попов Е. А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Н. П. Гончарова, О. Е. Ноянзина, М. Б. Максимов (Барнаул)

АССОЦИАЦИЯ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН-УЧАСТНИЦ ШОС*

В контексте усиливающейся глобализации и интернационализации образования расширение мобильности, в том числе молодежной, академической становится необходимым элементом развития образовательных систем. На современном этапе под «молодежными обменами» с партнерскими странами понимаются проекты, в рамках которых молодые люди из двух и более стран встречаются, чтобы обсудить разные темы и познакомиться с культурами и странами друг друга. Это способствует не только развитию экономических и культурных связей между государствами, но и общему научно-техническому прогрессу человечества, повышению уровня мировой цивилизации [1].

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта № 3324: «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участниками ШОС в период председательства России в 2014–2015 годах».

По определению Совета Европы, академическая мобильность — это обучение, преподавание, проведение исследований за рубежом, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное заведение (данный термин не включает в себя эмиграцию). Академическая мобильность может реализовываться через специальные программы обменов в рамках правительственных соглашений, соглашений между вузами или ассоциациями вузов, а также индивидуально учащимися/преподавателями/научными сотрудниками с учебными заведениями [2].

Академическая мобильность неразрывно связана с такими концепциями, как глобализация и интернационализация. Современные исследователи, в частности Дж. Найт, разграничивают понятия «глобализация» и «интернационализация». Глобализация, под которой понимаются процессы движения людей, культур, идей, знаний, технологий и экономик через границы, оказывает влияние на каждую страну, различные секторы экономики, в том числе и на образование, несет в себе как положительные, так и отрицательные последствия в зависимости от культурных и исторических особенностей той или иной страны. Интернационализация — это построение взаимоотношений между странами, людьми, культурами, институтами и системами [3].

Отдельно, в связи со спецификой исследования, проведенного при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания Алтайского государственного университета «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014–2015 годах» (код проекта № 3324), отметим, что под «академической мобильностью» понимается не только физический обмен студентами и преподавателями вузов, но и более широкое взаимодействие стран в области научного, культурного, социально-экономического развития, охватывающего все уровни образования.

Российская Федерация развивает академическую мобильность, сотрудничая с различными странами в формате двусторонних и многосторонних соглашений в рамках международных объединений (Европейский Союз, «Группа восьми», БРИКС, ШОС и т. д.). В настоящее время развитие академической мобильности в нашей стране осуществляется через ряд проектов и инициатив федерального уровня и инициатив отдельных вузов, для которых международная деятельность приобретает особое значение в условиях глобальной интернационализации образования, активизации процессов интегрирования в образовательной и научных сферах [4].

Алтайский государственный университет является одним из крупных научно-образовательных центров азиатской части России, ориентированным на международное сотрудничество со странами Азии. Одним из приоритетных направлений стратегического развития Алтайского государственного университета является расширение всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества с высшими учебными заведениями и другими образовательными учреждениями азиатских государств (Китай, Казахстан, Монголия, Киргизия, Таджикистан, Индия, Корея и др.). Важным условием успешного движения в данном направлении становится вовлечение российской молодежи в процесс установления диалога с зарубежными сверстниками [5].

В 2013 г. под патронатом Алтайского государственного университета создана Ассоциация азиатских университетов, которая в настоящий момент является площадкой образовательного и научно-взаимодействия для 36 вузов, представляющих 8 государств Азии.

Целью создания Ассоциации является формирование единого азиатского образовательного пространства путем содействия кооперации университетов и других организаций — членов Ассоциации, предполагающей координацию их совместной работы в области сотрудничества учебно-методической, научно-исследовательской, культурно-просветительской и общественной деятельности; выработку рекомендаций, направленных на развитие университетского образования, улучшение качества подготовки специалистов с университетским образованием, повышение эффективности научных исследований, развитие социальной сферы образовательных учреждений.

Создание Ассоциации было поддержано Министерством иностранных дел, Министерством образования и науки Российской Федерации, Россотрудничеством, администрацией Алтайского края и другими государственными и общественными организациями, а также международным образовательным сообществом — ректорами 35 ведущих вузов России, Казахстана, Киргизии, Китая, Монголии, Таджикистана, Таиланда.

Объединение усилий вузов в рамках Ассоциации позволило вывести образовательное и научное сетевое взаимодействие на новый уровень. За два с половиной года совместной работы, прошедшие с момента учреждения Ассоциации, сделано немало, и эта работа была выполнена на уровне не только ректоратов, но и научно-педагогических и студенческих коллективов.

Под эгидой ассоциации был проведен ряд важных мероприятий, среди которых можно отметить II Международный образовательный форум «Алтай-Азия 2014. Евразийское образовательное простран-

ство — новые вызовы и лучшие практики», Международную школу молодых лидеров для представителей научных, творческих и деловых кругов из стран СНГ, выездное заседание Президиума совета учебно-методического объединения по образованию в области сервиса и туризма, состоявшееся на базе Алтайского государственного университета и Ховдского государственного университета Монголии. В октябре 2014 г. при активном участии вузов-членов Ассоциации в Алтайском государственном университете прошла VIII Неделя образования ШОС «Образование без границ». Осенью 2015 г. под эгидой Ассоциации азиатских университетов проведен Первый саммит студенческих лидеров стран ШОС и Саммит молодежных лидеров стран Центральной Азии по развитию общественной дипломатии и международно-сотрудничеству на базе Алтайского государственного университета, II Азиатский студенческий форум «Кыргызстан-Азия — 2015» на базе Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Серьезные шаги сделаны в деле разработки и реализации совместных образовательных программ магистратуры между членами ассоциации: вузами Казахстана, Киргизии, Китая и России. За прошедшее время наработан положительный опыт взаимодействия вузов Алтайского края с университетами Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей Республики Казахстан в реализации программ академической мобильности.

На базе Алтайского государственного педагогического университета и Славгородского филиала Алтайского государственного университета созданы и функционируют Центры казахского языка и культуры. В Павлодарском государственном педагогическом институте открыт Центр русского языка Алтайского государственного университета. Такие центры призваны формировать важные для интернационализации образования культурологические компетенции.

Усиление роли Шанхайской организации сотрудничества в период председательства России в 2014–2015 гг., введение безвизового режима между Монголией и Россией, год молодежных обменов между Китаем и Россией — все это предоставляет уникальные возможности для развития сотрудничества в области науки, образования и культуры между странами.

Таким образом, Ассоциация азиатских университетов является важной площадкой для расширения академической мобильности в пространстве стран-участниц ШОС, способствует формированию единого азиатского образовательного пространства, интернационализации образования, содействия академической мобильности и рас-

ширению культурных связей между вузами Азиатского региона, повышению качества высшего образования и проведению совместных научных исследований.

Библиографический список

1. Арефьев А. Л. Молодежные обмены между Россией и Германией: статистический и социологический анализ. М., 2008.

2. Омельченко Д. А., Авдеева Г. С. К вопросу об определении сущности современного молодежного политического акционизма // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

3. Knight J. Internationalization Remodelled: Definition, Approaches and Rationales // Journal of Studies in International Education. 2004. Vol. 8, № 1.

4. Императивы интернационализации / отв. ред. М. В. Ларионова, О. В. Перфильева. М., 2013.

5. Гончарова Н. П., Максимова С. Г., Чевгун А. А. Проблемы и перспективы интеграции иностранных студентов в образовательную среду Алтайского государственного университета: экспертные оценки // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сборник материалов Международной научной конференции / под ред. С. Г. Максимовой. Барнаул, 2015.

Ж. И. Калгашкина (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ (на примере Алтайского края)

Научный руководитель — Н. А. Стерляева

В современных условиях школа является одним из важнейших институтов формирования личности [1]. От педагогов зависит качество образовательного процесса. В педагогическом коллективе, как и любом другом, если нет взаимопонимания и уважения, неизбежен конфликт, который зачастую негативно отражается на знаниях учеников, оказывает отрицательное влияние на психическое состояние и настроение конфликтующих. А истинный педагогический коллектив объединяет единомышленников, создает свою вос-

питательную систему, строит образовательный процесс на взаимодействии педагогов и учащихся. Результатом деятельности педагогического коллектива является создание единого воспитательно-образовательного учреждения, участниками которого наравне с педагогами выступают учащиеся. Кроме того, преодоление конфликтности учебно-воспитательного взаимодействия обусловлено потребностями школы. В этой связи важно изучать не только конкретные социальные конфликты, но и их взаимодействие и взаимозависимость [2].

В результате исследования типичных конфликтов в средней общеобразовательной школе № 12 Новоалтайска и Черемушкинской средней общеобразовательной школе Залесовского района Алтайского края были выявлены причины и основные формы проявления конфликтов в данных учреждениях. В ходе интервью с администрацией учебных заведений было отмечено, что ведущими причинами конфликтов являются распределение ресурсов и организационные моменты, а также столкновение мнений учителей «старой советской закалки» и «современной российской» по поводу методов преподавания.

Наибольшее число конфликтов в учительской среде вызывает проблема учебной нагрузки. Больше половины респондентов (87%) считают ее главной причиной внутришкольных конфликтов. Часть респондентов (34,1%) полагают, что поводом служат организационные моменты (составление расписания, распределение дежурства и т. д.), 20,4% опрошенных видят причины конфликтов в межличностной неприязни. Факторами роста напряженности и конфликтов в педагогической среде является незащищенность учителя от несправедливых обвинений со стороны других участников социально-педагогического процесса: администрации школы, работников вышестоящих органов образования, родителей, самих учащихся.

По данным исследования, 80% опрошенных учителей заявили о своей полной незащищенности. По мнению экспертов, учителя, проявляющие глубокий интерес к своему делу, чаще вступают в конфликты с представителями администрации и теми коллегами, которые формально относятся к своим обязанностям. А последние чаще конфликтуют со школьниками и их родителями.

Напряженную обстановку и конфликты в школьных коллективах также создают необоснованные, по мнению значительной части педагогов (65,3%), льготы и привилегии, которыми пользуются определенные категории сотрудников (например, представители школьной администрации, любимчики директора или завуча, члены школьным профкомов и др.).

Среди причин, влияющих на конфликтность в педагогическом коллективе, можно отметить отсутствие целостной и последовательной концепции новой образовательной политики (стратегии развития системы образования). Введение новой системы оплаты труда, ГИА, ЕГЭ, новые стандарты — все это в совокупности влияет на взаимоотношения внутри коллектива.

Исследование показало, что только 18,7% респондентов относятся положительно к изменениям в системе образования, остальные (81,3%) видят в ней негативную сторону. Также среди значимых минусов отмечено то, что ЕГЭ не дает в полной мере раскрыть креативность ребенка, его умение рассуждать и мыслить. Выбрав основные предметы для сдачи ЕГЭ или ГИА, ученик делает упор лишь на них, а про остальные предметы забывает, что в целом снижает качественные показатели его знаний [3].

При выявлении основных форм проявления типичных конфликтов в педагогических коллективах результаты проведенного исследования показали, что большинство (30,2%) респондентов выбрали сотрудничество в конфликте, так как все оппоненты были заинтересованы в его разрешении. Данная стратегия характеризуется высоким уровнем направленности как на собственные интересы, так и на интересы соперника, и отражает стремление противоборствующих сторон совместными усилиями разрешить возникшую проблему. Чуть меньше (25,6%) выбрали противоборство, характеризующееся тем, что человек исходит из оценки личных интересов в конфликте как высоких, а интересов своего соперника — как низких. При такой стратегии активно используются власть, сила закона, связи, авторитет и т. д. Часть опрошенных (20,9%) остановились на такой стратегии, как компромисс, которая не портит межличностные отношения и способствует их положительному развитию. Компромиссная стратегия поведения характеризуется балансом интересов конфликтующих сторон на среднем уровне. Стратегию уклонения выбрали 16,3% респондентов. Она характеризуется низким уровнем направленности на личные интересы и интересы соперника и является взаимной. При выборе данной стратегии межличностные отношения серьезным изменениям не подвергаются. И лишь 7% остановились на стратегии уступчивости, при которой направленность на личные интересы низкая, а оценка интересов соперника высокая, т. е. человек, принимающий данную стратегию, жертвует личными интересами в пользу интересов соперника. Данная стратегия является важным этапом на пути конструктивного разрешения конфликтной ситуации.

Что касается формы поведения в конфликте, то наиболее частой является уклонение от участия в конфликте (32,4%), 29,7% респондентов выбрали вариант ответа «другое», 21,6% остановились на посредничестве в конфликте, 5,4% ответили, что являются активными участниками в конфликте, такое же процентное соотношение получилось по наблюдению за конфликтом со стороны.

Чаще всего участниками в конфликте выступают отдельные педагоги, так считают 81% респондентов. Часть опрошенных (16,3%) ответили, что участниками конфликтов в коллективе выступают администрация и педагоги. Всего 2,7% респондентов считают, что весь коллектив выступает участником конфликта, 38,8% отмечают, что наибольшее число конфликтов возникает между учащимися и педагогами, между педагогами — 33,3%.

При изучении конфликтологической грамотности педагогов выявлены следующие результаты: 93,9% знают, что такое конфликт, и только 6,1% не знают его сущности. Большинство респондентов (58,9%) руководствуются собственным опытом при разрешении конфликтов. В основном это люди со стажем от 10 лет и более. Часть педагогов (20,5%) опираются на конфликтологические знания, 25,8% знакомы с конфликтологическими теориями. Они указали на учение К. Маркса о противоречии и развитии модели конфликта революционного класса и социального изменения, теории конфликта Л. Козера, Р. Дарендорфа, Г. Спенсера. Большая часть опрошенных (74,2%) не знают никаких теорий конфликта. Советами других людей при разрешении конфликта руководствуются 2,6% респондентов, 17,9% выбрали вариант ответа «другое».

Таким образом, необходимо помочь учителю овладеть конфликтологической грамотностью, так как именно от педагога зависит уровень конфликтогенности школьного социума. Для повышения уровня конфликтологической грамотности необходимы специальные курсы повышения квалификации, дополнительное конфликтологическое образование, изучение специальной литературы.

Школа как один из институтов социализации играет важную роль в воспитании человека, становлении его как личности. От взаимоотношений в коллективе зависит уровень знаний, получаемых учениками. В этой связи важным представляется изучение конфликтов в педагогических коллективах и профилактика их разрешения, что способствует повышению качества учебного процесса. Учителя и ученики будут тратить меньше времени, интеллектуальных и нравственных сил на борьбу, противоборства с оппонентом, а больше на продуктивную учебу и работу. Кроме того, конфликты оказывают отри-

цательное влияние на психическое состояние и настроение конфликтующих. Стресс, возникающий в ходе конфликтов, может стать причиной психологических расстройств. Поэтому своевременные профилактические меры положительно влияют на психологическое и физиологическое здоровье учителей и учеников.

Библиографический список

1. Замятина О. Н. Уровень культуры планирования жизни будущих специалистов как показатель социальной эффективности высшего образования в Сибирском регионе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 20.

2. Нагайцев В. В. Конфликтность населения в регионе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

3. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

А. Д. Абашина (Санкт-Петербург)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ

Образование — общественное благо и с этой точки зрения имеет наивысший приоритет при разработке целевых программ и иных международных политических документов. Наиболее распространенным подходом в настоящее время является признание права на образование в качестве компонента права на развитие. Так, Декларация ООН о праве на развитие 1986 г. позволяет выявить в праве на образование и праве на развитие ряд общих черт, таких как универсальность и неотчуждаемость.

Правовую основу международной защиты права на образование составляют положения ст. 26 Всеобщей декларации прав человека, ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция ЮНЕСКО о защите от дискриминации в образовании, а также — в части особенностей регулирования отношений в сфере образования отдельных наиболее уязвимых ка-

тегорий граждан — другие конвенции системы ООН (ст. 5 Конвенции о ликвидации расовой дискриминации, ст. 10 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ст. 28 Конвенции о правах ребенка, ст. 30 Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, ст. 24 Конвенции о правах инвалидов).

Право на образование признается международным сообществом не только как фундаментальное право человека само по себе, но и создающее условия для реализации всех остальных прав. Такой подход закреплен в новых Целях в области устойчивого развития 2015 г., утвержденных международным сообществом на саммите по устойчивому развитию 25–27 сентября 2015 г. на смену Целям тысячелетия. Цель 4 посвящена праву на качественное образование.

Инчхонская декларация, принятая на Всемирном форуме по образованию, прошедшем 19–22 мая 2015 г. в Республике Корея, признает образование основным «двигателем» развития человечества, устанавливает задачи обеспечения инклюзивного образования на основе принципа социальной справедливости для всех и на протяжении всей жизни. Эти два программных документа (Цель 4 и Инчхонская декларация) будут определять дальнейшее развитие права на образование в мире на период до 2030 г. При этом специалисты ООН отмечают, что международные нормы и в том числе международные стандарты права на образование занимают высокое место в иерархии норм в правовой системе России в соответствии с ее Конституцией (ч. 4 ст. 15).

Помимо системы договорных органов ООН, мониторингом реализации права на образование занимается и ЮНЕСКО в рамках Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г. (ст. 7 о предоставлении докладов), которую Россия ратифицировала в 1962 г.

Мониторинг исполнения Конвенции — это такое же обязательство подписавшего ее государства, как и само исполнение. В системе ЮНЕСКО существует Комитет по конвенциям и рекомендациям, в чьи полномочия входит мониторинг исполнения Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования. Эта функция осуществляется путем рассмотрения докладов стран-членов Конвенции.

Во всем мире проблемной является сфера правового регулирования образования наиболее уязвимых категорий граждан (дети мигрантов, кочевников, лиц, находящихся за чертой бедности). В связи с этим остро встает вопрос об обеспечении равенства возможностей в сфере образования, т. е. достижения не формального равенства,

а социальной справедливости, когда наибольшая помощь предоставляется наиболее нуждающимся. Цель обеспечения социальной справедливости как один из основных принципов механизма ООН по защите прав человека достижима не в последнюю очередь через образование [1, с. 8].

В отношении обязательного образования существует понимание того, что ответственность за организацию всеобщего школьного образования лежит совместно на родителях, государстве и школах. Одним только введением административных санкций против родителей, не обеспечивающих доступ ребенка к общему образованию, проблему доступности не решить. Согласно Целям в области устойчивого развития 2015 г., как минимум 9 лет школьного образования должны быть общедоступны и бесплатны для всех. Ведь именно посредством образования происходит передача не только ценностей в области человеческого достоинства и прав человека, но и значительного объема культурных, цивилизационных ценностей [2].

Наряду с этим в мире наблюдается тенденция к усилению гуманитарической миссии образования. Эта тенденция связана с функцией образования как инструмента передачи именно традиционных ценностей. При этом, как отмечается в Резолюциях Совета по правам человека о традиционных ценностях 2009, 2010 и 2011 гг., традиционные ценности должны находиться под защитой международного сообщества, но только в тех пределах, в которых они не противоречат международным стандартам прав человека. Поэтому образование должно оставаться общественным благом, а не услугой. В достижении данной цели следует придерживаться принципа солидарной ответственности общества и государства в реализации права на образование как общественного блага.

Библиографический список

1. Абашина А. Д., Бражник Е. И. Международные аспекты защиты прав детей и молодежи в вооруженном конфликте // Актуальные проблемы защиты прав детей и молодежи в России и за рубежом: правовые, социальные, психолого-педагогические, духовно-нравственные аспекты : материалы Международного науч.-практ. семинара / отв. ред. А. В. Кирилин. Тула, 2014.
2. Abashina A. Neglected child as a victim of a socio-dispositional conflict // Russian Sociology on the Move / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow, 2010.

Д. И. Михайлец (Барнаул)

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Научный руководитель — И. В. Антонович

Становление личности детей на современном этапе протекает в экстремальных условиях. Такая корреляция возникает в связи с весьма серьезными изменениями в политической, экономической, социальной, социокультурной подсистемах России. Развитие девиантного поведения школьников — тревожный показатель ухудшения нравственного, психического и физического здоровья общества. Очень важно согласование усилий различных социальных институтов в процессе успешного воспитания личности, а также воспитание в детях качеств сострадания и сопереживания. Одним из способов развития толерантности детей может служить вовлечение их в добровольческую деятельность.

Добровольчество для России — явление не новое. Ведь еще в XIX в. различные слои населения активно принимали участие в помощи нуждающимся, работая на безвозмездной основе в приютах, больницах, школах. Ситуация кардинально изменилась в годы советской власти, когда добровольчество приняло новую форму. Участвовать в общественных работах на безвозмездной основе принуждали. Таким образом, основной принцип явления соблюдать перестали, что способствовало возникновению негативного отношения к добровольчеству среди населения [1]. В XXI в. в России наблюдается формирование имиджа добровольчества. Согласно статистическим данным, 40% взрослого населения России хотят заниматься добровольчеством [2]. Но зачастую взрослым сложно начать заниматься этой деятельностью по причине недостаточной осведомленности. Что касается детей, то им сложнее вдвойне, если не создана такая возможность на базе школ, то шансы ребенку стать добровольцем сводятся к нулю. При участии молодежи в добровольчестве решаются многие социальные проблемы и задачи [3]. Необходимость участия детей в данном процессе сложно переоценить. Ведь многие специалисты уверены, что при участии детей в добровольчестве решаются сразу две задачи: помощь нуждающимся, нравственное воспитание молодого поколения и, как следствие, профилактика девиантного поведения.

Наличие проблем в воспитании школьников выделяют ученые не только России, но и многих западных стран, Америки. Согласно

проведенным исследованиям Национального института внешкольного времени (WellesleyCollege), 71% респондентов говорят о том, что для родителей, работающих более 40 часов в неделю, основной проблемой является недостаток времени, проводимого с детьми. Как результат, снижаются показатели в учебе, увеличивается количество случайных травм и повреждений, растет процент учащихся, отчисленных из школы. Однако если дети являются членами какой-либо детской общественной организации социально-педагогической направленности, то они имеют лучший эмоциональный настрой, отношения с окружающими, возможности разрешения конфликтных ситуаций, по сравнению с детьми, не являющимися членами подобных структур. Подростки, проводящие 1–4 часа в неделю в полезной и интересной деятельности, на 40% реже употребляют наркотики и на 37% реже вступают в ранние половые связи [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что организация добровольческой деятельности в школах, где фиксируется развитие девиантного поведения, а также экстремистских настроений, может способствовать развитию позитивной атмосферы. 29 октября 2015 г. Президент России Владимир Путин подписал указ о создании общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников». Это движение будет иметь очевидный позитивный аспект, играя важнейшую роль в одной из главных задач системы образования — воспитании и социализации учеников.

В современной России именно инициативное детско-молодежное общественное движение, использующее волонтерскую деятельность в педагогической практике, может стать одним из важнейших средств воспитания школьников.

Библиографический список

1. Антонович И. В., Калинина Ю. А. Благотворительность и добровольчество в России: история и перспективы развития : учебное пособие. Барнаул, 2014.
2. Потенциал пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М., 2010.
3. Антонович И. В. Вектор молодежного добровольчества в России на современном этапе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2014.
4. Акимова Е. В. Педагогическая волонтерская деятельность в работе с дезадаптированными подростками : методические рекомендации. Рязань, 2005.

А. А. Борщ (Новосибирск)

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Развернувшаяся в России начала XXI в. масштабная работа по модернизации всей системы образования, а в особенности высшего профессионального образования, во многом была осложнена не только начавшимся внедрением госстандартов третьего поколения, но и процессом подготовки к реальному вхождению системы образования нашей страны в Болонский процесс, в модернизирующееся европейское образовательное пространство. На фоне этого развернулась дискуссия о базовых критериях оценки качества образования, которая сегодня в основном завершена в пользу компетентностного подхода, заявленного в рамках Болонского процесса.

До настоящего времени педагогическая наука не дает аргументированных ответов на многие вопросы, относящиеся к существенным характеристикам ценностных ориентаций курсантов в военных институтах внутренних войск МВД России, средствам и педагогическим условиям ее совершенствования, что привело к возникновению ряда противоречий:

во-первых, между признанием на государственном уровне потребности в военных специалистах, ответственных за судьбу страны, ее военное могущество и распространенность среди курсантов военных институтов эгоизма, ориентаций на личное благополучие и прагматических (меркантильных) ценностей, равнодушного отношения к обществу и его нормам;

во-вторых, между социально-педагогическим потенциалом системы смысложизненных ценностных ориентаций основы жизненных стратегий и отсутствием научного обоснования возможности последних в процессе подготовки офицеров и педагогических условий, способствующих их эффективной реализации и совершенствованию.

Так, неясность перспектив системы военного образования порождает дальнейшее падение престижа системы в целом, педагогического труда и профессии офицера в обществе. Сегодня в обществе много рассуждают о качестве образования. Военное образование — органичная часть системы высшего образования в России. Говоря о качестве образования в военном вузе, следует начать с рассмотре-

ния качества высшего профессионального образования в целом, где особую роль играют те ценностные ориентации, которые формируют личность, детерминируют ее поведение и деятельность, определяют выбор и особенности освоения профессии. В настоящее время отмечается значительное расхождение между индивидуальной и общественно принятой системами ценностей в конкретной социальной среде. Изменение ориентиров привело к тому, что идеальный образ профессии значительно сместился в сторону представлений об «идеальном образе жизни».

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что попытки реформирования военных институтов внутренних войск МВД России, задуманные как «административные мероприятия», провалились, поскольку не учитывалась культуросозидающая, духовная сторона воспитания будущих сотрудников внутренних войск МВД России.

Профессия офицера предполагает сочетание обширных знаний с высокими нравственными качествами и наличие гуманистических ценностных ориентаций, что в свою очередь предполагает расширенное понимание «культуры» как категории, в которую органично входит физическая культура и спорт как социальный институт. Поэтому изменения в системе высшего образования связаны не только с изменением общей концепции государства, но и с требованиями нравственно-психологической подготовки будущих офицеров внутренних войск МВД России.

Каждая из наук социально-гуманитарного цикла — философия, этика, социальная философия, социология, культурология, политология — исследует свой аспект ценностей и ценностных ориентаций. А «единство социальных и гуманитарных наук не может быть адекватным без третьего обязательного элемента; помимо общества и человека, это культура. Для многих наук культура — это совокупность артефактов, для многих — сочетание норм и ценностей, для социологии культура представляет собой «мостик» от общества к человеку и наоборот» [1, с. 17].

Анализ факторов наличия в системе военного образования связей взаимодействия и взаимовлияния внешней (социальной) и внутренней (образовательной) среды показывает, что в процессе его получения на курсанта специфическим образом воздействуют общесоциологические закономерности развития общества в целом и военного дела в частности.

Формирование смысложизненных ценностных ориентаций у курсантов военных институтов как будущих офицеров относится к числу весьма важных и актуальных проблем современной военной шко-

лы, обеспечивая высокое качество подготовки военных специалистов. Поэтому важен пересмотр и выход за рамки традиционных подходов к обучению профессиональным навыкам, основанным на социокультурных принципах, уважении к традициям и религиям других народов, соблюдении прав человека и гражданина.

В настоящее время, с учётом изменений в экономической, политической и социальной жизни общества, которые привели к необходимости перестройки всей современной образовательной системы в целом и к реформированию системы высшего профессионального образования в целом и в военных институтах внутренних войск МВД России в частности, наибольшую актуальность приобретают вопросы физической подготовки курсантов, их служебно-боевая подготовка и социально-образовательная культура.

Рассматривая физическую культуру как органическую часть общечеловеческой культуры, как ее особую самостоятельную область, также важно учитывать и роль физической культуры как элемента воспитательно-образовательной социализации курсантов внутренних войск МВД России. Вместе с тем физическая культура — это специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и способ физического совершенствования личности. Физическая культура воздействует на жизненно важные стороны индивида, полученные в виде задатков, которые передаются генетически и развиваются в процессе жизни под влиянием воспитания, деятельности и окружающей среды. Физическая культура удовлетворяет социальные потребности в общении, игре, развлечении, в некоторых формах самовыражения личности через социально активную полезную деятельность.

Эффективность процессов становления личности сотрудника внутренних войск МВД России, его физическое, социальное и личностное благополучие в жизни и профессиональной деятельности в существенной мере зависят от осознанности и сформированности ценностных установок на физическую активность и здоровьесбережение для себя и выработки гуманного отношения в профессиональной работе с гражданами.

М. Е. Кутепов в работе «Ценности в области физической культуры и спорта как предмет социологического анализа» выделяет, помимо других, ценности-знания, которые «определяют упорядоченную систему теоретико-методологических, научно-практических (философских, социологических, психолого-педагогических, медико-биологических) и специальных знаний, касающихся природы физкультурно-спортивной деятельности и умения её использовать» [2, с. 32–37].

В рамках физической культуры выделяют культуру движения, культуру телосложения, культуру физического здоровья. Физическая культура в своём методологическом воплощении предстаёт, во-первых, частью общей культуры; во-вторых, социализацией личности в процессе ее овладения ценностями физической культуры.

Так, современное осмысление физической культуры как социального явления оказывает значительное влияние на формирование общей культуры личности и общества в целом. Содержанием культуры является развитие самого человека, где деятельная сторона выступает ведущей, ибо только через деятельность он удовлетворяет свои потребности и передаёт накапливаемый опыт. Личность, как известно, не усваивает культуру общества в целом — она осваивает лишь то, что связано с её непосредственной духовно-практической деятельностью [3].

Социальное содержание современного института спорта и его социокультурная ценность конкретизируются следующими функциями по отношению к различным слоям общества:

- 1) социально-политическими;
- 2) воспитательными и образовательными;
- 3) культурными;
- 4) экономическими с позиции подготовки трудовых ресурсов для производственной сферы;
- 5) организации досуга и отдыха.

Концептуальные направления физкультурно-спортивного образования в современной высшей школе объясняются следующими положениями: интенсивной социальной, экологической, национально-этнической ситуациями в мире, требующими высокого потенциала здоровья человека; недостаточно высокой оценкой в социальной практике роли физической культуры и спорта в формировании личности и укреплении здоровья; недостаточной мотивацией молодежи к физическими упражнениями, когда подвергаются сомнению или отрицанию оздоровительные ценности физической культуры; противоречиями между массовым спортом и спортом высших достижений, который приобретает все более элитарный характер; второстепенной ролью, которая отводится занятиям физическими упражнениями и спортивной деятельностью в вузах [4].

Физическая культура, будучи структурным образованием социологии культуры как уровня социологического знания, наиболее часто употребляется в двух аспектах:

- рассматривается как часть общей культуры, компонент образа жизни;

— трактуется как специфическая реальность, социальный процесс по овладению ценностями особого вида (аспекта) культуры, называемой физической культурой.

Итак, физическую культуру следует рассматривать как особый род культурной деятельности, результаты которой полезны для общества и личности. В социальной жизни в системе образования, воспитания, в сфере организации труда, повседневного быта, здорового отдыха физическая культура проявляет свое воспитательное, образовательное, оздоровительное, экономическое и общекультурное значение, способствует возникновению такого социального течения, как физкультурное движение, т. е. совместная деятельность людей по использованию, распространению и приумножению ценностей физической культуры.

Библиографический список

1. Попов Е. А. Специфика междисциплинарности в социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.
2. Кутепов М. Е. Ценности в области физической культуры и спорта как предмет социологического анализа. М., 1985.
3. Барчуков И. С., Нестеров И. С. Физическая культура и спорт: методология, теория, практика / под общ. ред. Н. Н. Маликова. М., 2008.
4. Голованова Н. Ф. Общая педагогика. СПб., 2005.

Д. А. Омельченко, И. В. Дергунова (Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ МЕЖДУ СТРАНАМИ ШОС (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)*

В настоящее время все большую роль в жизни общества стали играть международные программы и проекты, посредством которых происходит позиционирование страны на мировой арене и в мас-

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта № 3324: «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участниками ШОС в период председательства России в 2014–2015 годах».

совом сознании, распространение национальных ценностей и культуры. Для России, претендующей на особую миссию в поддержании мирового порядка, желающей интегрироваться в мировые информационное, культурное, образовательное и научное пространства, реализация внешнеполитических интересов посредством «мягких» стратегий, общественной дипломатии оказывается наиболее подходящей стратегией [1].

В нашей стране имеются большой потенциал и опыт деятельности для продвижения такого рода проектов, созданы соответствующие государственные и общественные структуры [2]. Так, одним из таких институтов является Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации (Россотрудничество), имеющий свои представительства во многих странах мира, основными задачами которых является укрепление международного авторитета Российской Федерации, пропаганда российских духовных традиций и достижений России в области науки, культуры и искусства; распространение объективной и достоверной информации о российской истории, социально-экономической, культурной и духовной жизни, внутренней и внешней политике Российской Федерации; информационное обеспечение внешнеполитических акций России, расширение поддержки соотечественников за рубежом [3].

Кроме того, Россия обладает мощным ресурсом международного сотрудничества в рамках высшей школы, реализующих масштабные программы, как элемента академической мобильности. В российской высшей школе большее интеграционное движение отмечается в европейском направлении. Вместе с тем и европейский, и относительно новый азиатский векторы интеграции российской системы высшего образования требуют необходимость обеспечения высокого качества, отвечающего самым современным и актуальным стандартам международного признания.

Одной из крупнейших и динамично развивающихся многосторонних и многопрофильных объединений азиатских государств является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Создание ШОС является убедительным свидетельством формирования многополюсного глобального управления на региональном уровне, попытки построения демократичных международных отношений на основе кооперативного подхода и так называемого шанхайского духа, учитывающего интересы и мнения всех участников, многообразие культур и традиций.

Российская Федерация в своей внешнеполитической деятельности отводит особое место «дальнейшему укреплению ШОС, продвижению ее инициативы по созданию сети партнерских связей между всеми интеграционными объединениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [4]. В 2014–2015 гг. на Россию была возложена почетная и ответственная миссия председательства в ШОС. Одним из важнейших приоритетов, наряду с обеспечением региональной и экономической безопасности, являлось наращивание культурных и гуманитарных связей, в том числе активизация молодежных обменов и туризма, развитие сетевых форм молодежного образования в рамках Университета ШОС, созданного в 2008 г. и объединившего более 70 университетов Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Белоруссии и России.

В этой связи в рамках проекта № 3324 «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участниками ШОС в период председательства России в 2014–2015 годах», реализованного при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проведены выборочный анкетный опрос участников программ молодежных обменов ($n = 449$) и опрос экспертов ($n = 21$). В анкетировании приняли участие граждане России (21,2%), Китая (22,3%), Казахстана (15,6%), Таджикистана (15,6%), Кыргызстана (14,7%). Граждане других государств, включая Узбекистан, составили 10,7% выборочной совокупности. Средний возраст участников программ международной мобильности — 22 года. В экспертном опросе приняли участие представители четырех государств-участников ШОС — Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики. Все опрошенные в своих странах курируют направления работы, связанные с организацией молодежных международных и межрегиональных обменов, преимущественно в сфере обмена научными, исследовательскими и студенческими кадрами.

Анализ результатов исследования показал, что более половины опрошенных ранее принимали участие в программах международных молодежных обменов. Наиболее активными в этом плане являются молодые граждане России и Кыргызстана, продемонстрировавшие свою мобильность несколько раз. Наименьшей мобильностью отличается молодежь, приехавшая из Китая и Казахстана.

Основными трудностями в процессе реализации программы обмена, по мнению участников, являются для граждан России языковые проблемы, информационные перегрузки и трудности, связанные

с оформлением документов; для граждан Китая — языковые проблемы, трудности проживания и трудности, связанные с оформлением документов; для граждан Таджикистана — языковые проблемы, трудности проживания, информационные перегрузки, связанные с интенсивностью программы мобильности. Молодые граждане Казахстана и Кыргызстана чаще не испытывают трудностей во время участия в программе обмена. Участники образовательно-академических обменов в основном сталкиваются с проблемами длительного характера (язык, проживание, оформление документов, информационные перегрузки), тогда как участники молодежных культурных обменов такие трудности испытывают в меньшей степени.

По мнению экспертов, проблемы развития молодежных обменов заключаются в следующем: недостаточность правовой базы обменов по линии ШОС во всех странах-участницах; отсутствие унифицированных образовательных стандартов и программ; административные барьеры при прохождении визовых процедур; недостаточность финансового обеспечения программ молодежных обменов, отсутствие или несовершенство системы грантовой поддержки академических и иных видов молодежных обменов; языковые трудности; недостаточная мотивация молодежи к участию в обменах между странами-участницами ШОС.

Большие перспективы развития молодежных обменов эксперты связывают с культурной сферой, имеющей большой потенциал в плане привлечения молодежи с целью культурного развития, знакомства с культурными особенностями разных народов и государств. В этом плане перспективными представляются и языковые обмены. Существенно большим потенциалом молодежные обмены обладают в сфере научного и образовательного сотрудничества. Максимально перспективным являются академические обмены молодежи, которые позволяют развивать образовательные технологии, подготовку молодых профессиональных кадров по разным направлениям. В этом контексте развитие партнерских взаимоотношений с вузами зависит от реализации совместных образовательных программ. Также перспективным направлением является развитие молодежного предпринимательства, особенно в инновационной сфере.

В целом молодежные обмены, способствуя интернационализации образования, формированию единого образовательного пространства и единого кадрового резерва стран ШОС, тем не менее, связаны с рядом сложностей как нормативно-правового, организационного, так и субъективного характера. Однако динамика и перспективы их развития в странах-участницах ШОС в последние годы мо-

гут стать важным шагом на пути к активизации молодежной активности и налаживания более тесных связей между этими странами.

Библиографический список

1. Максимова С. Г. Методологические подходы к анализу ментальных репрезентаций «образа другого» // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

2. Авдеева Г. С. О некоторых особенностях современной российской государственной молодежной политики // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2011.

3. Направления деятельности Россотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru> (дата обращения 10.11.2015).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения 10.11.2015).

И. В. Дергунова (Барнаул)

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ

Научный руководитель — Н. П. Гончарова

Академическая мобильность студентов является одной из основных идей Болонского процесса. Эта мобильность представляет собой перемещение студентов высших учебных заведений на определенный период времени в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны и выступает как одна из форм образовательного процесса [1, с. 68–74].

Организация академической мобильности в Российской Федерации регулируется рядом документов, основным из которых является Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г., где в пункте 2 статьи 57 «Международное сотрудничество Российской Федерации» говорится о том, что органы, осуществляющие управление в сфере образования, и образовательные учреждения имеют право устанавливать прямые связи с иностранными предприятиями, учреждениями и организациями. В пункте 3 этой же статьи отмечается, что обучение, подготовка и повышение квалификации иностран-

ных граждан в образовательных учреждениях Российской Федерации, так же, как и граждан Российской Федерации в иностранных образовательных учреждениях, осуществляются по прямым договорам, заключаемым между образовательными учреждениями, ассоциациями, органами, осуществляющими управление в сфере образования и иными юридическими лицами, а также физическими лицами в соответствии с международными договорами Российской Федерации [2].

Основными принципами академической мобильности можно считать следующие:

1. Обучение студента в образовательном учреждении осуществляется на протяжении определенного периода времени (семестр, год и т. д.).

2. Обучение производится на языке страны, в которой находится студент, или на английском. По этому же принципу осуществляются итоговые испытания для студента.

3. Приоритетным считается получение студентом двойных и совместных дипломов.

4. Обучение по программам мобильности для студента является бесплатным.

Студенты, которые участвуют в программах академической мобильности, делятся на два вида. Первые — это студенты, которые отправляются в другие образовательные учреждения по собственной инициативе, естественно, на основе самофинансирования. И вторые — это студенты, которые являются участниками программ молодежного обмена на базе какой-либо кафедры, факультета, вуза, иного образовательного учреждения [3, с. 55–58].

Основными формами осуществления академической мобильности студентов являются: обучение в течение семестра или года в другом образовательном учреждении; участие в конференциях или семинарах; сбор данных для исследовательской работы; участие в летних школах.

При осуществлении обменов посредством академической мобильности существует ряд препятствий. Это культурные, социально-экономические, академические барьеры, барьеры в сфере признания совместных дипломов. Одной из попыток снизить перечисленные преграды, создать единую образовательную среду является Болонский процесс [4].

Академическая мобильность служит социальным лифтом не только для самих участников обмена, но и для вузов, участвующих в программах обмена. Академическая мобильность позволяет поднять имидж образовательного учреждения на более высокий уровень. Также академическая мобильность позволяет укреплять позиции региона и страны на мировом уровне. Странам и организациям, осуществ-

вляющим академическую мобильность, следует принимать различные меры по поддержке и развитию молодежных международных обменов. Это должна быть материальная поддержка обменов, усиление информирования потенциальных участников о программах академической мобильности, развитие нормативно-методического обеспечения мобильности.

Библиографический список

1. Трофимова Ю. В., Гончарова Н. П. Академическая мобильность как условие миграции // Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России: проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции : сборник материалов международных научных мероприятий / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул, 2013.

2. Микова И. М. Академическая мобильность студентов в вузах России // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2010. № 26.

3. Гончарова Н. П., Тарасова Е. В. Миграционная мобильность учащейся молодежи: региональный аспект // Модернизация профессионального образования в России и мире: новое качество роста : материалы Международного образовательного форума «Алтай — Азия 2012» (18–20 сентября 2012 г., Барнаул). Барнаул, 2012.

4. Полозова О. С. Академическая мобильность в контексте инноваций современного высшего профессионального образования // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1.

Л. В. Котова (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научный руководитель — О. Т. Кростелева

В сложившейся социокультурной ситуации явно обостряется противоречие между требованиями, предъявляемыми к уровню правовой культуры руководителей системы общего образования, с одной стороны, и отсутствием целостной системы ее формирования — с другой.

Руководитель общеобразовательного учреждения формирует организационную культуру школы и ее правовую культуру. От того, как он относится к выполнению законов и иных нормативно-право-

вых актов, в какой степени он уважает права других участников образовательного процесса, зависит общая правовая атмосфера в учебном заведении. Именно в школе будущий гражданин может убедиться, что правовые нормы — не пустой звук, а практический инструмент разумного регулирования отношений человека с человеком, человека с обществом, человека с государством [1, с. 128].

Эффективность работы образовательного учреждения, удовлетворенность качеством получаемых образовательных услуг родителей и детей, условиями работы и желание развиваться в профессиональном плане, — все это во многом зависит от умелого использования знаний основ права всеми работниками образования, в первую очередь руководителями.

Правовая культура руководителя понимается как совокупность личностных и профессиональных качеств, необходимых для эффективного решения разнотипных правовых задач в образовательном процессе. Она выражается в достигнутом уровне правового мышления (правосознания) и правовой грамотности, обеспечивающих его правовую направленность и законосообразную педагогическую и управленческую деятельность.

Значимость педагогических условий формирования правовой культуры руководителей образовательных организаций состоит в том, что необходим комплексный подход к осмыслению сущности понятия правовой культуры. Правовая культура управленцев в образовательной сфере является частью общей культуры личности и педагогической культуры в частности. Эта система профессионально необходимых правовых взглядов, представлений и чувств, развитых на определенном высоком уровне, направленная на формирование знаний, умений и навыков, обеспечивающих правовое поведение и эффективную деятельность по правовой организации работы педагогов, правовому воспитанию школьников.

Эффективность управления образовательным учреждением на сегодняшний день во многом зависит от умелого использования знаний правовых основ трудового, гражданского, семейного, международного законодательства, хозяйственной деятельности, знаний нормативно-правовых актов и умений их применять на практике. Профессиональное управление современным инновационным образовательным учреждением практически невозможно без работы с правовой информацией (документы, материалы), без её активного использования в процессе управления [1, с. 127].

Интересным и справедливым видится мнение Л. П. Погребняк о том, что «высокий уровень правовой культуры должностных лиц яв-

ляется гарантом создания в учебном заведении правового пространства, где только право выступает как совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [2, с. 34].

Высокая правовая культура должностных лиц является условием обеспечения реализации субъективных прав и юридических обязанностей в обществе, гарантией соблюдения законности и правопорядка. Согласно применению ст. 285 УК РФ, должностными лицами являются индивиды, которые постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти либо выполняют организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях. Они должны осуществлять своевременный и качественный учет в законодательстве новых тенденций и потребностей развития общества, демократические основы подготовки и принятия новых нормативных решений, активное использование выработанных мировой практикой правил законодательной техники. В юридической и психологической литературе все чаще обращается внимание на личные качества должностных лиц, необходимые для работы в государственном аппарате: интеллектуальные, характерологические, коммуникативные качества, принципиальность, самостоятельность и др. [3].

Перечисленные черты должны быть характерны для деятельности руководителей на всех уровнях управления образовательным учреждением, призванных обеспечить осуществление прав и свобод ребенка, его родителей и педагогов. Важное значение в управленческой деятельности руководителя имеет сотрудничество, предполагающее тесное взаимодействие, постоянный диалог образовательных учреждений с городской (районной) администрацией, правоохранительными органами, общественными объединениями и организациями, что позволит укреплению законности и правопорядка.

Роль формирования правовой компетентности заключается в применении теоретической, образовательной и практической деятельности. Теоретическая деятельность может фиксировать следующие моменты:

- четкое отражение в локальных актах структуры формальной организации школы, ее юридическое подкрепление в соответствующих документах всех органов самоуправления;
- наличие в школе правовых документов, нормативных положений, их доступность для учителей, родителей, школьников;
- наличие доски объявлений и приказов, ее состояние и содержание;

- степень структурированности правовой информации;
- содержание издаваемых администрацией школы распоряжений и приказов.

Образовательная деятельность предполагает систематическое повышение квалификации руководителей образовательных учреждений, в том числе и в области правового регулирования деятельности образовательного учреждения. Практическая деятельность включает в себя правотворчество, правореализацию и правоприменение. В свою очередь это предполагает ответы на следующие вопросы:

- Знакомят ли поступающих на работу с их правами и обязанностями?
- Заключают ли контракт с поступающим на работу?
- Знакомит ли администрация школы учителей с нормативными актами?
 - Как часто используются документы, регулирующие деятельность школы, администрацией? В каких случаях к ним обращаются?
 - Обращаются ли к нормативным документам учителя и учащиеся?
 - Стимулирует ли администрация развитие общественных организаций, органов самоуправления в школе?
 - Насколько часто проводятся собрания органов самоуправления?
 - Согласовывает ли администрация школы свои действия с решениями органов самоуправления? Осуществляется ли сотрудничество с этими органами? Как распределены полномочия?
 - Имеются ли факты нарушения прав учителей со стороны администрации школы?
 - Рассказывают ли учителя детям об их правах и обязанностях в школе и других сферах общественной жизни? Проводится ли работа по правовому просвещению школьников? Если да, то в каком объеме?
 - Нарушают ли педагогические работники школы права ребенка на личное достоинство и уважение? Применяют ли в отношении к детям психическое давление, оскорбление, физическое воздействие?
 - На каких основаниях строятся нормы и критерии оценки педагогами учебной деятельности учащихся — на формально-правовых или субъективных?
 - Каким образом поддерживается дисциплина в школе? Насколько жесткие требования предъявляются к ней?
 - Какова статистика нарушений дисциплины со стороны как учителей, так и школьников? [4, с. 75].

Проблема правовой компетентности управленца достаточно актуальна, ее решение зависит от развития личностного потенциала и формирования профессиональной компетентности руководителя

образовательного учреждения в данной области, являющейся важным фактором повышения качества управления образованием. А это в свою очередь напрямую влияет на повышение эффективности учебно-воспитательного процесса.

Библиографический список

1. Мягкова С. В. Формирование правовой компетентности директора школы в современных условиях // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5.
2. Погребняк Л. П. Правовые основы функционирования и развития образовательного учреждения. М., 2003.
3. Селюков Ф. Т. Руководитель и подчиненный в системе управления. М., 2009.
4. Калининская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры: правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 2010.

Е. В. Полежайкина (Барнаул)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ УСТАНОВОК КУРСАНТОВ ВУЗА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Правосознание — это восприятие и видение правовых явлений всеми субъектами норм права. Оно является одной из форм общественного сознания, которое представляет собой совокупность или систему правовых взглядов, идей, убеждений, оценок, теорий, представлений, настроений, чувств, в которых отражается отношение граждан, общественных групп к настоящему или желаемому праву, равно к правовым явлениям в политической сфере общества [1, с. 201–207].

Право и правовое сознание тесно связаны друг с другом. Данная связь может проявляться во влиянии правового сознания на само право, так и во влиянии права на правовое сознание. Также данное влияние и связь могут проявляться в формировании права и быть заметны на завершающей стадии — правотворчества. Сущность данной стадии заключается в том, что благодаря правовому сознанию вырабатывается представление о необходимости принятия нормативно-правовых актов [2, с. 69–74]. Уровень правового сознания и правовой культуры необходим абсолютно для всех субъектов, которые участвуют в процессе нормотворчества.

Также в большей степени правовое сознание оказывает влияние на порядок и соблюдение законов. Оно корректирует форму общественного сознания обывателей, а также играет большую роль в процессе повышения уровня правовой культуры, приближает индивидуальное сознание к общественному. Кстати, уместно заметить, что уровень правового сознания всех граждан общества зависит от соблюдения требований законодательства [3, с. 48–56].

Правовое сознание является важнейшим элементом, выполняющим главную роль в процессах применения правовых норм. В настоящее время не существует нужной нормы права, где бы правовое сознание могло являться основой при решении по различным юридическим делам, а также когда происходит привлечение к уголовной ответственности. Следует заметить, что правосознание не может быть использовано как источник права.

Правовое сознание как часть самосознания представляет собой особую сферу, в которой человек осознает и создает своё отношение к каким-либо правовым явлениям. Знание установок личности, которые побуждают самосознание обращаться к определенному правовому поведению, — это очень важная составляющая. Помимо этого, по развитию самосознания и правосознания можно выявлять лиц с низким или высоким уровнями данных параметров, а в дальнейшем повышать уровень их правового сознания и, как следствие, самосознания.

Особенно важным становится проблема изучения становления правового сознания у курсантов, чья будущая профессия связана с непосредственной работой в органах внутренних дел [4, с. 149–154], определяя соотношение инициативности и ответственности в профессиональной деятельности [5, с. 208–211]. Профессиональная деятельность требует колоссальной работы над собой как в физическом, так и в психологическом планах. Недостаток профессиональной, психологической, служебной подготовки приводит к деформации правосознания.

Основой нашего исследования выступила теория морального и нравственного развития Л. Колберга, который определил три основных уровня моральных суждений: предконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный, каждый из этих уровней подразделяется на две стадии. Общая логика теории Л. Колберга основывается на выделении двух значимых закономерностей: на начальном этапе суждения основываются на внешних последствиях, а позднее — на интернализованных моральных принципах; вначале суждения характеризуются высоким уровнем конкретности, а позднее становятся абстрактными. Теорию Л. Колберга можно рассматри-

вать по отношению к правосознанию, так как она направлена на изучение морально-нравственных установок, которые, как мы понимаем, лежат в основе правового сознания.

С целью изучения установок курсантов Барнаульского юридического института (БЮИ), характеризующих отношение к соблюдению положений Устава БЮИ МВД России, нами была разработана анкета. В исследовании приняли участие 40 курсантов 3-го курса, которым предлагалось оценить по семибалльной шкале частоту соблюдения правил Устава знакомыми им лично курсантами младших и старших курсов, а также перечислить причины соблюдения ими норм Устава БЮИ МВД России.

Нами анализировались значения шкалы от 4 до 7 баллов, что говорит о высокой частоте соблюдения правил Устава. Подавляющее большинство респондентов отметили, что знакомые им курсанты, как младших, так и старших курсов, часто соблюдают правила. Однако нами зафиксировано разное количество курсантов с высокой частотой соблюдения различных правил Устава. Так, высокая частота соблюдения правил: ношение форменной одежды присуще 87,5% курсантов младших курсов и 80% курсантов старших курсов; несение службы во внутреннем наряде характерно для 80% курсантов младших курсов и 75% курсантов старших курсов; готовность к учебным занятиям выявлена у 82,5% курсантов младших курсов и 65% курсантов старших курсов; беспрекословное и точное выполнение приказов присуще 95% курсантов младших курсов и 75% курсантов старших курсов; вежливость и тактичность зафиксированы у 85% курсантов как младших, так и старших курсов.

Данные показывают, что соблюдение положений устава курсантами младших и старших курсов существенно не различаются, но они незначительно выше у курсантов младших курсов. Но более существенные различия нами выявлены в причинах соблюдения правил, регламентированных уставом учебного учреждения.

На следующем этапе анализа полученных данных мы проанализировали ответы о причинах соблюдения правил, закрепленных в Уставе БЮИ МВД России, соотнося их с характеристиками уровней моральных суждений Л. Колберга. Так, к первому предконвенциональному уровню морального развития, основанному на наказаниях и вознаграждениях, нами были отнесены такие объяснения причин: *«командиры контролируют»*, *«страх наказания»* и т. п. Ко второму — конвенциональному — уровню, основанному на подчинении социальным нормам, были отнесены такие объяснения причин: *«хорошее отношение с преподавателями»*, *«желание показать при-*

мер» К третьему — постконвенциональному — уровню, основанному на моральных принципах, были отнесены такие объяснения причин: «внутренние убеждения», «ответственность».

Анализируя причины соблюдения рассматриваемых нами правил, регламентированных уставом учебного учреждения, мы выявили, что к постконвенциональному уровню морального развития относится большее количество курсантов старших курсов в сравнении с курсантами младших курсов. Так, к высшему постконвенциональному уровню морального развития относятся причины соблюдения правил: ношение форменной одежды присуще 43% курсантов старших курсов (22% курсантов младших курсов); несение службы во внутреннем наряде характерно для 82% курсантов старших курсов (61% курсантов младших курсов); готовность к учебным занятиям выявлена у 27% курсантов старших курсов (11% курсантов младших курсов); беспрекословное и точное выполнение приказов присуще 47% курсантов старших курсов (33% курсантов младших курсов); вежливость и тактичность зафиксированы у 67% курсантов старших курсов (51% курсантов младших курсов).

Если же рассматривать распределение ответов с точки зрения конвенционального и постконвенционального уровней морального развития, которые, по Л. Колбергу, отражают выраженную и высокую моральную зрелость, причины соблюдения правил у курсантов старших и младших курсов распределились следующим образом: ношение форменной одежды присуще 70% курсантов старших курсов (43% курсантов младших курсов); несение службы во внутреннем наряде характерно для 90% курсантов старших курсов (69% курсантов младших курсов); готовность к учебным занятиям выявлена у 50% курсантов старших курсов (34% курсантов младших курсов); беспрекословное и точное выполнение приказов присуще 59% курсантов старших курсов (41% курсантов младших курсов); вежливость и тактичность зафиксированы у 72% курсантов старших курсов (66% курсантов младших курсов).

Полученные данные позволяют нам говорить о том, что в процессе обучения происходит трансформация морально-нравственных установок: увеличивается доля суждений о причинах соблюдения норм, соответствующих постконвенциональному (высокому) уровню морального развития, лежащему в основе правового сознания.

Библиографический список

1. Лукьянова Е. Г. Теория права и государства: введение в естественно-правовую курс. М., 2011.

2. Юрашевич Н. М. Правосознание и право: общность и различия // Государство и право. 2005. № 7.

3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1994. Т. 4.

4. Галиева Р. Д. Проблемы использования результатов изучения общественного мнения в деятельности МВД Российской Федерации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 5. Барнаул, 2013.

5. Трофимова Ю. В., Долженко В. Ю. Ответственность и инициативность курсантов на этапе профессиональной подготовки в вузе МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы Девятой Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2011.

С. Г. Чудова (Барнаул)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: СОГЛАСОВАННОСТЬ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ

Одним из важнейших вопросов в сфере организации социального обслуживания населения в настоящее время является согласование федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов соответствующих видов профессиональной деятельности. При этом профессиональный стандарт — это документ, раскрывающий содержание профессиональной деятельности в рамках определенного вида экономической деятельности, а также требования к квалификации работников, а образовательный стандарт — нормативный документ, определяющий совокупность требований к результатам освоения основной образовательной программы, ее структуре и условиям реализации. Профессиональные и образовательные стандарты являются элементами единой национальной системы квалификаций — комплекса взаимосвязанных документов, обеспечивающих взаимодействие сфер профессионального образования и труда в целях повышения качества подготовки работников и их конкурентоспособности на рынке труда.

В области социальной работы образовательные стандарты подготовки бакалавров и магистров по социальной работе постепенно

вытесняют обучение специалистов. Однако синхронизировать документы, определяющие содержание высшего профессионального образования, и требования профессиональных функций специалистов социальной работы, стало возможным с принятием профессиональных стандартов. При этом важно отметить, что с 2015 г. система социальной защиты, помимо введения в действие профессиональных стандартов реформируется в связи с введением новых норм и механизмов, обусловленных вступлением в силу Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442 от 28 декабря 2013 г. [1, с. 270–275]. И это очень серьезные и масштабные преобразовательные процессы.

Появление профессиональных стандартов позволяет установить точно очерченный минимум компетенций и функций, которые входят в содержание деятельности сотрудника органа или учреждения социальной защиты. Также конкретизируется возможность сформулировать требования к объему и качеству деятельности для заключения «эффективных контрактов» с сотрудниками.

Содержание стандарта четко структурировано: трудовая функция → трудовые действия → необходимые знания → необходимые умения.

При этом все знания и умения практикоориентированные, именно такие, которые дают возможность выполнять трудовые функции.

В целом важно отметить, что образовательные стандарты отличаются от профессиональных стандартов *областью регулирования* — профессиональные стандарты регулируют требования к квалификации, компетенциям, образовательные стандарты определяют структуру и устройство образовательного процесса; *внутренней архитектурой* — в профессиональных стандартах зафиксированы функции, работы, продукты, технологии, определяется, какими знаниями и умениями должен обладать профессионал, а образовательные стандарты фиксируют, какие именно компетенции должны быть сформированы у выпускника, какими образовательными средствами будет формироваться та или иная компетенция. Профессиональные стандарты разрабатывает сообщество профессионалов, образовательные — Министерство образования и науки РФ, УМО.

Анализируя профессиональные стандарты, утвержденные в системе социальной защиты, можно констатировать, что основные требования к уровню профессиональной подготовки различны (в 2013 г. утверждены 9 профессиональных стандартов работников социальной сферы). Так, например, специалист по социальной работе должен иметь высшее (бакалавриат, специалитет) или среднее профес-

сиональное образование либо профессиональную переподготовку в соответствии с профилем деятельности, требование к специалисту по реабилитационной работе в социальной сфере — высшее образование и дополнительное профессиональное образование по специальным программам.

С удивлением хотелось бы отметить требование к уровню образования руководителя организации социального обслуживания — среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена, что вызывает недоумение практиков социальной сферы. Возможно, это было детерминировано разработчиками профессиональных стандартов с целью обеспечения условиях сохранения ресурса действующих руководителей организаций социального обслуживания. При этом самые высокие требования предъявляются к уровню подготовки специалиста по работе с семьей — это высшее профессиональное образование (за исключением программ бакалавриата) по профилю профессиональной деятельности, рекомендуется обучение по программам повышения квалификации, в том числе в форме стажировки.

Сравнение профессиональных стандартов с образовательными стандартами последнего поколения по направлению «социальная работа» показывает наличие противоречий: между пониманием профессии «социальная работа» и социальным обслуживанием; в видах деятельности: зафиксированных в профессиональном стандарте и направлениях деятельности образовательного стандарта; между умениями специалиста социальной работы, зафиксированными в профессиональных стандартах, и компетенциями, отражёнными в образовательных стандартах. Умения, зафиксированные в профессиональных стандартах, относительно коррелируют с компетенциями образовательного стандарта.

Вместе с тем необходимо отметить, что профессиональные стандарты создают возможность сформулировать реальные и измеримые результаты обучения в системе профессионального образования, планировать объемы и профили обучения, определять траектории обучения в течение всей жизни. Разработка и введение профессиональных стандартов по социальной работе в России поможет решить важные вопросы разработки обучающих программ с учетом требований рынка труда, оценки качества обучения в соответствии с требованиями работодателей (на основе профессиональных стандартов); эффективного управления государственным заказом для системы профессионального образования.

Библиографический список

Калинина Ю. А. Основные направления стандартизации социального обслуживания в России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2015.

О. Н. Замятина (Барнаул)

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В современном обществе возросло значение образования. Оно становится ведущим фактором общественного развития. Уровень образованности и интеллекта — это важнейшие составляющие национального богатства. Необходимо рассматривать образование в широком и узком смыслах. В узком смысле образование понимается как результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, необходимое условие подготовки человека к жизни. Основной путь получения образования при этом — обучение в учебных заведениях и самообразование. Уровень общего и специального, профессионального образования обуславливается требованиями производства, общественными отношениями, организацией социальной структуры общества, состоянием науки, техники и культуры. В широком смысле образование трактуется как опыт, феномен культуры, целенаправленно транслируемый институциональными и не институциональными способами, среди которых ведущим, но не единственным в современном мире является социальный институт образования. Следовательно, при формальном, прагматическом, узком подходе образование понимается как результат обучения, а при широком, неформальном, культурологическом — как процесс накопления, усвоения, передачи и преобразования социального опыта [1].

Образовательный процесс — это один из основных процессов включения. Неравенство и неоднозначность этого процесса есть одно из фундаментальных оснований порождения и закрепления социального и культурного неравенства, которое существует в обществе.

Проблема равенства и неравенства в социальном мире — одна из самых фундаментальных социальных проблем, она обстоятельно разрабатывалась начиная с уже с Античности. Выдающиеся философы античного мира рассматривали роль образования в социальной дифференциации, которая сводится к двум схемам: образование ор-

ганизационно укрепляет систему социального неравенства (Платон) и образование выступает фактором сглаживания социальных различий (Аристотель).

Идеи античных философов были дополнены и развиты европейскими мыслителями Нового времени и эпохи Просвещения Дж. Локк видел в образовании средство формирования культурного контекста, призванного закреплять социально-экономическое расслоение людей. Ж.-Ж. Руссо рассматривал образование как механизм морально-воспитания людей разного социального происхождения и их интеграции в обществе.

Г. Спенсер и Э. Дюркгейм высказали идею о том, что на неравенство в образовании влияют два типа факторов: аскриптивные факторы, такие как социальный класс, гендер, этническая группа, и достижительные факторы (способности и усилия учащихся). Только факторы второго рода являются функциональными (т. е. полезными для общества).

В развитых странах установлено формальное равенство прав граждан на получение образования, и государством организовано предоставление обязательного для всех определенного уровня образования.

В России равенство шансов социальных групп в образовании утрачивается уже в начале их образовательной траектории. Во время обучения дети имеют доступ к неравным программам и методам обучения, получают разные оценки, неравные знания и навыки, неравные дипломы. После окончания школы отдача от образования (полученный диплом, сделанные инвестиции) неодинакова, а неравный уровень образования имеет еще большие последствия для экономического, социального и культурного неравенства.

В современном обществе важнейшими факторами дифференциации образовательного потенциала являются: экономические факторы в образовании; территориальные различия в системе образования; социокультурные факторы; феминизация общества.

Рассмотрим эти факторы более подробно.

Экономические факторы в образовании выражаются в распространении платных услуг, с неизбежностью ведущих к расслоению людей в сфере образовательных возможностей и закрытому воспроизводству отдельных профессиональных групп, формированию системы элитарного образования, доступ к которой обусловлен экономическим статусом семьи.

Отражением данной ситуации является существенная дифференциация образовательных планов молодежи в зависимости от уровня благосостояния семьи. Эта дифференциация проявляется уже в об-

щеобразовательной школе как резкий спад интереса к общему образованию у части учащихся из экономически неблагополучных семей в связи с отсутствием средств на последующее получение высшего профессионального образования, с намерением ограничить собственную подготовку начальным профессиональным образованием. Проективная оценка возможности поступления на престижные направления подготовки у таких семей крайне низка. И, наоборот, у детей менеджеров и специалистов отмечена более устойчивая ориентация на получение высшего образования, чем у детей из семей рабочих [2, с. 108–115].

Территориальные различия в системе образования обусловлены урбанизацией в сочетании с концентрацией образовательных программ. При этом обнаруживаются крупные различия в функционировании систем образования в разных типах сообществ: в малых городах, престижных или неблагополучных городских кварталах, в сельской местности. Школы и школьная политика в этих сообществах по-разному способствуют развитию процесса неравенства образовательных шансов их жителей [3, с. 323].

Социокультурные факторы неравенства в образовании выражены:

— Специфическими отношениями педагогов к учащимся из разных социальных групп. Это связано с тем, что большинство учителей школ и преподавателей колледжей и университетов принадлежат к среднему классу. Это может вести к необъективной оценке учащихся из разных социальных групп, учитывающей скорее манеры поведения, и в конечном счете к делению учеников на «хороших» и «плохих». По данным российских исследований, в учебных взаимодействиях большинство преподавателей, информированных о социально-профессиональном статусе родителей отдельного учащегося, учитывают этот статус в оценивании способностей последнего.

Часто это выражается в субъективном приписывании ребенку из семьи, где родители добились значительного жизненного успеха (благополучия, должностного роста, общественного признания и т. д.), сравнительно более высоких умственных способностей и, соответственно, в выставлении несколько более высоких оценок.

— Развитием языковых способностей учащихся. Социологи выделяют устойчивые различия в языке школьников из низших и средних социальных слоев. Дети из разных социальных слоев по-разному выражают словами свои чувства, мотивы и намерения, знания и опыт, что неизбежно отражается на учебных оценках и успеваемости.

— Структурой семьи и ее размером, обуславливающим положение ребенка в семье и модели его личностных взаимодействий, а значит,

объем и содержание процессов его социализации. Социологи выявили зависимость между структурой семьи и школьными успехами детей и предложили модель «слияния» эффектов размера семьи, порядка рождения детей и уровня их умственных способностей. Согласно этой модели успеваемость была выше:

- 1) у выходцев из небольших семей;
- 2) у детей, родившихся ранее, чем среди детей, рожденных позднее;
- 3) у детей из полных семей, чем у детей из неполных семей.

— Ценностными отношениями родителей из разных социальных слоев к учебе своих детей, оказывающих сильное влияние. Чем выше ожидания родителей в отношении учебных успехов ребенка и даже более «взрослого» студента, тем лучше его успеваемость. Отсутствие родительского интереса коррелирует с низкой успеваемостью детей [4 с. 59–64]. В подростковом возрасте это проявляется и в форме протестного поведения [5].

Неравенство мужчин и женщин в образовании и длительное отставание уровня образования женщин привело к более активному образовательному поведению женщин и как следствие *феминизации* сферы занятости. Усилилась также образовательная миграция женщин [1].

Таким образом, образование является основным механизмом сохранения социального неравенства в обществе, а, следовательно, и самого общества.

Библиографический список

1. Матвеева Н. А. Инерционность системы образования в России: (теория, методология и опыт социологического исследования) : монография. Барнаул, 2004.
2. Чередниченко Г. А. Личные планы выпускников средних учебных заведений // Социологические исследования. 2001. № 12.
3. Социология : учебник для вузов / под ред. А. В. Воронцова. М., 2011.
4. Осипов А. М. Механизмы социального расслоения в образовании // Образование и общество. 2006. № 2.
5. Стерляева Н. А. Особенности агрессии как формы протестного поведения подростков // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. Барнаул, 2012.

Е. А. Молоткова (Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Современные условия жизни общества огромные требования предъявляют к становлению личности. Человек вынужден проявлять свою активность, быть адекватным в разных жизненных обстоятельствах, самостоятельно находить ответы на возникающие вопросы. Включаясь в систему общественных отношений, общаясь с людьми, человек выделяет себя из окружающей среды, ощущает себя как «Я», противостоящее другим и вместе с тем неразрывно с ним связанное. Человек постоянно находится в поиске баланса между нормами общества и собственными нормами, и этот бесконечный процесс носит название «социализация». Социализация подростков является одной из важных проблем нашего времени. Она не теряет своей актуальности, так как в период переходного возраста от детства к юношеству формируются нравственные установки, ценности, поведение становится сознательным, также происходят изменения в организме, открывается совершенно другой мир; как пример можно привести разнообразие отношений, такие как любовь, дружба, вражда. Большое влияние оказывают микро- и макросреда. На эту проблему можно смотреть двояко. С одной стороны, подростковый период можно отнести к заключительному периоду детства, а с другой стороны, это совершенно иная взрослая жизнь.

Исследование творческой деятельности в социализации постепенно выделяется в отдельную категорию, однако чаще упоминается в контексте именно высшего учебного заведения, не затрагивая созидательную активность подростка. Работы А. С. Макаренко о роли индивидуального подхода в развитии личности подростка остаются основополагающими для изучения школьными учителями и специалистами по работе с молодёжью, однако они описывают жизнь иного государства с совершенно другим внутренним устройством. Современный подход к методам организации внеурочной деятельности в средних образовательных учреждениях базируется на шаблонных программах, государственных стандартах, в которых обобщённо приведён примерный перечень задач и результатов воспитательной работы, но не указаны результаты, по которым можно судить об эффективности воспитательного процесса.

В изучении образовательной среды и её компонентов можно выделить классическую теорию — «Драматургический подход» Э. Гофмана, в рамках которого социальное действие изучается как формирование идентичности; человек нацелен на реакцию и учится коммуникации в процессе взаимодействия [1]. Особняком стоит когнитивная теория творчества Дж. Келли, в контексте которой творческая деятельность выступает как бесконечный процесс изучения человеком своих возможностей и способностей: данная теория является косвенным подтверждением аксиоматического утверждения о том, что творчество в ребёнке важно комплексно воспитывать с детства и повсеместно, во всех социальных институтах [2]. Исследование среды и приобретение опыта рассматриваются как смысл жизни человека. Вся человеческая жизнь представляется творческим исследовательским процессом, в ходе которого человек взаимодействует с окружающим миром, интерпретирует среду, общество, пытается прогнозировать определённые события.

Если педагогический коллектив школы готов к активному ролевому взаимодействию и воспринимает школу не только как площадку для получения образования, то формируется рефлексивная личность, способная к проектной и коллективной деятельности. Творчество как вид активности человека в его личной и общественной жизни всегда является формой качественного развития и, в свою очередь, выступает как способность человека создавать продукты, отличающиеся новизной, оригинальностью, уникальностью. Г. С. Альшуллер и А. Маслоу отмечают, что творческими способностями от рождения наделён каждый, но без должного руководства они не могут развиваться [3]. Главным для развития способности к творческой деятельности является создание мотивации на творчество и обучение воплощению творческих способностей. Е. Ю. Сидоркина отмечает тренировку коммуникативных навыков и развитие способности к саморефлексии как основную роль творческой деятельности.

В ходе исследования, проведённого среди обучающихся 8–11 классов средней общеобразовательной школы в мае 2015 г., было установлено, что активная творческая деятельность в образовательном учреждении оказывает влияние на их групповую идентичность, на восприятие как школы в целом, так и роли личности педагога в различных школьных взаимодействиях. Вместе с тем перед респондентами (старшеклассниками) и экспертами (педагогическими сотрудниками) стоял вопрос, готов ли учитель школы XXI в. к активному творческому обмену с учениками. Также был поставлен вопрос о правовой поддержке школьных инициатив. В результате анализа норматив-

ных источников было выявлено, что федеральные нормативно-правовые акты содержат описания необходимого результата взаимодействия между обучающимися, а также между обучающимся и учителем, но не объясняют, как оценить эффективность этого взаимодействия. В п. 18.2.3. Федерального государственного стандарта основного общего образования перечислены основные направления Программы воспитания и социализации обучающихся на ступенях основного образования. По мнению авторов Программы, образовательная среда предполагает системный подход к образовательному процессу, включающий в себя неотъемлемое взаимодействие урочной, внеурочной и общественно значимой деятельности, социальную самоидентификацию обучающихся посредством лично значимой деятельности, развитие у обучающихся конструктивных личностных качеств, пиетет перед нормами, ценностями и традициями [4]. Однако в ФГОС не разработан перечень компетенций, необходимых педагогу для грамотного и продуктивного взаимодействия с обучающимся; также не сформированы критерии, по которым можно оценить эффективность этого взаимодействия. Необходимость критериев оценки эффективности взаимодействия коллектива обучающихся школы с педагогическим коллективом обосновывается отсутствием целостной системы воспитательной работы в образовательных учреждениях. Поэтому нет единства ответов на вопрос о существовании общешкольных традиций, а также большая вариативность ответов на вопрос о том, в чём заключается творческая деятельность в школе. Стоит отметить, что, несмотря на достаточно глубокое творческое взаимодействие внутри образовательного учреждения, выступающего полем исследования, обучающиеся имеют довольно размытые представления о традициях как о структурном элементе и о их роли. Это может быть следствием либо формального подхода к творческой деятельности в образовательном учреждении, либо неразработанности системного подхода на высшем уровне.

Проблема отсутствия целостной системы воспитательной работы в школах представляет существенный научный и, что немаловажно, практический интерес как для специалистов по работе с молодёжью и педагогического коллектива средней школы, так и для самих подростков и их родителей. Понимание социальной реальности и получение опыта самостоятельного социального действия, необходимые для развития поколения созидателей, а не потребителей, возможны только при реальном, внеучебном взаимодействии между обучающимися. Всестороннее развитие личности, формирование ценностных установок и зрелых ролевых механизмов, способных обеспечить со-

хранение и воспроизводства общественного устройства, являются базовыми задачами института образования. Разработка нормативных документов, определяющих задачи учебного заведения и поддерживающих деятельность педагога как в учебное время, так и во внеучебной работе, является задачей государства.

Библиографический список

1. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life, University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1959.
2. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одарённости. СПб., 2012.
3. Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука. М., 1979.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. М., 2014 (Стандарты второго поколения).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашина Анна Дмитриевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, доцент, заведующая лабораторией «Теория и практика социальной работы», кандидат педагогических наук.

Антонович Ирина Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук.

Афанасьева Татьяна Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Быковская Белла Васильевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Великжанина Кристина Андреевна, Алтайский государственный университет, преподаватель кафедры социальной работы.

Воробьева Анна Андреевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Воронина Светлана Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Голенко Ярослав Юрьевич, Алтайская государственная педагогическая академия, аспирант кафедры философии и культурологии.

Голядкина Елена Ивановна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Гончарова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Дергунова Ирина Вячеславовна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Дирин Денис Александрович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономической географии и картографии, кандидат географических наук.

Домашев Анатолий Николаевич, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат философских наук.

Замятина Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук.

Игнатова Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, студентка.

Калгашкина Жанна Игоревна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Калитаева Александра Юрьевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, магистрант

Карамышев Николай Петрович, Алтайский государственный университет, магистрант.

Климук Ярослав Аполлонович, Бурлинский районный краеведческий музей, главный хранитель музейного фонда, кандидат исторических наук.

Коростелева Ольга Тимофеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры общей социологии, доктор социологических наук.

Котова Лилия Владимировна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Кротов Александр Викторович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономической географии и картографии, кандидат географических наук.

Лазарева Маргарита Сергеевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Логинова Надежда Сергеевна, Алтайский государственный аграрный университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук.

Максимов Максим Борисович, Алтайский государственный университет, научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Мариничев Ильмар Владимирович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, студент.

Мелехин Виктор Андреевич, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, доцент кафедры философии и социологии, кандидат социологических наук.

Мироненко Анастасия Александровна, Тольяттинский государственный университет, студентка.

Михайлец Дарья Ивановна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Молоткова Евгения Анатольевна, Российский государственный педагогический университет, магистрант.

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук.

Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Панова Юлия Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Переладова Алёна Андреевна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Полежайкина Елена Владимировна, Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, курсант.

Пономаренко Ольга Павловна, Алтайский государственный аграрный университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук.

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук.

Попова Елена Владимировна, Алтайский государственный университет, студентка.

Пустовалова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук.

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Семилет Тамара Алексеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры теории и практики журналистики, доктор философских наук.

Семьянов Святослав Алексеевич, Алтайский государственный университет, магистрант.

Синцова Людмила Константиновна, Алтайская государственная педагогическая академия, профессор кафедры философии и культурологии.

Старосвет Елена Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант.

Стерлядева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук.

Сытых Ольга Леонидовна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор философских наук.

Токмин Алексей Иванович, Алтайский государственный университет, студент.

Филиппова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Червякова Кристина Сергеевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Черепанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат педагогических наук.

Чудова Светлана Георгиевна, Алтайский государственный университет, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, кандидат социологических наук.

Шилина Алена Дмитриевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Шиндэйкина Елена Андреевна, Алтайский государственный университет, студентка.

Щеглова Дарья Константиновна, Алтайский государственный университет, сотрудник.

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

Сборник статей

Выпуск 8

Часть I

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 25.03.2016

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 11,2. Тираж 100 экз. Заказ 98.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66